

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

2.2021

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Филологические науки

- 10.01.01 – Русская литература
- 10.01.08 – Теория литературы. Текстология
- 10.02.01 – Русский язык
- 10.02.19 – Теория языка
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое
типологическое и сопоставительное
языкознание
- 10.02.21 – Прикладная и математическая
лингвистика

Педагогические науки

- 13.00.02 – Теория и методика обучения
и воспитания

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

2.2021

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, г. Москва.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Граценков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук; старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор перевода (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; principal research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University, Russian Federation.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Ilona Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University, Hungary.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; senior lecturer at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental Digital Library «Russian literature and folklore», Moscow, Russian Federation.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Содержание

Специальный выпуск

«Документация, описание, объяснение:
научное наследие А.Е. Кибрика и изучение “малых” языков»
(редакторы выпуска О.В. Федорова, Е.А. Лютикова)

ЛИНГВИСТИКА

<i>Е.А. Лютикова, О.В. Федорова</i>	
Научная школа А.Е. Кибрика: от описания и документации языков к типологии и теории языка	9
<i>А.А. Кибрик, Т.А. Майсак</i>	
Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований.	23
<i>А.В. Архипов, К.Л. Дэбриц</i>	
Реконструкция фонетических соответствий элементов графики эвенкийских текстов из архива К.М. Рычкова	46
<i>Я.Г. Тестелец</i>	
Ролевые языки Северного Кавказа: идея А.Е. Кибрика через 40 лет.	65
<i>Е.А. Лютикова</i>	
Типология эргативности и грамматические асимметрии в дагестанских языках.	84
<i>М.А. Даниэль</i>	
Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных	102
<i>М.Э. Чумакина</i>	
Несогласовательные функции согласовательных показателей в дагестанских языках.	131
<i>Е.Ю. Филимонова</i>	
Дательный этический и генитив с предлогом в конфликтных репликах в русском языке	149

Contents

Special issue: Documentation, description, explanation:
Aleksandr E. Kibrik's scientific heritage in the study of minor languages
(Guest editor: Olga V. Fedorova; editor: Ekaterina A. Lyutikova)

LINGUISTICS

E.A. Lyutikova, O.V. Fedorova

Aleksandr Kibrik's scientific school:
From language description
and documentation towards linguistic typology
and linguistic theory 9

A.A. Kibrik, T.A. Maisak

Discourse transcription rules
for descriptive and documentary studies 23

A.V. Arkhipov, C.L. Däbritz

Reconstructing phonetics behind
the graphic system of Evenki texts
from the Rychkov archive 46

Ya.G. Testeleis

The role languages of the North Caucasus:
A.E. Kibrik's idea after 40 years 65

E.A. Lyutikova

Typology of ergativity
and grammatical asymmetries in Daghestanian 84

M.A. Daniel

Agreement in obliqueness
in East Caucasian: A formal survey 102

M.E. Chumakina

Unusual behaviour of agreement markers
in Nakh-Daghestanian languages 131

E.Yu. Filimonova

Ethical dative and prepositional genitive
in conflict-inducing phrases in Russian. 149

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-9-22

Е.А. Лютикова, О.В. Федорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Научная школа А.Е. Кибрика: от описания и документации языков к типологии и теории языка

В статье представлена «экспедиционная биография» А.Е. Кибрика – выдающегося российского лингвиста, создателя отечественной школы полевой лингвистики. Описаны лингвистические экспедиции Кибрика 1967–2008 гг. по исследованию малых бесписьменных языков России, в первую очередь языков Дагестана, в том числе арчинского, хиналугского, годоберинского, багвалинского и цахурского. Описание и документация разноструктурных языков, принципиально отличающихся от языков средневропейского стандарта, привели А.Е. Кибрика к созданию собственной уникальной исследовательской программы в области теории языка и лингвистической типологии, ключевым положением которой стала когнитивная мотивированность языковой формы.

Ключевые слова: полевая лингвистика, описание и документирование языков, языки Дагестана, типология, внутригенетическая типология, когнитивные науки

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лютикова Е.А., Федорова О.В. Научная школа А.Е. Кибрика: от описания и документации языков к типологии и теории языка // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 9–22. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-9-22

© Лютикова Е.А., Федорова О.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-9-22

E.A. Lyutikova, O.V. Fedorova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Aleksandr Kibrik's scientific school: From language description and documentation towards linguistic typology and linguistic theory

The paper presents the “field biography” of Aleksandr E. Kibrik – the outstanding Russian linguist, the founder of the national school of field linguistics. Kibrik's 1967–2008 field studies of unwritten languages of Russia, most particularly of Daghestanian languages, including Archi, Khinalug, Godoberi, Bagwalal and Tsakhur, are outlined. Description and documentation of languages fundamentally differing from the Standard Average European in their structural characteristics fostered his pioneering research program in theoretical linguistics and linguistic typology, involving the thesis of cognitive motivation of the linguistic form as its fundamental pillar.

Key words: field linguistics, description and documentation of languages, East-Caucasian languages, linguistic typology, intragenetic typology, cognitive science

Acknowledgments. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”.

FOR CITATION: Lyutikova E.A., Fedorova O.V. Aleksandr Kibrik's scientific school: From language description and documentation towards linguistic typology and linguistic theory. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 9–22. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-9-22

К 50-летию выхода монографии А.Е. Кибрика
«Методика полевых исследований»

Настоящий выпуск журнала собран по материалам докладов, прочитанных 31 октября 2020 г. на секции памяти Александра Евгеньевича Кибрика на традиционных Звегинцевских чтениях, посвященных

110-й годовщине со дня рождения Владимира Андреевича Звегинцева и 60-летию создания кафедры теоретической и прикладной лингвистики (ТиПЛ) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Александр Евгеньевич Кибрик (26.03.1939–31.10.2012) – выдающийся российский лингвист, педагог и организатор науки, профессор Московского университета, член-корреспондент РАН и Британской Академии наук, заслуженный деятель науки Республики Дагестан. Александр Евгеньевич является автором более 300 работ по теории языка, синтаксической типологии, кавказоведению, когнитивно-ориентированному подходу к языку и др. Многим отечественным лингвистам А.Е. Кибрик известен и как заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которую он возродил в 1992 г. и которой бессменно руководил до самой своей смерти в 2012 г.

Благодаря уникальному сочетанию научного, организаторского и педагогического талантов Александр Евгеньевич создал новое направление в отечественном языкознании – полевую лингвистику, т.е. «комплекс лингвистических методов, направленных на самостоятельное творческое (а не ученическое – по грамматикам и учебникам) изучение и описание живого языка, не являющегося родным для исследователя» [Кибрик, 1972, с. 11]. В 2022 г. исполняется 50 лет со дня выхода его монографии «Методика полевых исследований (к постановке проблемы)» [Кибрик, 1972], которую А.Е. Кибрик по предложению ведущего отечественного кавказоведа Г.А. Климова первоначально написал для академической серии «Теория советского языкознания». После того, как обсуждение рукописи в Институте языкознания в Ленинграде провалилось (в книге слишком подробно, на взгляд рецензентов, описывались достижения американской полевой лингвистики, а советская школа была представлена недостаточно широко), ее удалось опубликовать в издательстве МГУ при поддержке В.А. Звегинцева, одного из основателей кафедры ТиПЛ и в то время ее заведующего. Хотя монография оказалась недоступной широкому отечественному читателю, ее заметило крупное международное издательство Mouton, выпустив перевод на английский язык [Kibrik, 1977].

Полевая лингвистика, согласно А.Е. Кибрику, обладает следующими отличительными чертами. Во-первых, она предполагает выезд в поле, т.е. работу в привычной для носителей изучаемого языка (которых традиционно называют информантами) обстановке. Во-вторых, она располагает особыми методами сбора и описания языка. В-третьих, полевое исследование состоит в первую очередь из работы с информантами, а не с существующими грамматиками и текстами. В-четвертых, изучаемый

язык обычно изначально неизвестен исследователю. В-пятых, этот язык является в целом малоизученным, а часто и не имеет письменности. Наконец, полевая работа в рамках школы Кибрика осуществляется не одиночными исследователями, а коллективным методом [Кибрик, 1972, 2003].

Полевая работа Александра Евгеньевича продолжалась с небольшими перерывами более сорока лет, с 1967 г. по 2008 г., за это время он организовал и провел 45 лингвистических экспедиций¹. Идея организовать в качестве студенческой летней практики лингвистическую экспедицию родилась у А.Е. Кибрика в 1966 г., когда в разговоре с В.А. Звегинцевым он посетовал на недостаток у студентов практических навыков работы с неизвестными языками, а летом 1967 г. она уже была реализована. В.А. Звегинцев предлагал поехать на Памир (до 1950 г. он жил и работал в Ташкенте), но Александр Евгеньевич выбрал Кавказ, чему способствовало его знакомство с лакцем Х.Ш. Гаджиевым. С лингвистической точки зрения горный Дагестан – один из самых многоязычных и разнообразных регионов на Земле, а с точки зрения суровой красоты горных ландшафтов ему, возможно, и вообще нет равных. Оба обстоятельства покорили сердце Александра Евгеньевича, заставляя возвращаться в Дагестан снова и снова, в том числе и в последние годы жизни. Собрав и проанализировав огромный языковой материал, А.Е. Кибрик стал крупнейшим в мире специалистом по языкам Дагестана, особенно много сделав в области описательного кавказоведения и синтаксической типологии.

Первая экспедиция, проведенная в 1967 г. в селение Хурхи (лакский язык), оказалась для А.Е. Кибрика серьезной школой самообразования, когда пришлось на месте учиться работать с информантами, создавать транскрипцию, организовывать быт. Важным историческим событием экспедиции стало путешествие в Арчи: «Как-то в случайном разговоре с местными жителями я услышал, что за перевалом есть уникальное селение Арчи, в котором говорят на особом языке, и такого языка больше нигде нет» [Кибрик, 2007а, с. 311]. С тех пор благодаря Кибрику арчинский язык – бесписьменный нахско-дагестанский язык лезгинской группы, на котором говорит примерно 1000 человек, – превратился в один из самых качественно описанных и наиболее цитируемых «малых» языков мира.

А.Е. Кибрик ездил в Арчи неоднократно, но первая экспедиция 1968 г. стала знаменательна двумя особыми событиями. Во-первых,

¹ Полный список лингвистических экспедиций под руководством А.Е. Кибрика с указанием состава участников см. на сайте его памяти (<http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/site/expeditions-lists>).

начиная с этой поездки его постоянным соратником в экспедициях стал Сандро Васильевич Кодзасов (1938–2014) – выдающийся отечественный фонетист, многолетний коллега и ближайший друг. Во-вторых, здесь Александр Евгеньевич познакомился с молодым арчинцем, студентом филологического факультета Дагестанского университета Джалилем Самедовым, который имел прекрасное языковое чутье и единственный в селе свободно владел русским языком. Через год удалось перевести его на русское отделение филфака МГУ, после окончания которого Джалиль защитил диссертацию по лексике арчинского языка.

Таким образом у А.Е. Кибрика появилась редкая возможность продолжать работу и в Москве. Результатом многолетних усилий стала его докторская диссертация «Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики» (1976) и важнейший фундаментальный труд – четырехтомная грамматика арчинского языка [Кибрик и др., 1977]. В теоретическом плане грамматика написана в рамках модели «Смысл ↔ Текст», однако параллельно представлено и традиционное таксономическое описание. Александр Евгеньевич вспоминает, что при подготовке текста в поисках образца перелистал множество грамматических описаний, но не нашел ничего подходящего: «Наиболее типичные недостатки – это нечеткая ориентация на потенциального потребителя грамматики, взгляд на язык через призму национальной лингвистической традиции и родного языка исследователя» [Кибрик, 2007а, с. 325]. А.Е. Кибрику удалось создать грамматику нового типа, ориентированную на лингвиста-типолога, с толкованием каждого грамматического значения и большим количеством примеров. Написанная более сорока лет назад, арчинская грамматика и по сей день продолжает оставаться образцом описания малого и/или бесписьменного языка.

Вторым дагестанским языком после арчинского по степени детальности его описания А.Е. Кибриком стал хиналугский – одноаульный дагестанский язык в Азербайджане, куда он ездил в 1970 и 1971 гг. Успешному проведению экспедиций способствовал директор школы, народный поэт Хиналуга Рагим Алхас. В Хиналуге впервые была опробована схема иерархической организации коллективной работы. Все задачи делились на направления: фонетика, морфология, синтаксис и др., студенты собирали материал по индивидуальным темам под присмотром руководителя направления, разделившись на группы («кусты»), в которых более опытные «старички» руководили «новичками». В 1972 г. вышла монография «Фрагменты грамматики хиналугского языка» [Кибрик и др., 1972], о названии которой рецензент книги, специалист по языкам Кавказа, замечает, что оно «несколько скромно и не соответствует действительности. Книга является весьма полным

и последовательным описанием фонологической и грамматической систем хиналугского языка. <...> [Книга] отличается гармоничным сочетанием формализации описательной методики с глубоким пониманием внутренней структуры языка, изобилием иллюстративного материала» [Гигинейшвили, 1973, с. 148–149].

Новая экспедиционная эра началась в 1973 г., когда А.Е. Кибрик поставил цель описать по единой схеме лексику всех языков Дагестана; разработанный тезаурус состоял из 1000 словарных статей и включал не только перевод, но также информацию, необходимую для построения парадигмы словоизменения каждого слова. Так как масштаб нового проекта был несравнимо больше предыдущих, «было решено перейти на “многопартийную” систему, имея несколько мобильных партий, параллельно работающих с разными языками» [Кибрик, 2007а, с. 26]. Значение вышедшего в 1988 и 1990 гг. двухтомного «Сопоставительного изучения дагестанских языков» [Кибрик, Кодзасов, 1988, 1990] трудно переоценить: в нем собран уникальный справочный материал по фонетике, морфологии и лексике дагестанских языков, который и в настоящее время активно используется кавказоведами, типологами и компаративистами. В частности, он лег в основу дагестанской реконструкции С.А. Старостина и С.Л. Николаева [Nikolayev, Starostin, 1994], и, как писал сам А.Е. Кибрик, «за это время к нам не поступило ни одной претензии о той или иной ошибке в этом словаре» [Кибрик, 2007а, с. 443].

Таким образом, дагестанские полевые штудии А.Е. Кибрика в 1970–1980-х гг. обогатили науку разработкой методики полевой работы, фундаментальным описанием грамматики хиналугского языка, уникальным описанием грамматики арчинского языка, а также самым крупномасштабным проектом в истории кавказоведения – сопоставительным словарем дагестанских языков. Кроме того, после возобновления экспедиций в Дагестан в 1990-е гг. под руководством А.Е. Кибрика были опубликованы не менее значительные коллективные грамматические описания годоберинского [Kibrik, 1996], цахурского [Кибрик, 1999] и багвалинского [Кибрик, 2001] языков, особое внимание в которых было уделено анализу текстов. Перед участниками экспедиций ставилась задача: каждый языковой феномен, встретившийся в корпусе собранных текстов, должен получить отражение в соответствующем разделе грамматического описания. Эти грамматики стали своего рода справочниками по различным разделам морфологии и синтаксиса дагестанских языков для последующих исследователей, задали целевой уровень проработки грамматической проблематики – с глубоким погружением в материал и обязательным типологическим фоном.

Александр Евгеньевич ездил в экспедиции не только в Дагестан: за его плечами успешный опыт проведения экспедиций в Туву, Абхазию, Грузию, на Памир, на Камчатку. В частности, по результатам камчатских экспедиций 1970-х гг. была опубликована коллективная монография «Язык и фольклор алыторцев» ([Кибрик и др., 2000], переведенная на английский язык ([Kibrik et al., 2004])). В последние годы своей жизни А.Е. Кибрик активно занимался документированием малых языков, находящихся под угрозой исчезновения. Документирование отличается от полевой работы тем, что его основная цель состоит в сборе большого корпуса исходных языковых данных, которые позволят в дальнейшем изучать язык, даже если новых данных собрать уже нельзя. Александр Евгеньевич был соруководителем проекта «Пять языков Евразии», в рамках которого были осуществлены его последние поездки в Арчи и Хиналуг, а также автором и редактором двух сборников «Малые языки и народы: существование на грани» [Кибрик, 2005, 2008]. В 2017 г., уже после смерти Александра Евгеньевича, его учениками и коллегами был выпущен двухтомник «Жизнь как экспедиция», приуроченный к 50-летию первой лингвистической экспедиции кафедры ТиПЛ [Федорова, Плунгян, 2017], в котором собраны воспоминания участников экспедиций, а также фотографии и другие документальные материалы тех времен². Это издание позволяет не только приобщиться к опыту нескольких поколений полевых лингвистов, увидеть становление и развитие «метода Кибрика» в создании полевых описаний, но и понять «силу эффекта» от участия в экспедициях: как неоднократно отмечал Я.Г. Тестелец, сегодня большая часть активно работающих отечественных лингвистов прошла полевую школу Кибрика.

Описание и документирование языков имеет самостоятельную научную ценность, в особенности в настоящее время, когда каждый год мы получаем известия о смерти последних носителей малоизученных языков, в том числе и на территории нашей страны, а еще большее количество языков находится в угрожаемом статусе³. Однако опыт непосредственной полевой работы с разноструктурными языками, столь разительно отличающимися от языков средневропейского стандарта, не мог не наложить отпечаток и на теоретические установки А.Е. Кибрика, его исследовательскую программу в области типологии и теории языка.

² Сборник «Жизнь как экспедиция» в электронном виде можно найти на сайте памяти А.Е. Кибрика (<http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/site/expeditions>).

³ Более подробную информацию о функционировании миноритарных языков России можно посмотреть, в частности, на интернет-ресурсе Института языкознания РАН «Малые языки России» (https://iling-ran.ru/web/ru/departments/minority_languages/minlang).

Важнейший вопрос, который ставит перед собой А.Е. Кибрик и обсуждение которого красной нитью проходит через все его научное творчество, начиная с работ [Кибрик, 1977, 1979d] и заканчивая монографией [Кибрик, 2003] и серией статей [Кибрик 2007b, 2008, 2011], – вопрос о соотношении универсального и специфичного, общего и особенного, констант и переменных в языке. Для решения этого вопроса необходимо, во-первых, отказаться от русоцентричного (англоцентричного, евроцентричного и т.п.) взгляда на язык, подвергнуть критическому анализу инструментарий исследователя, ту систему представлений, в рамках которой происходит категоризация языковых явлений. Во-вторых, нужно найти удобный объект для анализа – такие феномены и такие языковые выборки, которые максимально контрастно демонстрируют межъязыковое варьирование по определенным параметрам, не затемняя и не маскируя его значениями других, ортогональных параметров. Наконец, в-третьих, нужно понять, на чем основывается универсальный компонент естественных языков, те общие свойства, которые ограничивают пространство типологических возможностей и отличают человеческий язык от иных знаковых систем.

Первая из указанных задач ставится А.Е. Кибриком уже в ранних работах. Столкнувшись с неприменимостью многих теоретических установок и классификаций, разработанных на материале таких языков, как русский или английский, к языкам иной структуры, Кибрик подвергает критической деконструкции традиционное грамматическое описание, сравнивая его с прокрустовым ложем, которое не вмещает всё разнообразие естественных языков. Мишенями критики становятся важнейшие теоретические концепты, полагаемые универсально значимыми: синтаксические отношения (и их деление на согласование, управление и примыкание, свойственное отечественной традиции [Кибрик, 1977]) и синтаксические роли (грамматические отношения, в частности, подлежащее, универсальность которого имплицитно или эксплицитно постулируется в англоцентричных работах [Кибрик, 1979d]). Характерно, что в обоих случаях А.Е. Кибрик последовательно проводит различие между универсальной реляционной структурой (универсальным отношением синтаксической зависимости, универсальным набором ролевых отношений аргумента и предиката) и поверхностными способами выражения этих отношений, которые варьируют от языка к языку и могут до определенной степени затемнять их.

Изучение языков Дагестана, а затем алжирского, сванского, памирских языков послужило толчком к разработке новой реляционной типологии предложения [Kibrik, 1997; Кибрик 2003], в которой различаются универсальный ролевой инвентарь и различные кодирующие техники,

кумулятивно или сепаратистски выражающие концепты ролевого, коммуникативного и дейктического измерений. В этой типологии языки с подлежащим – это лишь одна из возможностей, соответствующая кумулятивному кодированию концептов трех измерений и ориентированная на выделение гиперроли Принципала.

В рамках решения второй задачи А.Е. Кибрик выдвигает идею типологии родственных языков (внутригенетической типологии) как составной части типологии вообще. Выбор в пользу внутригенетической типологии обуславливается характером изучаемого феномена: его диахронической неустойчивостью (благодаря чему он может по-разному сохраняться и развиваться в родственных языках) и его комплексностью (вследствие чего оказывается возможным проводить «декомпозицию» феномена и выделять различные взаимодействующие или конкурирующие принципы). Гармонирует с внутригенетическим подходом неравномерная дистрибуция языкового феномена по языковым группам, когда он широко представлен в отдельных генетических общностях и отсутствует в других.

Методики внутригенетической типологии на материале дагестанских языков были с успехом применены А.Е. Кибриком в исследовании типологии эргативности (серия публикаций под общим названием «Материалы к типологии эргативности» [Кибрик, 1979a, b, c, 1980, 1981]), а также при работе с конкретными грамматическими феноменами, такими как конструкции с клаузальными актантами [Кибрик, 1983] и конструкции с клаузальным сочинением [Кибрик, 2007b]. С точки зрения внегенетической типологии полученные при таком подходе обобщения не всегда являются в равной степени репрезентативными; скорее, внутригенетическую типологию можно рассматривать как один из индуктивных этапов общетипологического исследования, подобно тому, как при установлении родства языков сперва реконструируются праязыки групп, а уже на их основе – праязык семьи. Для А.Е. Кибрика, однако, важнее было другое: именно при сопоставлении близкородственных языков становятся доступными наблюдению стоящие за минимально варьирующими языковыми техниками компоненты когнитивной структуры.

Опираясь на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы («В той мере, в какой языковая форма мотивирована, она “отражает” стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик, 2008, с. 52]), Кибрик предлагает захватывающую исследовательскую программу: поиск неслучайных соответствий между значением и формой и их использование для реконструкции структуры мысли. В ее рамках анализируется один из важнейших феноменов, обнаруживаемых при межъязыковом сравнении, – феномен маркированности.

Маркированность, будучи мета-признаком, организует языковые оппозиции по самым разным категориям: числа, лица, падежа, вида. Важным типологическим обобщением оказывается широкое распространение обратимой маркированности: определенные значения категорий гармонируют друг с другом. Например, для счетных существительных немаркирована семантическая квантованность, единичность объекта, выражаемая единственным числом, тогда как для собирательных существительных немаркирована семантическая кумулятивность объекта, а для выделения отдельного кванта требуется особая техника, например, использование сингулятивов (*травинка, горошина*), нумеративов (*головка чеснока*) или псевдопартитивов (*стакан воды*). Часто в языках специально маркируется приоритетный ролевой статус участников с низкой позицией на иерархии одушевленности и, наоборот, неприоритетный ролевой статус участников с высокой позицией на иерархии одушевленности; эта тенденция находит отражение в целом ряде типологических обобщений, например, в иерархии расщепленной эргативности (иерархии Сильверстейна [Silverstein, 1976]) или в иерархической организации категории переходности [Hopper, Thompson, 1980]. Кибрик выдвигает положение о неслучайном характере языковой маркированности: языковая маркированность есть производное от когнитивной маркированности. Немаркированное языковое значение соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей, в то время как маркированное языковое значение соответствует когнитивно отклоняющемуся от нормального (неестественному, неожиданному) положению вещей. Организация языковых категорий, таким образом, позволяет выявить когнитивные гештальты, которыми оперирует человек при организации своего опыта, и тем самым пролить свет на структуру мысли. В итоге, именно единым способом организации мышления и обусловлено все универсальное, общее и типовое в естественном языке. Таким образом, лингвистика становится не только составной частью, но авангардом когнитивной науки, а лингвистическая типология – ее важнейшим инструментом.

Настоящая подборка статей, как мы надеемся, продолжает и развивает научную полевою традицию А.Е. Кибрика. Две статьи в соавторстве – статья А.А. Кибрика и Т.А. Майсака «Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований» и статья А.В. Архипова и К. Дебрита «Реконструкция фонетики по графической системе представления эвенкийского языка в архиве Рычкова» – посвящены методологической проблематике в рамках документирования языков. Большинство статей – Я.Г. Тестельца, Е.А. Лютиковой, М.А. Даниэля и М.Э. Чумакиной – продолжают «дагестанскую» линию

экспедиционных штудий и представляют собой примеры внутригенетических типологических исследований важнейших морфосинтаксических техник кодирования структуры именной группы и клаузы – падежа и согласования. Наконец, статья Е.Ю. Филимоновой, посвященная кодированию говорящего и адресата в конфликтных репликах русского языка, демонстрирует применение методологии Кибрика в выявлении когнитивных структур, стоящих за распределением языковых конструкций «заинтересованного лица».

Библиографический список / References

Гигинейшвили, 1973 – Гигинейшвили Б.К. Рец. на: Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хиналутского языка. М., 1972 // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 148–150. [Gigineishvili B.K. Review on: Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyanikova I.P.'s Fragments of Khinalug grammar. Moscow, 1972. *Voprosy jazykoznanija*. 1973. No. 5. Pp. 148–150. (In Rus.)]

Кибрик, 1972 – Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы) // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 10. М., 1972. [Kibrik A.E. Methodology of field investigations in linguistics. *Publikatsii otdeleniya strukturnoi i prikladnoi lingvistiki*. Vol. 10. Moscow, 1972. (In Rus.)]

Кибрик, 1977 – Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 161–179. [Kibrik A.E. On the interrelation between syntactic dependence and agreement, government, adjacency. *Problemy teoreticheskoi i eksperimentalnoj lingvistiki*. Moscow, 1977. Pp. 161–179. (In Rus.)]

Кибрик, 1979а – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 0. Теоретическое введение. 1. Арчинский язык. // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 126. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 0. Theoretical introduction. 1. Archi. *Predvaritel'nye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 126. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979b – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 2. Лакский язык. 3. Чирагский язык // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 127. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 2. Lak. 3. Chirag. *Predvaritelnye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 127. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979с – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 4. Табасаранский язык. 5. Агульский язык. // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 128. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 2. Tabasaran. 3. Agul. *Predvaritelnye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 128. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979d – Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия ОЛЯ АН СССР. № 4. 1979. С. 309–317. [Kibrik A.E. Subject and the problem of the universal language model. *Izvestiya AN SSSR, Otdelenie literatury i yazyka*. № 4. 1979. Pp. 309–317. (In Rus.)]

Кибрик, 1980а – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 6. Цахурский язык. 7. Рутульский язык. 8. Лезгинский язык // Институт русского языка

АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 129. М., 1980. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 6. Tsakhur. 7. Rutul. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 129. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1980b – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 9. Чамалинский язык. 10. Тиндинский язык. 11. Ахвахский язык. 12. Хваршинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 130. М., 1980. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 9. Chamalal. 10. Tindi. 11. Akhvakh. 12. Khwarshi. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 130. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1981a – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 13. Бежтинский язык. 14. Гунзибский язык. 15. Цезский язык. 16. Гинухский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 140. М., 1981. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 13. Bezhta. 14. Hunzib. 15. Tsez. 16. Hinuq. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 140. Moscow, 1981. (In Rus.)]

Кибрик, 1981b – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 17. Хиналугский язык. 18. Будухский язык. 19. Крызский язык. 20. Аварский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 141. М., 1981. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 17. Khinalug. 18. Budukh. 19. Kryz. 20. Avar. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 141. Moscow, 1981. (In Rus.)]

Кибрик, 1983 – Кибрик А.Е. Конструкции с предикатным актантом в дагестанских (эргативных) языках // Категории глагола и структура предложения / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1983. С. 101–117. [Kibrik A.E. Complementation constructions in Daghestanian (ergative) languages. *Kategorii glagola i struktura predlozheniya*. V.S. Khrakovskii (ed.). Leningrad, 1983. Pp. 101–117. (In Rus.)]

Кибрик, 1993 – Кибрик А.Е. Родственные языки как объект типологии // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании / Под ред. Т.Н. Молошной и др. М., 1993. С. 16–25. [Kibrik A.E. Related languages as an object of typology. *Tipologicheskie i сопоставительные методы v slavyanskom yazykoznanii*. T.N. Moloshnaya et al. (ed.). Moscow, 1993. Pp. 16–25. (In Rus.)]

Кибрик, 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 1999. [Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of Tsakhur grammar in typological perspective]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 1999.]

Кибрик, 2001 – Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2001. [Bagvalinskii yazyk. Grammatika, teksty, slovari [Bagwalal: Grammar, texts, dictionaries]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2001.]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. [Kibrik A.E. Konstanty i peremennye yazyka [Constants and variables of language]. St. Petersburg, 2003.]

Кибрик, 2005 – Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2005. [Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani. Vyp. 1. Lingvisticheskie problemy sokhraneniya i dokumentatsii mal'kh yazykov [Minority languages and traditions: Existence on the edge. Issue 1. Linguistic problems of preservation and documentation of minority languages]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2005.]

Кибрик, 2007а – Кибрик А.Е. Диалог лингвиста с носителем: в поисках полевого метода и формата лингвистического описания // На меже меж Голосом и Эхом. Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 308–328. [Kibrik A.E. The dialogue of the linguist and the native speaker: in search of the field method and linguistic description's format. *Na mezhe mezh Golosom i Ekhom. Sbornik statei v chest Tatyany Vladimirovny Tsivyan*. Moscow, 2007. Pp. 308–328. (In Rus.)]

Кибрик, 2007б – Кибрик А.Е. Принципы и стратегии клаузного сочинения в дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 78–120. [Kibrik A.E. Principles and strategies of clause chaining in Daghestanian languages. *Voprosy jazykoznanija*. 2007. № 3. Pp. 78–120. (In Rus.)]

Кибрик, 2008а – Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77. [Kibrik A.E. Linguistic reconstruction of the cognitive structure. *Voprosy jazykoznanija*. 2008. No. 4. Pp. 51–77. (In Rus.)]

Кибрик, 2008б – Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 2. Тексты и словарные материалы / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2008. [Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani. Vyp. 2. Teksty i slovarnye materialy. [Minority languages and traditions: Existence on the edge. Issue 2. Texts and dictionaries]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2005.]

Кибрик, 2011 – Кибрик А.Е. База естественного человеческого языка и ее основные параметры // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2011». М., 2011. С. 4–18. [Kibrik A.E. The basis of the human language and its major parameters. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2011»*. Moscow, 2011. Pp. 4–18. (In Rus.)]

Кибрик и др., 1972 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P. *Fragmenty grammatiki khinalugskogo yazyka* [Fragments of Khinalug grammar]. Moscow, 1972.]

Кибрик и др., 1977 – Опыт структурного описания архинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. Т. 1–4. М., 1977. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [Structural description of Archi]. Vol. 1–4. М., 1977.]

Кибрик и др., 2000 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алыторцев. М., 2000. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Muraveva I.A. *Yazyk i folklor al'yutortsev* [Language and folklore of the Alutor people]. Moscow, 2000.]

Кибрик, Кодзасов, 1988 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V. *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Glagol* [Comparative study of Dagestanian languages. Verb]. Moscow, 1988.]

Кибрик, Кодзасов, 1990 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitelnoe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika [Comparative study of Dagestanian languages. Noun. Phonetics]. Moscow, 1990.]

Федорова, Плунгян, 2017 – Жизнь как экспедиция: Сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А.Е. Кибрика и С.В. Кодзасова / Под ред. О.В. Федоровой, В.А. Плунгяна. М., 2017. [Zhizn kak jekspedicija: sbornik statej k 50-letiju shkoly polevoj lingvistiki A.E. Kibrika i S. V. Kodzasova [Life as expedition: On the occasion of the 50th anniversary of A. Kibrik and S. Kodzasov's school of field linguistics]. O.V. Fedorova, V.A. Plungjan (eds.). Moscow, 2017.]

Hopper, Thompson, 1980 – Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse. *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. Pp. 251–299.

Kibrik, 1977 – Kibrik A. The methodology of field investigations in linguistics (setting up the problem). *Janua Linguarum. Series Minor*, 142. The Hague/Paris, 1977.

Kibrik, 1997 – Kibrik A. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–68.

Kibrik, 1996 – Godoberi. A.E. Kibrik (ed.). *Lincom Studies in Caucasian Linguistics*. München/Newcastle, 1996.

Kibrik et al., 2004 – Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Muravyova I.A. Language and folklore of the Alutor people. Osaka, 2004.

Nikolayev, Starostin, 1994 – Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian ethymological dictionary. Moscow, 1994.

Silverstein, 1976 – Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical Categories in Australian languages*. No. 22. *Australian Institute of Aboriginal Studies*. R.M.W. Dixon (ed.). 1976. Pp. 112–177.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторах / About the authors

Лютикова Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4439-0613>

E-mail: lyutikova2008@gmail.com

Федорова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Olga V. Fedorova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5034-3859>

E-mail: olga.fedorova@msu.ru

А.А. Кибрик^{1, 2}, Т.А. Майсак^{1, 3}

¹ Институт языкознания Российской академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований

В то время как принципы морфологического анализа и глоссирования в современной лингвистике достаточно стандартизированы, не существует общепринятых правил организации самого транскрипта. В статье предлагается стандарт транскрибирования устного дискурса, который может быть применен в описательном или документационном проекте по любому языку. Транскрипт должен быть разделен на строки, соответствующие элементарным дискурсивным единицам. В транскрипте должна содержаться разметка слов, элементов слов, акцентов, тонов в акцентах, других просодических явлений, а также пунктуационные знаки, передающие фазовые и иные дискурсивные смыслы. Транскрипт должен быть верен исходному сигналу, регистрировать все его существенные элементы и избегать артефактов и пост-редактирования. Последовательное транскрибирование дискурса на произвольном языке – это вполне посильная задача, которая достижима уже при небольшой тренировке.

Ключевые слова: описательная лингвистика, документационная лингвистика, дискурсивная транскрипция, элементарная дискурсивная единица, просодия, дискурсивный акцент, пунктуация, пауза, речевой сбой

Благодарности. Исследование А.А. Кибрика поддержано грантом Российского научного фонда № 17-18-01649.

Авторы благодарят Н.А. Коротаева, В.И. Подлесскую и рецензентов журнала, которые прочитали статью и высказали ряд полезных замечаний.

© Кибрик А.А., Майсак Т.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кибрик А.А., Майсак Т.А. Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 23–45. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-23-45

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-23-45

A.A. Kibrik^{1, 2}, T.A. Maisak^{1, 3}

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

³ National Research University Higher School of Economics,
Moscow, 105066, Russian Federation

Discourse transcription rules for descriptive and documentary studies

Whereas the principles of morphological analysis and glossing are sufficiently standardized in modern linguistics, there are no generally accepted rules for organizing discourse transcript as such. In this paper we propose a standard of transcribing spoken discourse, to be used in a descriptive or documentary project on any language. A transcript must be divided into lines, corresponding to elementary discourse units. A transcript must include an annotation of words, truncated words, pauses, accents, pitch in accents, other prosodic phenomena, as well as punctuation marks conveying phase and other discourse-related meanings. A transcript must be faithful to original signal, register all of its significant elements and avoid artifacts and post-editing. Consistent transcription of discourse in a random language is a manageable task that can be achieved after minimal training.

Key words: descriptive linguistics, documentary linguistics, discourse transcription, elementary discourse unit, prosody, discourse accent, punctuation, pause, disfluency

Acknowledgments. Research by A.A. Kibrik was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 17-18-01649.

We thank Nikolay Korotaev, Vera Podlesskaya, and the journal's reviewers who read the paper and suggested a number of improvements.

FOR CITATION: Kibrik A.A., Maisak T.A. Discourse transcription rules for descriptive and documentary studies. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 23–45. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-23-45

1. Введение

В «золотой стандарт» полного описания и/или документации языка входят такие элементы, как медиафайлы, регистрирующие использование языка, их расшифровки («тексты»), словарь и грамматика. В этой статье мы обсудим статус того, что привычно называется «текстами». Как отмечал А.Е. Кибрик, «для бесписьменных языков задача фиксации ... речевого материала ... имеет большое научное значение. В естественных текстах содержится, как правило, важная информация о культуре обслуживаемой данным языком общности, а также о грамматике самого языка. Тексты являются важнейшей «сырьевой базой» для лингвистических исследований, и при полевом изучении языка сбор их составляет существенный компонент исследовательской деятельности» [Кибрик и др., 1977, с. 5].

Необходимо разобраться в том, что представляют собой «тексты» и как можно стандартизировать их представление в описательных и документационных проектах. В разд. 2 дается обзор современного стандарта репрезентации языковых данных. В разд. 3 обсуждается эпистемологический статус текста, а в разд. 4 обосновывается необходимость стандарта в области дискурсивной транскрипции. Разд. 5 содержит сведения о современных требованиях к документации устного дискурса. В разд. 6–9 содержатся наши предложения по стандарту транскрибирования, включая такие вопросы, как: локальная структура дискурса; акценты, фазовые явления и пунктуация; паузация и речевые сбои; другие явления. Разд. 10 содержит выводы исследования.

2. Трехслойный стандарт

В последние десятилетия при описании и документации языков практически полностью утвердился стандарт представления расшифрованных текстов в виде трех слоев – транскрипта, глосс и перевода. Этот же формат используется и для представления отдельных языковых примеров – как в грамматических описаниях языках, так и в работах другого типа.

Эволюцию представления текстов в приложениях к грамматическим описаниям легко наблюдать по работам А.Е. Кибрика и его коллег, изданных по итогам деятельности полевых экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова. В более ранних грамматиках 1970-х гг. (хиндугской и арчинской) каждое предложение текста приведено в латинской транскрипции и сопровождается буквальным переводом; литературный перевод идет целиком после всего текста [Кибрик и др., 1972, 1977]. В грамматиках, опубликованных во второй половине 1990-х гг.

и в начале 2000-х гг. (годоберинский, цахурский, багвалинский, алюторский языки), мы видим формат представления, близкий к современным стандартам. Первый слой с морфемным членением дан в латинской транскрипции, второй слой содержит поморфемный разбор, изоморфный морфологическому членению первого слоя, в третьем слое дается русский (или английский) перевод [Kibrik, 1996; Кибрик, Тестелец, 1999; Кибрик и др., 2000, 2001]. В этой связи любопытно сравнить тот вид арчинских текстов, который представлен в первой публикации 1977 г., и более позднее «переиздание» некоторых из них в работе [Архипов и др., 2008], ср. (1) и (2). В варианте, опубликованном «тридцать лет спустя», буквальный перевод отсутствует, однако имеется лосирование, а также дополнительный слой с кириллической записью¹.

(1) арчинский [Кибрик и др., 1977, с. 121, 176]

A-1. un dannaši jō?

B-2. zon duxríqIaš.

A-3. duxríqI han xabár bi?

A-1. Ты откуда?

B-2. Я из-селения.

A-3. В-селении какие новости есть?

‘A-1. Ты откуда?

B-2. Я из аула.

A-3. Что нового в ауле?’ (Текст 38, предл. 1–3)

(2) арчинский [Архипов и др., 2008, с. 228–229]

A: – (1) ун даннаши йоо?

B: – (2) зон духрихъIаш.

A: – (3) духрихъI гъан хабар би?

A: – 1. un	danna-š-i	jō?
ты(NOM,2) ²	где-EL-INTRGALT	эй.женщина
B: – 2. zon	duxrí-qIa-š.	
я.NOM(2)	село-INTER-EL(4)	

¹ Последнее обстоятельство связано, в частности, с тем, что коллектив авторов цитируемой работы в начале 2000-х гг. разработал для арчинского языка орфографию фонематического типа на основе привычной арчинцам аварской кириллической графики (до этого арчинский язык практической письменности не имел).

² Сокращения в глоссах: 1, 2, 3, 4 – род; A, AA – атрибутив; aOBL – косвенный атрибутив; aOR – аорист; CONN – соединительный элемент; COORD – сочинительная частица; DAT – датив; DEML, DEMM – демонстративы; EL, ELAT – элатив; EM1 – эпистемический маркер; ERG – эргатив; ESS – эссив; GEN – генитив; IN – локализация ‘внутри’; INTER – локализация ‘между, в массе’; INTRGALT – альтернативное ‘или’; LAT – латив; NOM – номинатив; OBL – косвенная основа; ORD – порядковое числительное; PF – перфективная основа; PL – множественное число; POST – локализация ‘сзади’; PST – прошедшее время; PTCL – частица; S – субстантиватор; SUP, SUPER – локализация ‘наверху’; TMR – темпоральная форма.

- (2) A: – 3. duḫri-qI han ḫabar b-i ?
 село-INTER(ESS,4) что новости(NOM,3) 3-быть
 ‘A: – (1) Ты откуда?
 B: – (2) Я из селения.
 A: – (3) Что нового в селении?’ (Текст 12, предл. 1–3)

Отсутствие отдельного слоя буквального перевода в грамматиках под редакцией А.Е. Кибрика 1990–2000-х гг. компенсировано дополнительной нагрузкой на третий слой, а именно использованием специальных конвенций со скобочной записью. Так, в цахурской грамматике 1999 г. в круглые скобки заключаются «добавления в русском переводе слов, не представленных, но имеющихся в виду в цахурском оригинале», в квадратные – «слова русского перевода, избыточные с точки зрения русского языка, но имеющиеся в цахурском оригинале», в квадратные со знаком равенства – «буквальный перевод, эквивалентный литературному», а в фигурные – «пояснение смысла оригинала» [Кибрик, Тестелец, 1999, с. 902–903], ср. пример использования некоторых из указанных конвенций в (3)³.

(3) цахурский [Кибрик, Тестелец, 1999, с. 799]

i-n-g ^w -ē	ḫabar	ha-w-ʔ-u	wo-b:
этот.1-A-OBL.1-ERG	рассказ.3	3-делать-PF	быть-3
“balkan-ni	gel-i-lj	buḫaw-ī,	kuklak ^v -ē a-b-ī,
лошадь-AOBL	нога-OBL-SUP	колодка-EM1	замок-IN в-3-EM1
gardan	zinʒir-ē	a-b-ī,	ič’-u hamaḫu-g,
шея.3	цепь-IN	в-3-EM1	1.входить-PF вот.так-1
ačmiš-ha-w-ʔ-u,	qıwa-w-š-u-na		balkan”.
открывать-3-делать-PF	3-вытаскивать-PF-AA		лошадь.3

‘Он {т.е. Темраз} рассказывает: “У лошади на ногах колодка была, (колодка) в замке была, и на шее цепь была [= шея в цепи была], (я) вошел таким образом, (все) открыл, вывел лошадь”.’ (Текст 4, предл. 60)

Во всех упомянутых выше публикациях тексты представляют собой расшифровки устных рассказов. Все они разбиты на пронумерованные предложения, в целом напоминающие предложения письменных текстов. Как правило, в первом слое использованы стандартные знаки пунктуации (точка, запятая, вопросительный и восклицательный знаки, кавычки), однако какая-либо «дискурсивная» разметка, не свойственная письменным текстам, не представлена.

³ В примере (3) незначительно модифицированы глоссы (классно-числовые показатели в оригинале отделялись знаком равенства).

Возвращаясь к современным стандартам представления текстов, резюмируем, какие из элементов можно считать наиболее стандартизированными на сегодня? По-видимому, к ним относятся:

- требование морфемного членения в первом слое – в том числе различие между аффиксальными морфемами (отделяются дефисом), клитиками (отделяются знаком равенства) и автономными словами (отделяются пробелом);
- требование изоморфизма в членении первого и второго слоев (число разделителей в них должно быть одинаковым);
- требование вертикального выравнивания единиц первого слоя (слов, а иногда и морфем) и слоя глосс;
- последовательное различие в слое глосс лексических и грамматических морфем;
- использование для грамматических морфем специальных сокращенных ярлыков.

Наиболее влиятельным руководством по глоссированию являются так называемые «Лейпцигские правила глоссирования» (*The Leipzig Glossing Rules*), составленные Б. Комри, М. Хаспельматом и Б. Бикелем и впервые представленные в 2003 г., см. обновленную редакцию [Comrie et al., 2008]. Это сравнительно небольшой документ, включающий предисловие, описание 10 основных правил с примерами и список наиболее употребительных грамматических ярлыков. Авторы подчеркивают, что их система направлена на закрепление тех конвенций, которые уже сложились в лингвистическом сообществе, и является сугубо рекомендательной: в зависимости от требуемой степени детализации и особенностей языкового материала автор может выбрать те конвенции, которые ему кажутся наиболее приемлемыми.

Имеется, однако, целый ряд элементов представления текстов, которые не относятся к поморфемному глоссированию как таковому и на сегодня не имеют рекомендуемого свода конвенций, подобного «Лейпцигским правилам». К этим элементам можно отнести по крайней мере:

- собственно материал, представленный в первом слое (что именно и как транскрибируется?);
- членение материала первого слоя (что именно и сколько помещается в одну графическую строку?);
- установление границ между такими единицами транскрипта, как предложения;
- использование знаков пунктуации в первом слое.

В целом, в публикациях текстов, представляющих собой расшифровки аудиозаписей⁴, зачастую остается неясно, в каких отношениях транскрипт находится с этой исходной записью.

3. Что такое «текст»?

Хотя существует ряд специализированных работ по транскрибированию дискурса в рамках полевой работы (например, [Jung, Himmelmann, 2011]), во многих описательных и документационных проектах представления об эпистемологическом статусе «текста» остаются несколько наивными. В табл. 1 показаны некоторые такие наивные представления (или фактические практики) и представления, соответствующие идеям современной теории дискурса (см., например, [Chafe, 1994; van Dijk, 1997; Renkema, 2004; Tannen et al., 2015; Kibrik, 2011]).

Таблица 1

**Наивные презумпции и соответствующие представления
современной теории дискурса
[Naive assumptions and the corresponding tenets
of modern discourse theory]**

Наивные презумпции [Naive assumptions]	Представления современной теории дискурса [Modern discourse theory]
Носители создают тексты, которые фиксируются лингвистами [Speakers create texts, that are subsequently registered by linguists]	Носители языков участвуют в коммуникации, а текст является побочным продуктом, остающимся в качестве следа коммуникативного процесса [Speakers participate in communication, while text is a side product or trace of that process]
Нет большой разницы между устным и письменным использованием языка [There is no crucial difference between spoken and written language]	Между устным и письменным дискурсом есть фундаментальные различия. Создание транскриптов устной речи, тем более в случае бесписьменных языков, – специальная аналитическая процедура [There is profound difference between talk and writing. Transcribing spoken discourse, particularly in the case of unwritten languages, is a specialized complex analytical procedure]

⁴ Для простоты здесь и ниже мы говорим об аудиозаписи. Разумеется, в ходе полевой работы может использоваться и видеозапись – в дополнение к аудиозаписи или вместо нее.

Окончание табл. 1

Наивные презумпции [Naive assumptions]	Представления современной теории дискурса [Modern discourse theory]
Идентификация предложений при транскрибировании аудиозаписи не представляет проблемы [Identification of sentences when transcribing a recording is self-evident]	В устной речи не содержится пунктуационных знаков, прямо указывающих на границы предложений. Необходимо разрабатывать специальные принципы идентификации таких границ [There are no punctuation marks in talk that would designate sentence boundaries. Special principles must be developed of how such boundaries can be identified]
Паузы, просодические явления, речевые сбои и другие явления, представленные в устной речи, не очень важны при транскрибировании и могут записываться «по случаю» [Pausing, prosody, disfluencies, and other phenomena of spoken language are not important or can be registered in an ad hoc way]	Все эти явления являются неотъемлемой структурной частью устной речи, принципиально взаимодействуют с пропозициональным материалом и должны регистрироваться системно [These phenomena are an inherent part of talk and interact strongly with the propositional material. They must be registered in a systematic way]

В результате применения представлений из левой колонки многие опубликованные тексты на малоизученных (и даже хорошо изученных) языках представляют собой некие цепочки слов и выражений, в которых утеряна значительная часть исходного сигнала, содержавшегося в аудиозаписях, и при этом добавлены артефакты, которых в сигнале изначально не было. Основная проблема состоит в том, что отношения между исходным сигналом и публикуемым текстом не прояснены. Тексты сильно отходят от фактического устного феномена, хотя и не превращаются в полностью письменный феномен. Мы имеем дело с неким гибридным феноменом, происхождение тех или иных элементов которого может быть неясно. Эту неясную ситуацию мы и предлагаем исправить.

4. Нужен стандарт дискурсивной транскрипции

Необходим системный *стандарт дискурсивной транскрипции*, который может быть использован при работе с любым языком, в том числе в полевых условиях. По аналогии с правилами в [Comrie et al., 2008]

мы полагаем, что решения, принимаемые при транскрибировании устной речи, должны быть последовательными и осознанными; кросс-языковой стандарт, обеспечивающий валидность и сравнимость данных, нужен и полезен; этот стандарт должен быть достаточно гибким и допускать вариативность решений в зависимости от особенностей языка, исследовательских задач или индивидуальных предпочтений исследователя.

При создании транскрипта необходимо использовать знания из теории дискурса. Это существенно повышает экологическую валидность транскрипта, в том числе в отношении того, как отражаются локальная структура дискурса и базовые просодические явления. Предлагаемый здесь подход опирается на более ранние разработки, изначально связанные с русским языком [Кибрик, Подлесская, 2009; Kibrik et al., 2020a] и распространенные на ряд других языков (сайт www.spokencorpora.ru, [Kibrik et al., 2020b]).

В последующих разделах мы описываем основные элементы стандарта дискурсивной транскрипции. При этом мы в основном будем опираться на данные двух языков.

- Верхнекускоквимский язык (Upper Kuskokwim, ISO kuu) – атабаскская ветвь семьи на-дене, центральная Аляска, США. Исчезающий язык. Очень сложная глагольная морфология, включая количественную и качественную сложность. Аккузативная ролевая кодировка, SOV. Материал – несколько десятков записей, сделанных Р. Коллинзом и его помощниками в 1960–1990-е гг., а также более 70 записей, сделанных А.А. Кибриком между 1997 и 2019 гг. Жанры: фольклор, этническая история, личные рассказы, комментарии к фильму, бытовой разговор, интервью, проповедь.
- Агульский язык (Agul, ISO agx) – лезгинская ветвь нахско-дагестанской семьи, южный Дагестан, Россия. Около 30 тыс. носителей. Агглютинативная морфология, богатая система падежей и глагольных форм. Эргативная ролевая кодировка, SOV. Материал – около 12 часов записей в с. Хлюк, сделанные Д.С. Ганенковым, Т.А. Майсаком и С.Р. Мердановой в 2000-е гг., а также записи других диалектов. Жанры: личные рассказы, этническая история, сказки, анекдоты о Молле Насреддине, описания обычаев.

5. Формат документации устного дискурса

Конкретный образец дискурса (рассказ о жизни, бытовой разговор, интервью и т.п.) должен быть отражен как в виде аудиозаписи, так и в виде лингвистического анализа. Общий формат *минимальной документации дискурса* отражен в табл. 2.

Таблица 2

Документация устного дискурса
[Documentation of spoken discourse]

I. Запись [Recording]	II. Анализ [Analysis]
Ia. Медиафайл [Media file]	IIa. Первый слой: Транскрипт [First layer: Transcript]
Ib. Метаданные [Metadata]	IIb. Второй слой: Глоссы [Second layer: Glosses]
	IIc. Третий слой: Перевод [Third layer: Translation]

Требования к элементам, перечисленным в табл. 2, таковы.

Ia. Медиафайл: должен быть сохранен и доступен.

Ib. Метаданные – основные элементы:

- время записи;
- место записи;
- имя организатора⁵ записи;
- имя, возраст, пол носителя языка, чей голос содержится в записи;
- имя лингвиста, производящего документацию;
- имя носителя языка, выступающего в качестве информанта при расшифровке записи;
- свойства аудиофайла, в том числе его длительность, формат (как правило, .wav), частота дискретизации (например, 48 КГц), разрядность (например, 24 bit) и т.д.;
- название дискурса;
- жанр дискурса.

Этот список не является закрытым.

IIa. Транскрипт – основные элементы:

- локальная структура дискурса;
- пунктуация и членение на предложения;
- тональные акценты;
- паузы;
- речевые сбои;
- выбор графической системы;
- смешение кодов;
- синхронизация с медиафайлом.

⁵ Для простоты здесь использовано единственное число. Однако каждая из ролей, представленных в процессе документации, может быть представлена более чем одним человеком: и организатор записи, и записанный носитель, и лингвист, и помогающий ему носитель.

Все эти пункты конкретизируются в разд. 6–9 данной статьи.

Иб. Глоссы: должны следовать «Лейпцигским правилам» [Comrie et al., 2008].

Ис. Перевод на язык описания (английский, русский):

- минимальный вариант: идиоматичный перевод;
- более полный вариант – два перевода:
 - идиоматичный перевод;
 - буквальный перевод.

6. Локальная структура дискурса

Дискурс организован иерархически. На верхнем уровне этой иерархии находится глобальная структура дискурса – членение на крупные блоки, такие как эпизоды рассказа. На самом нижнем уровне иерархии находится *локальная структура* дискурса – членение на минимальные единицы, относящиеся к дискурсивному уровню. Именно локальная структура непременно должна быть отражена в любом качественном транскрипте дискурса.

Устная речь продвигается вперед не сплошным потоком, а небольшими шагами – синтагмами, интонационными или просодическими единицами (см., например, [Щерба, 1955; Cruttenden, 1986; Chafe, 1994]). Мы пользуемся термином *элементарная дискурсивная единица* (ЭДЕ) [Кибрик, Подлесская, 2009]. ЭДЕ – это поведенческие акты порождения речи. Они выделяются на просодических основаниях, с учетом следующих критериев:

- паузация: как правило, между ЭДЕ имеется дыхательная пауза, одновременно дающая говорящему возможность запланировать очередную ЭДЕ;
- интегральный тональный контур: типично частота основного тона голоса говорящего в начале находится на некотором среднем уровне, затем достигает пика, ближе к концу часто снижается в зону нижней границы, характерной для данного говорящего;
- главный тональный акцент: как правило, в ЭДЕ бывает один акцентный центр, локализующийся на релативном компоненте;
- темповый паттерн: как правило, скорость речепорождения бывает выше в начале ЭДЕ и уменьшается к концу;
- громкостный паттерн: как правило, громкость речепорождения бывает выше в начале ЭДЕ и уменьшается к концу.

Рассмотрим пример из верхнекускоквимского языка⁶.

⁶ В статье [Kibrik, 2019], из которой взят цитируемый верхнекускоквимский материал, содержатся акустические визуализации примеров, к которым читатель может при желании обратиться.

(4) верхнекускоквимский [Kibrik, 2019, p. 152–153]

38.0	10	•••(0.8)	tɪnh	k'its'	/ʰohɪgɐt'a	ts'e²,
			ice	on.top	they.stayed	CONN
			'they stayed on top of the ice,'			
40.7	11	•••(2.1)	hwɬ	tɬ'oy	/nɪdɪsɪzanh	ts'e²,
			sled	rear	I.am.standing	CONN
			'me standing at the back of the sled,'			
45.0	12	•••(4.2)	hwɬ	sɪ'ɪɬ	/ʌtanegɪɬ	nɔyɟi,
			sled	with.me	it.is.sinking	down
			'the sled was sinking down together with me,'			

В примере (4) содержится три ЭДЕ. Каждая из них занимает графическую строку⁷. Слева, в начале строки, указано время начала ЭДЕ от начала звукового файла (в секундах). Правее указан идентификационный номер ЭДЕ в рамках данного дискурса. Далее следует собственно транскрипт. Что касается просодических характеристик, каждая ЭДЕ начинается с довольно продолжительной пограничной паузы, в целом следует описанному выше интонационному контуру и включает один (главный) тональный акцент. (См. список транскрипционных обозначений в конце статьи.)

ЭДЕ часто, хотя и не обязательно, представляют собой клаузы. Все ЭДЕ в примере (4) являются клаузальными.

Выделение ЭДЕ производится с учетом вышеупомянутых просодических критериев посредством экспертной оценки. После небольшой тренировки однозначность выделения ЭДЕ достигает 2/3 или даже 3/4 случаев. При более длительной тренировке согласованность решений квалифицированных транскрайберов значительно выше и превосходит 90%. Ср. также обсуждение в [Himmelfmann et al., 2018].

Членение на ЭДЕ представляет собой важнейший, наиболее фундаментальный компонент дискурсивной транскрипции. Транскрипт, не содержащий в явном виде членения на ЭДЕ, не отражает сущностных характеристик устной речи и не может быть признан удовлетворительным.

7. Акценты, тоны в акцентах, фазовые явления, пунктуация

Центральное просодическое явление, потенциально универсальное, – это *дискурсивные акценты*. Некоторые слова произносятся с усиленным экспираторным толчком, т.е. несут на себе акцент. Внутри слова акцент локализуется на том или ином слоге. В языках, где имеется лексическое ударение, акцент артикуляторно чаще всего привязывается к ударному

⁷ Заметим, что графическая строка с одной ЭДЕ может быть длиннее полиграфической строки и, соответственно, полиграфически занимать более одной строки, как в ряде случаев в примерах (6)–(8) ниже.

слогу. Как правило, дискурсивный акцент является не только силовым, но и тональным: на соответствующем слоге (а иногда также в его окрестностях) происходит значимое *движение тона*, которое хорошо отождествимо на слух и в программах акустического анализа, таких как Praat. В примере (4) в каждой ЭДЕ имеется один дискурсивный акцент. Наличие акцента обозначается перед словом (например, восходящий акцент /, нисходящий акцент \).

В ЭДЕ может быть более одного акцента, см. ЭДЕ 4 в примере (5) ниже. Как правило, ровно один акцент является *главным* (рематическим) акцентом ЭДЕ, ответственным за фазовое значение, о котором будет сказано далее. Главный акцент дополнительно обозначается подчеркиванием того слога, на котором он размещается. Например, в ЭДЕ 10 примера (4) это слог *ghe*.

Фаза (термин из [Кодзасов, 2009]) – это дискурсивно-семантическая категория с абстрактным значением ‘завершенность vs. незавершенность’. Различается иллокутивная и внутренняя фаза. Иллокутивная фаза связана с типом иллокутивного акта: самые распространенные типы – это сообщение (завершенность) и вопрос (незавершенность, ожидание продолжения). Как правило, в языках сообщение маркируется нисходящим главным акцентом, а общий вопрос – восходящим главным акцентом. В ЭДЕ 4 примера (5) содержится нисходящий главный акцент. ЭДЕ, содержащая такой главный акцент, интерпретируется в предлагаемой нами системе как завершающая *предложение*.

Предложение в общем случае представляет собой группу ЭДЕ. В конце ЭДЕ, завершающей предложение, ставится пунктуационный знак, в том числе точка (как в ЭДЕ 4 примера (5)) или вопросительный знак.

(5) верхнекусоквимский [Kibrik, 2019, p. 156]

8.2	3	•••(1.0)	totis	łeka	ʌʔisd <u>l</u> al	ts'eʔ,
			portage	dogs	I.did.not.take	CONN
			'and I did not take the dogs to the portage,'			
11.2	4	ch'itsan'	ʌ <u>ch'ity</u>	\nichoh	ts'eʔ.	
		grass	too.much	it.is.big	CONN	
		'the grass being too tall.'				

Таким образом, понятие предложения распространяется на устный дискурс, но не интуитивным, а внятным, семантически прозрачным и просодически мотивированным образом. Предложение представляет собой единицу локальной структуры дискурса, вторичную по отношению к ЭДЕ. Выделение предложений возможно лишь на основе особой просодически-мотивированной процедуры, о которой см. ниже.

По решению транскрайбера предложениям могут быть приписаны особые идентификационные номера.

ЭДЕ, которые не завершают предложения, являются нефинальными. В этом случае реализуется семантика внутренней фазы. Нефинальные ЭДЕ семантически и просодически (а иногда также синтаксически) характеризуются как незавершенные по отношению к предвосхищаемой финальной ЭДЕ предложения. Обозначаются нефинальные ЭДЕ пунктуационным знаком «запятая», см. примеры (4) и (5) выше. Следует подчеркнуть, что пунктуационный знак всегда должен быть в конце ЭДЕ, а в середине ЭДЕ пунктуационные знаки не ставятся.

Наиболее распространенная просодическая огласовка запятой в предложении-сообщении – восходящий акцент, как в ЭДЕ 10, 11 примера (4). Однако встречаются и другие случаи, как, например, восходяще-нисходящий акцент в ЭДЕ 12 примера (4) и в ЭДЕ 4 примера (5).

Нужно особо отметить часто встречающуюся в разных языках просодию нефинального падения. Так, в примере (6) ЭДЕ 21 является финальной. В ней нисходящее движение в конце направлено в абсолютный низ частотного диапазона, характерного для голоса рассказчика (около 100 Гц). Этой финальной ЭДЕ предшествуют две нефинальных, в которых также имеются нисходящие акценты, но направлены они в более высокий целевой уровень (110 Гц или более), семиотически отличный от абсолютного низа. Это широко распространенная просодическая фигура, являющаяся вариантом «интонации запятой». Понимание нефинального падения необходимо для того, чтобы осмысленно и последовательно выделять границы предложений в транскрипте.

(6) верхнекусоквимский [Kibrik, 2019, p. 157]

77.3	19	(3.4)	k'inodle icon	chu'da PTCL	boze God	chu' but	sichot' my.bosom
			\ziłtone, the.one.I.have 'But the icon that I had in my bosom,'				
84.5	20	(2.9)	sichot' my.bosom	\ts'anistonh I.took.it.out		ts'e², CONN	
			'I took it out from my bosom,'				
89.4	21	(1.5)	/yats'in other.side	!(1.3) k'its' on.top	sigona² my.arm		tinh ice
			\doztonh it.is.up CONN 'my other arm being on top of the ice.'				

В целом, в предлагаемой транскрипционной системе используются определенные концептуальные элементы, характерные для письменного дискурса, но не очевидные в устном дискурсе. Такой перенос позволяет

единым образом подходить к локальной структуре разных модусов дискурса. В то же время важно подчеркнуть, что этот перенос не должен происходить интуитивным, спонтанным или некритическим образом. Расстановка границ предложений и пунктуационных знаков в транскрипте может и должна производиться на основе ясных просодических и дискурсивно-семантических критериев. В этом отношении предлагаемая система существенно отличается от практики, характерной для многих ныне существующих и создаваемых корпусов речи на различных языках, в которых предложения отождествляются с клаузами или же имеют неясные критерии идентификации.

8. Паузация и речевые сбои

К элементам исходной записи, которые должны отражаться в транскрипте, относятся также паузы и речевые сбои.

Паузы принято разделять на абсолютные и заполненные. В первом случае пауза представляет собой перерыв в вокализации между произносимыми словами. Абсолютные паузы могут обозначаться в транскрипте при помощи поднятых точек (двух, трех или четырех), количество которых зависит от продолжительности паузы. В полном варианте транскрипции продолжительность пауз, кроме того, указывается в явном виде в скобках. Заполненные паузы могут включать нелексические вокальные сегменты типа редуцированного гласного, сонорного носового сегмента, гортанного скрипа. Паузы могут быть как пограничными (между ЭДЕ), так и находиться внутри ЭДЕ. Пример (7) показывает несколько типов пауз, абсолютных и заполненных, во фрагменте спонтанного дискурса на агульском языке.

(7) агульский (хпюкский корпус; текст 1, предл. 1)

0.0	1	•••(0.6)	/akzur=na	jarč'wa	/ŋwerš=na
			1000=COORD	9	100=COORD
		••(0.3)	jaq'uq:a-n=na	c'ejri-d-pu	/isa,
			80-s=COORD	17-s-ORD	год(TMR)
			‘В 1997 году,’		
4.0	2	•••(0.8)	m= mart:i	/wazala,	
			март(GEN)	месяц(TMR)	
			‘в марте месяце,’		
6.1	3	••(0.2)	zun	šu-ne	••••(1.1) эээ(0.6)
			я	уходить.PF-AOR	
		•••(0.5)	/zijarat:i-s	•••(0.4)	\mak:aji-s.
			хадж-DAT		Мекка-DAT
			‘я поехал в паломничество в Мекку.’		

Функция внутренних (а иногда и пограничных) пауз – сигнализировать о *хезитации* (колебании), т.е. о том, что говорящему требуется дополнительное время на подготовку следующего речевого отрезка. Хезитация, в свою очередь, относится к тому классу явлений, которые обычно объединяют под рубрикой *речевые сбои*: помимо собственно хезитаций, это также повторы, самоперебивы, обрывы слов, самокоррекции и пр. Все эти типы сбоев желательно отражать в транскрипте.

Покажем на двух примерах, как транскрибирование таких, казалось бы, «лишних» элементов текста, как речевые сбои, может являться не просто способом максимально близкого отражения звучащей речи, но и важным фрагментом описания грамматической (и дискурсивной) структуры языка.

К лексическим сигналам речевого сбоя среди прочих относятся так называемые *маркеры препаративной подстановки* – своего рода «заместители», которые говорящий временно подставляет на место проектируемого выражения, не найдя удовлетворяющей его в данный момент вербализации (ср. английские термины *fillers* или *placeholders*, используемые для описания данного явления). В качестве маркеров препаративной подстановки в языках мира чаще всего используются указательные, вопросительные, универсальные или неопределенные местоимения либо слова, исторически восходящие к местоимениям этих классов, а также существительные с обобщенным значением типа ‘вещь’, ‘дело’ [Подлесская, Кибрик, 2007; Podlesskaya, 2010]. В отсутствие достаточно полных транскриптов спонтанного дискурса определить, какое именно средство будет использоваться в качестве маркера препаративной подстановки, невозможно даже для тех языков, морфология и синтаксис которых, казалось бы, неплохо изучены. Так, для нахско-дагестанских языков первые сведения о маркерах препаративной подстановки появились, по-видимому, лишь в 2010 г.: в статье [Ganenkov et al., 2010] описаны две системы таких маркеров для двух языков лезгинской группы, агульского и удинского. При этом оказалось, что, хотя оба языка используют одну и ту же стратегию подстановки, а именно вопросительные местоимения, между языками наблюдается варьирование: если в агульском в качестве слов-заместителей используются как ‘кто’ (для личных референтов), так и ‘что’ (для неличных референтов, ср. (8)), в удинском все типы референтов замещаются одним и тем же местоимением ‘что’. Однако о границах внутригенетической вариативности в данной области в рамках хотя бы лезгинских языков, не говоря о языках нахско-дагестанской семьи в целом, мы пока четкого представления не имеем.

(8) агульский (хпюкский корпус; текст 27, предл. 33)

136.3	33	•••(0.6)	le	/nūri-n	jaʒani-ʃ	ʃa-ji
			DEML	село-GEN	середина-INTER	INTER.БЫТЬ-PST
		fi-p:ur	••••(1.1)	\naq ^w -ar-ar.		
		что-PL		могила-PL-PL		
		‘там посреди села были эти, кладбище.’				

Второе явление можно назвать еще более экзотическим. В недавней работе [Fox et al., 2017] было показано, что в языках различных семей и ареалов засвидетельствована стратегия морфологической, т.е. *внутрисловной самокоррекции*, при которой исправлению – повтору или замене – подвергается не вся словоформа в целом, а лишь аффикс или клитика. Круг языков, в которых представлено данное явление, вероятно, может быть значительно расширен (в выборке авторов упомянутой работы – десять языков). Так, аналогичная «замена суффикса» была обнаружена во время работы над корпусом спонтанных нарративов на хпюкском говоре агульского языка. Явление морфологического самоисправления не является в этом корпусе частотным, однако представлено как минимум десятками примеров, ср. (9).

В агульском языке, как и в нахско-дагестанских языках в целом, косвенные падежи имени (т.е. все падежи, кроме немаркированного абсолютива/номинатива) образуются от косвенной основы. В примере (9) мы видим, что говорящий начал порождать форму одного из местных падежей от имени *dahar* ‘гора’, а именно суперэлатива *dahari-l-as* (косвенная основа *dahari-*, показатель локализации ‘SUPER’ -*l* и показатель элатива -*as*). При этом, не договорив эту форму до конца, говорящий изменил свое намерение и решил в качестве более подходящей в данном контексте употребить форму постэлатива *dahari-q-as* (отличающуюся показателем локализации, -*q* ‘POST’ вместо -*l* ‘SUPER’). При этом после обрыва словоформы порождена была не вся «правильная» форма *dahariqas* целиком, а лишь падежное окончание -*qas*.

(9) агульский (хпюкский корпус; текст 6, предл. 65)

4.8	3	sadima	dahari-l-a=	-q-as	mi-č
		Садима	гора-SUPER-ELAT	-POST-ELAT	DEMM-LAT
		‘сюда через гору Садима’			

Очевидно, что точно так же, как и маркеры препаративной подстановки, морфологические самоисправления подвержены типологическому варьированию: в каких-то языках они возможны, в каких-то нет,

может различаться частотность данного типа «сбоев» и те контексты, в которых они допустимы в данном языке. Подобные различия могут быть чувствительны и к характеру морфологической структуры языка, например, к типу агглютинации. Однако без детальной транскрипции спонтанных текстов выявление и анализ данного явления не представляются осуществимыми.

Таким образом, резюмируя, транскрипт каждой ЭДЕ в полном варианте должен включать не только слова, но также части слов и размеченные паузы.

9. Дополнительные замечания

Транскрибирование слов рекомендуется делать на основе имеющейся практической графики. Эта рекомендация связана с тем, что в числе пользователей транскриптов могут быть не только профессиональные лингвисты, но и представители языкового сообщества. Желательно, чтобы они не были полностью отрезаны от создаваемых и публикуемых на их языке ресурсов. В случае значительного несовершенства практической графики можно иметь два изоморфных слоя: в практической графике и в научной транскрипции.

Как отмечалось в разд. 2, первый слой в анализе дискурса (транскрипт) должен соотноситься со вторым слоем (гlossами). Если язык имеет умеренно развитую морфологию, то границы морфем могут быть внесены прямо в первый слой. Если же морфология настолько развита, что добавление морфемных границ сильно меняет внешний вид записи, то первый слой можно раздробить на два: подслой без морфемного членения и подслой с морфемным членением, соответствующим последующим гlossам.

Большинство языков активно контактируют с другими языками, носители часто являются дву- и многоязычными и используют в своей речи смешение кодов. Необходимы ясные конвенции передачи иноязычных элементов, которые интерпретируются не как заимствования, а как смешение кодов. В частности, нужно принимать решение о том, представляется ли иноязычное слово при помощи фонемной транскрипции основного языка или посредством стандартной графики языка-источника. Так, в [Kibrik, 2019] было реализовано решение представлять английские слова, вкрапляемые в верхнекускоквимский дискурс, в стандартной английской графике заглавными буквами.

При создании электронных корпусов желательна синхронизация элементов транскрипта (предложений, ЭДЕ и даже слов) с соответствующими интервалами медиафайла. Для этого необходимы программы, ориентированные на интеграцию транскрипта и звука, как например ELAN.

В этом кратком очерке мы не смогли коснуться целого ряда других явлений, которые должны регистрироваться при транскрибировании устного дискурса (см. [Kibrik, 2019; Kibrik et al., 2020a]), в том числе:

- отражение вариантов транскрипции;
- отражение прямой речи;
- отражение невербальных вокальных явлений, таких как смех;
- отражение эмпазы (но ср. выделенное полужирным слово *ch'itiy* в строке 4 примера (5));
- отражение повышенного темпа;
- отражение фрагментов, фонетически сильно редуцированных;
- отражение неразборчивых фрагментов.

Кроме того, мы не затрагивали специфических проблем, связанных с транскрибированием интерактивного дискурса с чередованием говорящих, таких как трактовка пауз и наложения речи одновременно говорящих участников.

Как справедливо отметил один из рецензентов, не все описанные в данной статье конвенции дискурсивной транскрипции воспроизводимы в таких популярных программах, как ELAN или FLEX. Это касается, например, таких привычных в текстовых редакторах приемов форматирования, как подчеркивание. Данную техническую проблему можно обойти, например используя особые слои в программе ELAN, как это сделано для русского дискурса в корпусе «Рассказы и разговоры о грушах» (см. https://multidiscourse.ru/data/ann/pears_vocal%20annotation.pdf).

10. Заключение

Мы предлагаем распространить логику, предложенную в свое время в [Comrie et al., 2008], на транскрибирование устной речи как таковой – на первый слой в стандарте анализа языкового материала. Транскрипт должен быть разделен на строки, соответствующие ЭДЕ. В этом слое должна содержаться разметка слов, элементов слов, пауз, акцентов, тонов в акцентах, других просодических явлений, а также пунктуационных знаков, передающих фазовые и иные дискурсивные смыслы. Согласно накопленным на данный момент знаниям, просодия и другие дискурсивные явления в значительной степени сходны в самых разных языках и поддаются стандартизации.

Каждый проект в области описания или документации языка должен содержать эксплицитные сведения о том, каким образом репрезентируется материал исходного звукового сигнала. Транскрипт должен быть верен исходному сигналу, регистрировать все его существенные элементы и избегать артефактов и пост-редактирования. Последовательное транскрибирование дискурса на произвольном языке – это вполне

посильная задача, которая достижима уже при небольшой тренировке. Этот подход способствует созданию качественных, экологически валидных эмпирических данных.

Настоящая статья является лишь первым наброском более подробного свода правил дискурсивной транскрипции для разноструктурных языков. В дальнейшем мы планируем создание подробной инструкции, которая может быть применена при описании или документации любого языка.

Приложение. Обозначения дискурсивной транскрипции⁸

Пунктуационные знаки

Иллокутивная фаза (конец предложения)

- сообщение
- ? вопрос
- ! директив
- @ вокатив
- ... неполнота

Внутренняя фаза

- , дефолтная незавершенность
- : незавершенность с последующим раскрытием

Другое

- “ ” прямая речь

Паузы и речевые сбои

- (0.8) абсолютная пауза, с указанием длительности
- ээ(0.4) заполненная пауза (с неопределенным вокалическим содержанием)
- = обрыв слова
- = = обрыв ЭДЕ

Акценты

- / \ – / и т.д. акцент на слове с указанием тона в акценте
- подчеркивание главный акцент ЭДЕ (подчеркивается слог, на котором реализуется акцент)

Другое

- полужирный шрифт эмфаза
- курсив ускоренный темп
- серый шрифт повышенная степень фонетической редукции

⁸ В этот список включены и некоторые обозначения, которые не встретились в приведенных примерах.

<угловые скобки> <7>	неточная транскрипция неясный фрагмент, с примерным указанием числа слогов
{CMEX} (0.9)	невербальный материал с указанием дли- тельности
CHRISTMAS TREE	вкрапления иноязычного текста (смешение кода)
[ninh ?ine]	наложение реплики другого говорящего

Библиографический список / References

Архипов и др., 2008 – Арчинский язык / Архипов А.В., Даниэль М.А., Кибрик А.Е., Чумакина М.Э. // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 2. Тексты и словарные материалы / А.Е. Кибрик (ред.). М., 2008. С. 192–231. [Arkhipov A.V., Daniel M.A., Kibrik A.E., Chumakina M.E. Archi. *Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani*. Vol. 2. Teksty i slovarnye materialy. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2008. Pp. 192–231. (In Rus.)]

Кибрик, Подлесская, 2009 – Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М., 2009. [Rassказы o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Night dream stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. A.A. Kibrik, V.I. Podlesskaya (eds.). Moscow, 2009.]

Кибрик, Тестелец, 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. [Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii [Aspects of Tsakhur from a typological perspective]. A.E. Kibrik, Ya.G. Testelet (eds.). Moscow, 1999.]

Кибрик и др., 1972 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P. Fragmenty grammatiki khinalugskogo yazyka [Fragments of Khinalug grammar]. Moscow, 1972.]

Кибрик и др., 1977 – Арчинский язык: тексты и словари / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. М., 1977. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. Archinskii yazyk: teksty i slovary [Archi: Texts and dictionaries]. Moscow, 1977.]

Кибрик и др., 2000 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьёва И.А. Язык и фольклор алыторцев. М., 2000. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Murav'eva I.A. Yazyk i folklor alyutortsev [Language and folklore of the Alutor people]. Moscow, 2000.]

Кибрик и др., 2001 – Багвалинский язык: Грамматика, тексты, словари / Под ред. А.Е. Кибрика, К.И. Казенина, С.Г. Татевосова, Е.А. Лютиковой. М., 2001. [Bagvalinskii yazyk: Grammatika, teksty, slovary [Bagvalal: Grammar, texts, dictionaries]. A.E. Kibrik, K.I. Kazenin, S.G. Tatevosov, E.A. Lyutikova (eds.). Moscow, 2001.]

Кодзасов, 2009 – Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. М., 2009. [Kodzasov S.V. Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii [Studies in the Russian prosody]. Moscow, 2009.]

Подлесская, Кибрик, 2007 – Подлесская В.И., Кибрик А.А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2007. № 2. С. 2–23. [Podlesskaya V.I., Kibrik A.A. Speaker's self-repairs and other types of disfluencies in the annotation of spoken corpora. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2*. 2007. No. 2. Pp. 2–23. (In Rus.)]

Щерба, 1955 – Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1955. [Shcherba L.V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [The phonetics of French]. Moscow, 1955.]

Chafe, 1994 – Chafe W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.

Comrie et al., 2008 – Comrie B., Haspelmath M., Bickel B. The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. (Revised version of February 2008). URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> (date of access: 12.02.2021).

Cruttenden, 1986 – Cruttenden A. Intonation. Cambridge, 1986.

Fox et al., 2017 – Fox B.A., Wouk F., Fincke S. et al. Morphological self-repair: Self-repair within the word. *Studies in Language*. 2017. Vol. 41. No. 3. Pp. 638–659.

Ganenkova et al., 2010 – Ganenkova D., Lander Yu., Maisak T. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives. *Fillers, pauses, and placeholders*. N. Amiridze, B.H. Davis, M. MacLagan (eds.). Amsterdam/Philadelphia, 2010. Pp. 95–118.

Himmelman et al., 2018 – Himmelman N., Sandler M., Strunk J., Unterladstetter V. On the universality of intonational phrases: A cross-linguistic interrater study. *Phonology*. 2018. Vol. 35. No. 2. Pp. 207–245.

Jung, Himmelman, 2011 – Jung D., Himmelman N.P. Retelling data: Working on transcription. *Documenting endangered languages: Achievements and perspectives*. G.L.J. Haig, N. Nau, S. Schnell, C. Wegener (eds.). Berlin, 2011. Pp. 201–222.

Kibrik, 1996 – Godoberi. A.E. Kibrik (ed.). München, 1996.

Kibrik, 2011 – Kibrik A.A. Cognitive discourse analysis: Local discourse structure. *Slavic linguistics in a cognitive framework*. M. Grygiel, L.A. Janda (eds.). Frankfurt/ New York, 2011. Pp. 273–304.

Kibrik, 2019 – Kibrik A.A. Upper Kuskokwim (Athabaskan, Alaska): Elementary discourse units and other aspects of local discourse structure. *Anthropological linguistics*. 2019. Vol. 61. No. 2. Pp. 141–182.

Kibrik et al., 2020a – Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. *In search for a basic unit of spoken language: A corpus-driven approach*. H. Mello, T. Raso, A. Panunzi (eds.). Amsterdam, 2020. Pp. 35–76.

Kibrik et al., 2020b – Kibrik A.A., Korotaev N.A., Podlesskaya V.I. The Moscow approach to local discourse structure: An application to English. *In search for a basic unit of spoken language: A corpus-driven approach*. H. Mello, T. Raso, A. Panunzi (eds.). Amsterdam, 2020. Pp. 367–382.

Podlesskaya, 2010 – Podlesskaya V. Parameters for typological variation of placeholders. *Fillers, pauses, and placeholders*. N. Amiridze, B.H. Davis, M. MacLagan (eds.). Amsterdam/Philadelphia, 2010. Pp. 11–32.

Renkema, 2004 – Renkema J. Introduction to discourse studies. Amsterdam, 2004.

Tannen et al., 2015 – The Handbook of discourse analysis. Second Edition. Vol. 1, 2. D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin (eds.). Chichester, 2015.

van Dijk, 1997 – Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 1, 2. T.A. van Dijk (ed.). London, 1997.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторах / About the authors

Кибрик Андрей Александрович – доктор филологических наук; директор, Институт языкознания Российской академии наук; профессор Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Andrey A. Kibrik – Dr. Phil. Hab.; director, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3541-7637>

E-mail: aakibrik@gmail.com

Майсак Тимур Анатольевич – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела кавказских языков, Институт языкознания Российской академии наук; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский факультет «Высшая школа экономики», г. Москва

Timur A. Maisak – PhD in Linguistics; Senior Researcher at the Department of Caucasian Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Linguistic Convergence Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6794-0978>

E-mail: timur.maisak@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-46-64

A.V. Arkhipov^{1, 2}, C.L. Däbritz¹¹ Universität Hamburg,
Hamburg, 20148, Germany² Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Reconstructing phonetics behind the graphic system of Evenki texts from the Rychkov archive

This paper discusses the graphic system of manuscripts by Konstantin Rychkov (ca. 1910) containing texts in several dialects of Evenki (Tungusic) with Russian translation. The letters *z* and *h* arguably denote voiced velars or post-velars, stops and fricatives alike. The former is only used before front vowels, the latter otherwise. The letter *h* is also found quite often in place of the velar nasal. Palatalization is denoted by three means: a dedicated diacritic after the consonant, an umlaut on the vowel, or the vowel *i/ɥ* alternation. Russian letters for hissing sibilants were substituted with Latin ones by Rychkov, which might reflect a different (“lisp”) pronunciation. A special diacritic under sibilants and *ǂ* probably indicates semi-voicing.

Key words: Evenki language, graphic system, phonetics, velar, laryngeal, sibilants, palatalization, Handwritten Text Recognition

Acknowledgments. This paper has been produced in the context of the joint research funding of the German Federal Government and Federal States in the Academies’ Programme, with funding from the Federal Ministry of Education and Research and the Free and Hanseatic City of Hamburg. The Academies’ Programme is coordinated by the Union of the German Academies of Sciences and Humanities.

FOR CITATION: Arkhipov A.V., Däbritz C.L. Reconstructing phonetics behind the graphic system of Evenki texts from the Rychkov archive. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 46–64. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-46-64

А.В. Архипов^{1, 2}, К.Л. Дэбритц¹¹ Гамбургский университет,
20148 г. Гамбург, Германия² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Реконструкция фонетических соответствий элементов графики эвенкийских текстов из архива К.М. Рычкова

В данной статье обсуждаются особенности графической системы рукописей К.М. Рычкова (ок. 1910), содержащих тексты на различных диалектах эвенкийского языка с переводом на русский. Буквы *z* и *h* используются, по-видимому, для звонких велярных и поствелярных, не различая взрывных и фрикативных. При этом *z* встречается только перед гласными переднего ряда, *h* в прочих случаях. Кроме того, *h* часто появляется на месте велярного носового. Палатализация передается тремя способами: специальной диакритикой после согласного, умляутом над гласным и меной *i/ы*. Русские буквы для свистящих были заменены Рычковым на латинские, что может указывать на отличия в произношении («шепелявость»). Особый знак под сибилантами и *b*, вероятно, указывает на полувзвонность.

Ключевые слова: эвенкийский язык, графика, фонетика, велярные, ларингальные, сибиланты, мягкость, распознавание рукописного текста

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках исследовательской Программы Академий, совместно финансируемой Федеральным правительством Германии и Федеральными землями, при участии Федерального министерства образования и научных исследований и Вольного и ганзейского города Гамбурга. Программа Академий координируется Союзом Академий наук Германии.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Архипов А.В., Дэбритц К.Л. Реконструкция фонетических соответствий элементов графики эвенкийских текстов из архива К.М. Рычкова // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 46–64. (На англ.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-46-64

1. Evenki-Russian texts in the archive of Konstantin Rychkov

1.1. The Rychkov archive

Konstantin Rychkov (1882–1923) was a Russian ethnographer, linguist and journalist, among his other varied activities. Born in a poor family in Ust-Kamenogorsk (currently in Kazakhstan), he was exiled for revolutionary activities to the Turukhansk Krai, spanning huge territories in the North of Western Siberia. Working as a teacher in settlements of the Far North, he developed keen interest in the language, culture and the development of the indigenous peoples, particularly the Evenki – but also Dolgan, Ket, Selkup and others.

The archive of Konstantin Rychkov, largely unpublished, is preserved at the Institute of Oriental Manuscripts (IOM RAS), St. Petersburg. This archive includes 1341 manuscript pages of folklore and other texts in several Evenki dialects of Western Siberia collected between 1905 and 1913, in several folders (Folders 4, 5, 6a, 6b, 6v). To this text collection is adjacent an Evenki-Russian dictionary on cards [Rychkov, n.d.] (4329 cards). Apart from the Evenki materials, the archive also holds data on other languages, notably including a Dolgan dictionary (on 1535 cards) currently being prepared for publication by Prof. Setsu Fujishiro.

In what follows, we will concentrate on aspects of Evenki phonetics as reflected in Rychkov's transcription, using principally data from "Folder 5" [Rychkov, 1911], "Folder 6b" [Rychkov, 1913] and "Folder 6v" [Rychkov, 1912]. We will be mostly interested in establishing correspondences between Rychkov's notation and particular sounds or phonetic features, rather than in describing the phonetic variation observed in the texts.

The analysis of the Rychkov manuscripts is part of the Evenki section within the INEL project, which leverages archival data in order to develop digital text corpora for a number of language varieties indigenous to Siberia (see [Arkhipov, Däbritz, 2018] for a description of the project). We should stress that the analysis presented here is based on partial data and cannot thus be considered final.

1.2. Text content

The main body of the Folders 5, 6a, 6b, 6v is formed by both traditional and spontaneous monological texts, mostly with Russian translations. The former group includes indigenous tales and legends, but also a number of likely Russian tales (such as "Firebird"). The latter ranges from local history texts (on the origin and migration of different Evenki tribes) to descriptions of hardships in everyday life, short life stories and personal narratives such as hunting stories.

There is also a smaller amount of other kinds of data, such as elicited sentences, short songs, and riddles. Standing apart from the others, Folder 4 contains transcripts and descriptions (in Russian) of three shamanistic rites. Texts in Folder 4 are more complex in aspects of language, structure and layout; they will not be treated in the present paper.

1.3. Text layout, metadata and dialectal attribution

As follows from the inscription on the cover, the texts in Folder 4 were collected in 1905–1909 and rewritten in 1911 by Rychkov himself. Though not overtly indicated, we can assume that the remaining folders also contain texts rewritten from original fieldnotes. The Evenki texts and their Russian translations are written in parallel, with the Evenki text on the left of each page and Russian on the right. Russian translation is missing in Folder 5 on ff. 155–321, in Folder 6a on ff. 157–330 and in Folder 6v on ff. 301–434.

The metadata provided with the texts are generally scarce and sometimes altogether missing. In particular, it remains largely unknown whether two particular texts in a folder were recorded from the same speaker or not. Dialect groups can be identified easily; however, a more precise dialectal attribution demands further investigation. Beware that the geographical distribution of dialectal features in Evenki has not been stable in the past due to migrations as well as to dialect shifts in the local populations (see for instance [Vasilevich, 1948, p. 56–59; Maksimova, 2016; Mishchenkova, 2019]). Thus the dialects documented by Rychkov may or may not have been found in the same areas in later periods. Additionally, families could cover long distances during seasonal nomadic migrations, and thus be encountered far from their ‘home’ region.

One major phonetic feature underlying the Evenki dialectal classification is the reflexes of Proto-Evenki *s in word-initial and intervocalic positions. The three dialect groups show the following patterns [Vasilevich, 1948, p. 10–12]:

- I. Northern, or “spirant” group: /h/ in both contexts;
- II. Southern, or “sibilant” group: a sibilant in both contexts, with further subdivision into a “hushing” subgroup (/š/) and a “hissing” subgroup (/s/).
- III. Eastern, or “sibilant-spirant” group: /s/ word-initially and /h/ intervocalically.

In our data, we will be concerned with the dialects encountered by Rychkov in the territory of the former Turukhansk Krai, namely the Ilimpi dialect of the Northern group and the Sym dialect of the Southern “hushing” group. The standard literary Evenki belongs to the Southern “hissing” group.

Yet another salient feature is the development of *-ld-* (**-ldr-*) clusters; this parameter cuts across the major dialect groups. According to [Vasilevich, 1948, p. 14; 63 fn. 1], /ld/ is attested, for instance, in Ilimpi (Northern)

and Northern Baykal (Southern “hushing”) dialects, /l/ in Yerbogochen (Northern), Tokma–Upper Lena (Southern “hushing”) and Standard Evenki, /ldʲ/ (with an ‘affricated’ /dʲ/) in Sym dialect (Southern “hushing”).

Let us briefly characterize the folders listed above according to the available metadata and the two selected phonetic features.

Folder 5. Dialect: not mentioned. Phonetic features point to the Ilimpi (Northern) dialect: /h/ in both positions (*хуру* ‘to leave’, *аһакма* ‘to pursue’), /ld/ (*ylde* ‘meat’).

Metadata: Text titles are often provided. The folder has no date. Only one text in the middle (p. 121) has a date (09.04.1911) and place (river Kemchug) mentioned; no other data on speakers or locations is found in this folder. Note that the river Kemchug, a tributary of Chulym, is rather known as the area of the Sym dialect (see also Folder 6a).

Texts in Folder 5 are rather heterogeneous linguistically, show much variation, many unexpected forms (e.g. the 1sg marker -w used for all persons), probably some Dolgan/Sakha influence (e.g. a sequential converb -*mətəmi* used similarly to Dolgan -*An*). This folder could be identified with the “North-Eastern group of tribes of the Turukhansk Krai (dying breed)” from Rychkov’s letter to V. Kotvich (17.11.1913) [Voskoboinikov 1967: 101], i.e. those Evenki which ultimately became part of the Dolgans.

Folder 6a. Dialect: mentioned as “Barhahan dialect along the Rocky [i.e. eastern] bank of Enisey and its tributaries”. Phonetic features suggest a Southern “hushing” dialect different from the one in Folder 6b: /ʃ/ in both positions (*ууру*- ‘to leave’, *ауаткан* ‘girl’), but /l(l)/ in place of /ld/ (*yle* ‘meat’).

Metadata: The folder is not dated. No text titles are provided. For some texts, location, speaker name and tribe are given. The name ‘Barhahan’ (“Барһаһанское нарѣчіе”) is not identified; however, Rychkov’s dictionary mentions the “dialect of Kemchug, or Warhahan” (unnumbered card before № 3378). The river Kemchug, while lying to the west of Enisey and not to the east, is indeed found in the metadata to some texts; however, the dialect documented here apparently differs from the Sym dialect in Folder 6b.

Folder 6b. Dialect: mentioned as “Hojon dialect” (“Хојонское нарѣчіе”). Phonetic features point to the Sym dialect: /ʃ/ in both positions (*ууру*- ‘to leave’, *ауаткан* ‘girl’), /lr/ (although not exactly /ldr/) in place of /ld/ (*ylpe* ‘meat’).

Metadata: The folder as a whole is dated 1913. No other metadata present in the whole folder, and the texts have no titles.

Although the name ‘Hojon’ could not be identified, the texts in Folder 6b appear to be quite homogenous linguistically and typical for the Sym dialect.

Folder 6v. Dialect: mentioned as “Limpeya dialect” (“Лимпейское нарѣчіе”), i.e. Ilimpi. The phonetic features are consistent with this: /h/ in both positions (*хуру*- ‘to leave’, *аһаткан* ‘girl’), /ld/ (*ylde* ‘meat’).

Metadata: Texts in this folder have the most complete metadata, usually including date, location, speaker name, age and tribe. The dates range from July 5, 1912, to August 5. Most of locations besides the ‘Kutynda ridge’ (“Хр. Ку́тында”) are names of rivers tributaries of Lower Tunguska.

The texts in Folder 6v are linguistically much closer to those from the Ilimpi dialect in the folklore collection [Vasilevich, 1936] than those in Folder 5, seemingly with less variation and less unexpected forms.

2. Graphic inventories of Rychkov’s Evenki-Russian texts

The Russian part follows pre-reform orthography, notably using the letters **ѣ**,¹ and the word-final **ѣ** after consonants:

(1) Такія старыя вѣсти есть.

‘So it was told.’ (lit.: ‘There are such old news.’) [F. 5: 15]²

Interestingly, the Latin **l** also sporadically appears in the Russian text instead of Russian **л**. In Folder 5 it occurs especially after **o** as in *олень* ‘reindeer’, *положилъ* ‘(has) put down’; in Folder 6b also after **a** as in *плясать сталу* ‘(they) started to dance’.

Evenki words such as proper names and specific cultural terms, when they occur in Russian translations, are generally spelled in the same way as they are in the Evenki text (see below), eventually preserving stress marks and often separated from a following Russian inflection suffix with an apostrophe:

(2) Тутъ сестра [...] стукнула по лбу **Ететыр’а**.

‘Then the sister [...] struck **Etetyr** on his forehead.’ [F. 5: 111]

Rychkov’s transcription for Evenki is also mostly Cyrillic. Latin extensions include the letters **j l w**; in Folders 6a, 6b, 6v **s** is used instead of Russian **с**, probably reflecting pronunciation peculiarities (see 3.3). Other extensions include Cyrillic letters **ѣ ѣ ѣ** and several diacritics. Among the latter, stress mark **´** and palatalization mark **`** occur most frequently (although not entirely regularly), as well as umlaut in **ä ö ŷ** (see 3.2). Much rarer are macron (**ā**) and a kind of low caron (**ç**; see 3.3).

¹ In what follows, boldface is used for citing single letters as a shorthand for angle brackets: **ш** = <ш>; italic is used for longer (orthographic) examples: *олень* ‘reindeer’; square brackets mark phonetic transcription: [š]; slashes mark phonemic transcription: /š/. Tilde marks alternations within a dialect or archive folder: *куңакан-куһакан*, as well as cross-dialectal correspondences: /s/~/š/~/h/. Stress marks are in most cases omitted.

² Short references will be given as follows: [F. 5] = Folder 5 [Rychkov, 1911]; [F. 6b] = Folder 6b [Rychkov, 1913]; [F. 6v] = Folder 6v [Rychkov, 1912]; [D] = Dictionary [Rychkov, n.d.].

3. Phonetic features as reflected in Rychkov's transcription

The values of most letters in Rychkov's Evenki transcription are straightforwardly correlated with the phonemic inventory. Despite the high number of dialects and their huge geographical spread, as pointed out by Vasilevich [Vasilevich, 1948, p. 5], the number of phonemes is the same in all dialects, and there is principally only variation in their allophones. Slightly simplified common inventories of vowels and consonants adapted from [Vasilevich, 1948, p. 6] are given in Tables 1 and 2, alongside with the corresponding characters used by Rychkov in angle brackets. The most important peculiarities in his inventory are highlighted with bold.

Table 1

Evenki vowel inventory with corresponding Rychkov's symbols

	Front		Central		Back			
					Unrounded		Rounded	
Close	i i:	<и/ы>					u u:	<у/ү>
Mid	e:	<е~ä>	ə ə:	<е>			o o:	<о/ö>
Open					a a:	<a/ä>		

The most salient variation parameter is the correlation /s/~ʃ/~h/. Recall that the standard literary Evenki (henceforth StE) has /s/, while the dialects registered by Rychkov belong to two other groups, Northern (/h/) and Southern "hushing" (/ʃ/).

In what follows, we will discuss some non-trivial correspondences between Rychkov's notation and the above inventories, starting with the vowels. First, Rychkov does not mark vowel length as such. Although his vertical accent mark usually occurs on vowels which should be long (based on other sources), it is generally restricted to appear only once per orthographic word. An apparent exception is the cliticized negative forms, which he spells in one word with the host but still, often, providing two accent marks, cf. *ewáwhýčö* '(he) didn't say' [F. 5: 62]. We can thus conclude that he used them indeed as a stress marker, rather than a marker of vowel quantity which can occur on more than one vowel in a (simple) word.

As to vowel qualities, the letter **е** is used for both /ə ə:/ and (long) /e:/. Only **и** is used for the Evenki /i/ vowel, unlike in Russian translations where both Cyrillic **и** and **і** regularly appear, following the standard pre-reform orthography. (This helps to partly disambiguate the handwriting in the Evenki part, since in the Russian part all the three of **а о и** can be confused). However, the letter **ы** also competes to denote the same

Table 2

Evenki consonant inventory with corresponding Rychkov's symbols

		Labials		Coronals		Palatals		Velars		Laryngeals	
Plosives	vcd	b	<б>	d	<д>			g	<г/р>		
	vcl	p	<п>	t	<т>			k	<к>		
Affricates	vcd			ʒ' (~d')	<ц>						
	vcl			č' (~t')	<ч>						
Fricatives				s (~š~h)	<с~s~ш~ х/һ/г>					h	<х>
Nasals		m	<м>	n	<н>	n'	<н'>	ŋ	<ң~һ>		
Approximants		w	<w>			j	<ј>				
Laterals				l	<л>						
Trills				r	<р>						

phoneme /i/, presumably reflecting allophonic variation between palatalized and non-palatalized consonants preceding the vowel, as the umlaut (see 3.2).

In consonants, the voiceless and voiced affricate are denoted with the letters **ч** and **ц**, respectively. Note that both in Northern and Sym dialects the voiced member of the pair is a palatalized stop [d'] rather than affricate [ʃ]. The velar nasal /ŋ/ is denoted by **ң**. Cyrillic **х** represents (laryngeal) /h/, as in the modern orthography. This sound appears, first, as an independent phoneme in most dialects, alternating with zero in some of them (3a); second, as the Northern Evenki correlate of the Southern /s~š/ (3b).

- (3) a. /h~0/: *хунат* 'girl' (StE *хунāt*), *химат* 'soon' (StE *химāt*)
 b. /h~s~š/: *хылан* 'fox' (StE *сулакū*), *xi* 'you (sg)' (StE *cu*)

Such usage of **х** is in line with the modern orthography. However, Rychkov also uses another letter, **һ**, clearly distinct from **х** and more intriguing.

3.1. The letter h: Between velars and laryngeals

The letter in question is not the Latin **h** but its Cyrillic counterpart; its capital has the shape of **һ** rather than **Н**. The letter is part of modern Sakha (Yakut) and Dolgan alphabets, introduced in Böhntlingk's Yakut grammar (1849–1851), and is also encountered in Rychkov's Dolgan materials. The contexts where **һ** is found, while not overlapping with those of **х**,³ are heterogeneous:

- in various positions in place of expected /g/ – word-initially and word-finally: *хун-* 'to speak' (StE *зүһ-*), *хуско* 'wolf' (StE *зускэ*), *һаһ* 'swan' (StE *зәэ*); word-medially between vowels and in clusters: *моһо* 'fire' (StE *мого*); *аһаһым* 'after that' (StE *аһаһым*);
- intervocalically in place of expected /h~s~š/: *аһаткан* 'girl' (StE *асәм-кән*), *моһады* 'to the forest' (StE *мәса* 'forest');
- intervocalically in place of expected velar nasal /ŋ/: *һуһан* 's/he' (StE *һуһан*), *куһакан* ~ *куһакан* 'child' (StE *куһакән*);
- in clusters with nasals in place of expected /ŋ/: *һуһне* 'straight' (StE *һүһнэ*); *туһһа* 'five' (StE *туһһа*).

The question is then to clarify the relations of **һ** to the segments (and corresponding letters) it competes with: /g/, /h/ and /ŋ/.

It turns out that the letter **р**, in spite of being the direct correspondence of Latin **g**, is rarely used by Rychkov in words known to have /g/ in literary Evenki and across dialects. We find it only before front vowels, predominantly in the sequence (-)эi- (4a), less frequently in sequences (-)эä- (in Folders 5

³ Exceptionally, **х** is encountered several times in two of these contexts, namely in the roots *сах* (cf. Sakha *сах* 'Sakha') [F. 5] and *малхана* 'flour' (Sym Evenki *малган*) [F. 6b].

and 6v) or (-)ge- (in Folder 6b), cf. (4b). Before non-front vowels, **h** appears instead (see examples above), including in Russian loans (4c). Also in word-medial clusters, **ɾ** only appears when followed by a front vowel (5a), otherwise **h** is used (5b). Only **h** appears in word-final position (only a few occurrences in the texts, see (6)).

- (4) a. *ɣirku-* ‘to walk’ (StE *ɣirku-mū*), *ɖyɣin* ‘four’ (StE *ɖyɣin*),
andaɣil ‘friends’ (Yerbgochon Evenki *андагү* ‘friend’)
- b. *gä~ge* ‘other’ (StE *gē*), *gälaqä-* ‘to ask’ (StE *gäläde-mu*),
gärbī~gerbī ‘name’ (StE *gärbū*)
- c. *hybernator* ‘governor’ (Rus. *губернатор*), *Grigorij* ‘Gregory
 (proper name)’ (Rus. *Григорий*); cf. also *hópod* ‘city’ [D: 1304]
 (Rus. *город*), *bumahá* ‘paper’ [D: 1160] (Rus. *бумага*)
- (5) a. *nǵlgi* ‘wandering’ (StE *nulǵū*), *xarɣi* ‘devil’ (StE *xarǵū*)
- b. *xalhan* ‘foot’ (StE *xalǵan*), *amaphym* ‘after that’ (StE *amapɣym*),
xehɖy ‘big’ (StE *xəɣɖy*)
- (6) *hah* ‘swan’ (StE *gāɣ*)

But these are not all of the uses of **ɾ**. Surprisingly enough, it is also found intervocalically in place of /h/ alternating with /s~š/, always in the same complementary distribution with **h** depending on the following vowel:

- (7) a. *aɣi* ‘woman’ (StE *acu*), *eɣyɣiɰi~eɣeɣyɰi* ‘strong’ (StE *əɣsəɰi*
 ‘force’), *eɣikaqun* ‘just now’ (StE *əsükəqun*)
- b. *mohady* ‘to the forest’ (StE *mōɰa* ‘forest’), *elaha* ‘when’ (StE
əlasa)

Similar observations have been made by S. Fujishiro regarding Rychkov’s Dolgan dictionary from the same archive. As she remarks in [Fujishiro, 2018, p. 99, fn. 5], “Rychkov used the letter h for voiced velar and uvular fricatives or stops, [g], [ɣ], [ɦ], [ŋ], [h]. In most cases, the letter corresponds to ɾ in Modern Dolgan.” This formulation rightfully includes only voiced segments. On the other hand, it is also to some extent contradictory, since the segments listed do not conform to the description: both [ɦ] and [h] denote laryngeals (glottals) and not uvulars, and [h] is not voiced.

Note that /g/ is normally realized as a stop word-initially and in clusters, but as a fricative [ɣ] intervocalically and word-finally in most dialects [Vasilevich, 1948; Tsintsius, 1949, p. 48–49]. We find no evidence for a fricative realization of /g/ in word-initial position, neither in the past nor in modern Northern or Sym dialects. We must thus assume that Rychkov does not distinguish between the two sounds ([g] and [ɣ]), using **h** and **ɾ**

in both cases. On the other hand, the fricative component of intervocalic [ɣ] can undergo weakening, eventually turning into a breathy [h] or zero; in Tokma-Upper Lena dialect, diphthongs and long vowels are reported in place of [w] < [ɣ], e.g. *moo* < *mowo* ‘fire’ (StE *mozo*), and [w] in neighbouring Southern dialects [Vasilevich, 1948, p. 90–91].

Vasilevich notes that in some northwestern varieties of Ilimpi dialect, intervocalic /h/ is voiced [ɦ] before /i/ [Vasilevich, 1948, p. 161]. This voicing is also observed in modern audio recordings of Northern dialects,⁴ and is seemingly neither rare nor obligatory. She also reports [Vasilevich, 1948, p. 201, 264] voicing and strengthening of intervocalic /h/ in some Eastern dialects, cf.: “аһһ ~ аһһ ~ аһһ ~ аһһ” ‘woman’ in Tungir Evenki (Chita oblast); “аһһ ~ аһһ ~ аһһ” ‘woman’ in Uchur-Zeya Evenki (Eastern Yakutia and Chita oblast).⁵ However such strengthening of [h] into [ɣ] or [g] has not been reported, to our knowledge, for the Northern dialects, and is not observed, at least at the first sight, in the available recordings. It should also be mentioned that the strengthening reported by Vasilevich is conditioned by close vowels, i.e. [i] and [u], while Rychkov makes the distinction between front and back vowels instead.

To sum up, the most reliably reconstructed difference between the word-initial /h/ (symbolized by **x**) and the intervocalic /h/ and /g/ (both symbolized by **h** and **r**) is that of voicing. On the other hand, Rychkov apparently makes no difference between the (voiced) laryngeal fricative [ɦ] in *elaha* ‘when’ and the velar stop [g] in *hыско* ‘wolf’. As a non-confirmed hypothesis, Rychkov himself might have spoken a Southern variety of Russian, notoriously featuring a fricative [ɣ] (or [ɦ], depending on the specific variety) in place of standard Russian [g]. This seems possible given the heterogeneous origins of population in Eastern Kazakhstan at the time; and it could explain his non-distinction of [g] and [ɣ ɦ].⁶

Taking into account the complementary relations between **h** and **r**, and disregarding for the moment the relations between **h** and **ɦ**, we can then reconstruct the distribution of letters **x h r** as follows (see Table 3):

<x> stands for a **voiceless laryngeal**, irrespective of the vocalic context;

⁴ The recordings consulted were part of the forthcoming INEL Evenki corpus and of the materials collected by Olga Kazakevich and her colleagues available at <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/>

⁵ **һ** stands for a voiced velar fricative, i.e. [ɣ].

⁶ Unfortunately, no explanation is provided by Rychkov himself to his writing system, neither in the folders 4, 5, 6a, 6b, 6v, 8, nor, according to S. Fujishiro (p.c.), in his Dolgan materials or letters to V. Kotvich. So far we have been unable to identify any direct predecessor for Rychkov’s writing system; e.g. the sample texts published by Kotvich around the same time [Kotvich, 1910], while making use of the Cyrillic script, follow a clearly different system and, in particular, do not show any similar distribution of **r** and **h**.

<h> stands for a **voiced non-palatalized** velar or uvular or laryngeal, irrespective of the stop/fricative distinction and of specific place of articulation within the **velar/post-velar** zone;

<r> stands for a **voiced palatalized** velar or uvular or laryngeal, again irrespective of the stop/fricative distinction and of specific place of articulation within the **velar/post-velar** zone.

Table 3

Distribution of Rychkov's letters with their phonemic correspondences and hypothetical phonetic values

	#_V		V_V		R_V		V_#
	#_V _{fr}	#_V _{bk}	V_V _{fr}	V_V _{bk}	R_V _{fr}	R_V _{bk}	
/h/ (~0)	x [hʲ]	x [h]	—	—	—	—	—
	<i>ximam</i> 'soon'	<i>xunam</i> 'girl'					
/h/ (~/s~/š/)	x [hʲ]	x [h]	r [hʲ]	h [h]	—	—	—
	<i>xi</i> 'you (sg)'	<i>хулан</i> 'fox'	<i>azi</i> 'woman'	<i>elaha</i> 'when'			
/g/	r [gʲ]	h [g]	r [ɣʲ]	h [ɣ]	r [gʲ]	h [g]	h [ɣ]
	<i>zā~ze</i> 'other'	<i>хуско</i> 'wolf'	<i>дыгін</i> 'four'	<i>моho</i> 'fire'	<i>харzi</i> 'devil'	<i>xalhan</i> 'foot'	<i>hah</i> 'swan'

As mentioned above, the letter **h** also appears in place of expected velar nasal /ŋ/. In some lexical roots, the choice of **h** or **ḥ** is quite stable. E.g., the 3 pers. pronoun has always **h**: *нуһан* 'he/she/it' (StE *нуһан*). In other cases, there is more or less variation, e.g. *куңакан* ~ *куһакан* 'child' (StE *куңăкăн*), *һуһне* ~ *нуһне* 'straight' (StE *һуһнэ*). In turn, /ŋ/ in clusters (esp. with nasals) is almost invariably represented as **h**: *моһноһ* 'fool' (StE *моһноһ*), *тунһа* 'five' (StE *тунһа*), *анһани* 'year' (StE *анһанū*). Only a handful of instances of **-мһ-** and **-һм-** keep both nasals, e.g. in the root *омһо-* 'to forget' (StE *омһо-*). Finally, in a few cases in Folders 6v and 6b **-һһд-** appears in place of /ŋn/: *унһден* '(he) sends' (StE *унһэн*).

One cannot be sure which of the sounds potentially symbolized by **h** is (are) meant by Rychkov in these cases. While a fricative [ɣ] or de-buccalized [h] is more likely intervocalically, a denasalized stop [g] might appear in clusters. The [ŋ]~[h] alternation can be observed in modern recordings of Northern

dialects, although it does not seem at all widespread to such an extent as Rychkov's transcriptions might suggest. A similar alternation is reported by Vasilevich e.g. for Upper Lena and Angara dialects (Southern "hushing"): *бэнэ*- 'to go' (StE *нэнэ*-), *абаж'акан*- 'orphan' (StE *аһаж'акан*-) [Vasilevich, 1948, p. 95]. Note also the development of *ŋ > ɣ/w ~ 0 in Central resp. Southern dialects of Selkup [Khelimskii, 1985].

3.2. Three ways of marking palatalization

Three means are employed by Rychkov, in various combinations, to denote palatalization. Recall that it is currently assumed that the only segments with phonologically contrastive palatalization in Evenki are /n'/, /d' (č')/ and /č' (t')/ [Vasilevich, 1958]. Both /d'/ and /č'/ have dedicated letters in Rychkov's transcription, **ɲ** and **ɕ**.

The principal palatalization marker for /n'/ is a diacritic similar to a grave accent placed slightly above and to the right of the letter (in contrast to the accent mark which is closer to vertical and placed directly above the vowel, and at a greater distance from it). But the palatalization diacritic is not limited to **ɲ**. It is also regularly present on **ɖ**, both in common names (8a) and in proper names (8b), including loans:

- (8) a. *бир`а* 'river' (StE *бипа*), *һур`какан* 'boy' (StE *хуркэкэн*),
ир`акиа* 'skin' (StE *ирэксэ*); *букатыр` 'bogатыr' (Rus.
богатырь), *менкер`* 'saddle-bag' (Urmi Evenki *мэнгэр*) [F. 5],
бер`* 'bow' (StE *бэр*), *гир`амда 'bone' (StE *гурамна*) [F. 6b]
- b. *Ететыр`* (personal name), *Кундаһыр`* (tribe name) [F. 5],
Кундөгир`* (tribe name), *Удыгир` (tribe name) [F. 6v],
Чир`амба 'river Sym' [F. 6b]

In Folder 6b, palatalization mark is regularly present on final **ɖ** [t'] corresponding to StE [t] in some suffixes such as instrumental: *шулакит`* 'fox (instr.)' (StE *сулакит*), *тарим`* 'therefore' (StE *тарум*), *ајам`* 'well' (StE *аям*), *иом`* 'very (much)' (StE *со̄м*). This is characteristic of the Sym dialect; however, [Vasilevich, 1948, p. 65] describes the Sym variant as -ч [č].

The second means is the umlaut over vowels **ä** **ö** **ÿ**. The umlaut and the palatalization diacritic on the consonant can appear separately or in parallel: *н`ан* ~ *н`ән* ~ *нән* 'again' (StE *нян*). Vowels with umlaut appear not only after **ɲ**, but also after affricates **ɕ**, **ɲ** and sonorants **l**, **j**. The vowel **ä** also appears after **ɬ** (or rather **ɬɬ**, see 3.3), **ɣ** and **ɖ**. In Folder 6b, **ä** is mostly replaced by **e**: *з`ä* ~ *зä* [F. 5, F. 6v], *з`e* ~ *ze* [F.6b] 'other' (StE *зē*), and **ö** **ÿ** are used quite rarely. Vowels with umlaut are also found word-initially or after another vowel, in which case they are likely representing a sequence [j] + vowel.

Finally, the choice of vowels **i** vs. **ы** (for the same phoneme, /i/) is also conditioned by palatalization, as in modern Evenki orthography after **д** and **н**. Only **i** is used after all consonants bearing the palatalization diacritic and **j**, after **ч**, **ц** and (in Folders 5 and 6v) **ш**, after **г**, **х** (see 3.1), as well as word-initially. Conversely, only **ы** is found after **т**, **д** and **н**; but in Folder 6b, *-mi-* sometimes indicates a palatalized [t'], similarly to **т'** discussed above.

The use of *-hy-* vs. *-zi-* in texts is oscillating and leads, with the addition of **h** ~ **ң** alternation, to numerous variants such as *еңегичи* ~ *еңеһычи* ~ *емыһычи* ~ *еһеңычи* ~ *еһегичи* ~ *еһыгичи* ~ *еһыһычи* ~ *еһеһычи* 'strong' (StE *еңесичи*).

3.3. Sibilants, voicing and an obscure diacritic

All in all, the following spellings for sibilants are found in different contexts: **с s ш шш см смм з z**; other combinations involving sibilant letters, including **чч, сч**, arguably correspond to clusters. The two Russian letters for hissing sibilants, **с** and **з**, are only used in Folder 5, and most occurrences of **с** in loans are corrected into Latin **s**. In Folders 6b and 6v, only **s** and **z** are used (with very few exceptions), including in native words, in particular in the sequence **шш** (~**смш** in Folder 5).

Single letters **с s з z** can also bear additional diacritics, e.g. **ç š š` ʒ ʒ` ʒ z`**. Note that **з, z** appear only in loanwords, and **с, s** mainly in loanwords except some clusters like *-ск-*, *-см-*, since the dialects documented by Rychkov generally lack /s/ in their inventory and [s] can only appear in native items as an allophone of either /h/ or /š/.

Vasilevich lists, among others, the following features for the Ilimpi dialect: [š] in clusters in most varieties: [-kš-, -šk-] (~StE [-ks-, -sk-]); in some Northern subdialects, [š] or [t'] in place of StE /č/; [š] in 2 person singular markers in possessive and some verbal forms [Vasilevich, 1948, p. 160–164]. The following can be found in Folders 5 and 6v:

- Word-final /s/ in 2sg markers is regularly written with **ш** ([š]): *еҷаи бакаҷанде* 'you will not find'; *ҳиниш дундаду* 'to your land'; interestingly, the same ending is regularly noted with the reflexive possessive: *мониш ҷӯду* 'to his own home'.
- Word-final /s/ in roots was not found in the texts.
- Word-medial postconsonantal /s/ (usually in cluster *-ks-*) is generally found as **ш**: *епишә* 'to breathe' (StE *эпүксә*), *ип'акшә* 'reindeer skin' (StE *ипэксә*), *хукишда* 'ski' (StE *сүкшила*). Exceptionally, StE *мыкса-* 'to run' is regularly recorded as *мынца-* in Folder 5; it is a variant not reflected in the dictionary [Vasilevich, 1958].⁷ The same root in Folders 6v and 6b has the expected shape, *мыкша-*.

⁷ *мынца-* is recorded in the Nepa (Southern "hissing") dialect [Vasilevich, 1948, p. 141].

- Word-medial preconsonantal /s/ in suffixes is written with **ш** ([š]): cf. adverbial allative suffix *-уки* (StE *-скū* /-ski:/) and its variant *-укам*: *чауки* ‘further’, *амауки* ‘back’, *мучуукам~хучуукам* ‘back’; cf. also a derivational suffix followed by imperative (StE *-кал*): *а-ш-кал* ‘lie down!’, *кыколе-ш-кал* ‘lie!’
- Word-medial preconsonantal /s/ in roots is represented by only one but frequent lexeme: ‘wolf’ (StE *зукэ*), in which the sibilant is spelled in a few different ways, however not including **ш**: namely, with either **с** or **з**, in most cases bearing an unexplained ‘low caron’ diacritic: *хуско* ~ *хуэко* [F.5] ~ *хуэко* ~ *хуэ ко* [F. 6v: 371] ~ *хуэ`ко* [F. 6b: 24].
- In some roots we observe the sequence **шш**~**шш** in place of StE /č/ or /s/ + consonant: *бусаиä-* ~ *бусаиä-* ‘to be ill’ (StE *бусэ-*, Uchur *буссэ-*, Zeya *бушшэ-*), *ичиä-* [F.5] ~ *ичиä-* [F. 6v] ‘to see’ (StE *ичэ-*). Note that Ilimpi texts in [Vasilevich, 1936] have *бушшэ-* /buššä-/ ‘to be ill’ and *ичиä-* /ičä-/ ‘to see’. Sym texts in Folder 6b have the expected *иче-* ‘to see’ and different lexemes for ‘to be ill’.
- The verb ‘to reach’ (StE *уч-мū*) in its 3rd person past forms (StE *учта* ‘reached (3pl)’, *устан* ‘reached (3sg)’) features /s/ in a heteromorphemic cluster. In Folder 5, we find *ичта* (usually without the expected *-н* in 3sg); in Folder 6v, they appear as *исумта*, *исуман*. Finally, in 6b the same forms appear as *исша*, *исшан*; cf. *йшса* /jššä/ in Sym texts in [Vasilevich, 1936].

The original /s/ in apparent loanwords in all positions is usually rendered with **с** or **ш**, often bearing the ‘low caron’ diacritic (see below): *саха* ‘Sakha’ (Sakha *саха*), *холст*~*хольист* ‘sackcloth’ (Rus. *холст*) [F. 5], *сабля* ‘sabre’ (Rus. *сабля*), *старшина* ‘sergeant’ (Rus. *старшина*), *лимпейскай* ‘Ilimpi (adj.)’ (Rus. *лимпейский*) [F. 6v], *сушка* ‘cracker ring’ (Rus. *сушка*), *кисла-* ‘to become sour’ (Rus. *киснуть*, cf. past *скисло*) [F. 6b]. However, in a number of loans word-initial and intervocalic /s/ (or /z/) apparently had been subject to the /s/ > /h/ transformation: *каһак* ‘Cossack’ (Rus. *казак*) [F. 5]. Since this also occurs in the “hushing” Sym texts (Folder 6b), such loans were perhaps mediated by other dialects or languages; cf. a mix of reflexes of various sibilants in a passage discussing prices on everyday goods [F. 6b: 24–25]:

- (9) a. *хукно* ‘woollen cloth’ </s/ (Rus. *сукно*), *сортыл* ‘sort’ </s/ (Rus. *сорт*); *сiмса* ‘chintz’ </s’/, /c/ (Rus. *сiмеч*, gen. *сiмца*), *шеп`анка* ‘match’ </s’/ (Rus. *серянка*), *тышшача* ‘thousand’ </s’/, /č’/ (Rus. *тысяча*); *холкóвый* ‘rouble’ </c/ (Rus. *целковый*);
- b. *шólmaj* ‘yellow’ </ž/ (Rus. *жёлтый*); *аршин* ‘arshin’ </š/ (Rus. *аршин*); *крупчатка* ‘groats’ </č’/ (Rus. *крупчатка*)

Three aspects in Rychkov's rendering of sibilants call for an explanation:

- 1) the voluntary replacement **с**, **з** > **s**, **z**;
- 2) the sequence **сш~сш**;
- 3) the mysterious 'low caron' diacritic.

The interpretations suggested below are only tentative, and they all assume that there is some phonetic motivation behind these peculiarities of the writing system, which is however ultimately unknown.

1. Although Rychkov also uses Latin letters elsewhere (**w j l**), he does so only sparingly. The fact that it is the occurrences of **с** in loans such as *pyc* 'Russian' that were first corrected into *pyš* suggests some difference from the expected [s] sound that he intended to emphasize. This might be an intermediate articulation between [s] and [š], sometimes reported for Evenki /s/ (Olga Kazakevich, p.c.; cf. the 'lisping [шепелявое] pronunciation of the sibilant,' supposedly reflected in some data collected by Messerschmidt in 1723 [Mishchenkova, 2019, p. 74–77]). Note that **s** can additionally be marked or not marked as palatalized, cf. *pyš* 'Russian', *кlyš* 'key' (< Rus. *ключ*, [č]) but *кыpes* 'cross(?)' (< Rus. *крест*, [s]), *nisal* 'gun' (< Rus. *пуцаль*, [š]), so these two features should be considered as independent.

2. The sequence **сш~сш** between vowels corresponds to a long [š:] or to a [č'] in other data. The following vowel bears the umlaut in the majority of cases, indicating a palatalized articulation [š(:)']. However, if it were for the palatalization alone, Rychkov's regular palatalization mark (`) would have been sufficient. The two-letter sequence might also mark the length of the consonant articulation. On the other hand, the preconsonantal **сш** in *isuma* in Folder 6v is probably neither palatalized nor long. Yet another alternative would be a kind of affricated articulation with a burst component in the middle, as e.g. in older Russian pronunciation of *ещё* [-š'č'-] 'yet', now simplified into [š(:)']; however this remains speculative and does not follow from the spelling itself.

3. The mysterious caron-like mark appears below a limited set of consonants. First, it appears with the sibilant letters (**с~s** and **з~z**). A lion's share of all the occurrences in the texts is covered by only two roots, *хуско~хузо* 'wolf' and *pyš* 'Russian'. The former is encountered with more voiced (ca. 50) than voiceless (ca. 10) spellings. It is also remarkable that, while /s/ and /z/ in Russian loans are spelled most of the time with resp. **с~s** and **з~z**, like in *кн`аз* 'prince' (Rus. *князь*), *слиз`* 'slime(?)' (Rus. *слизь*) [F. 5: 254], there are also cases when a Russian voiced sibilant is rendered by a voiceless letter with 'low caron': *paše* 'really?' (Rus. *разве*) [F. 6b: 147], *šasedamel'dypa* '(to the) assessor' (Rus. *заседатель*) [F. 6b: 201].

Second, in a few cases the 'low caron' is found under the letter **б**. The only occurrence in the texts is a borrowing, *бopox* 'powder' (Rus.

попох) [F. 5: 16], where it corresponds to an original voiced /p/. More cases are found in the dictionary, e.g. *бумаhá* ‘paper’ (Rus. бумага) [D: 1160], *бáлуha* ‘beluga sturgeon’ (Rus. белуга) [D: 1057], *бóчыку* ‘barrel’ (Rus. бочка) [D: 1128]. Interestingly, they are not restricted to loanwords: *дýкубча* (декубча) ‘written’ [D: 1435]; *мýбhóm* ‘scrambled egg’ [D: 2563]; *м`ýбкун* ‘a beaded ornament’ [D: 1555]; *чабзiтамá* ‘steep [slope]’ [D: 3066], *м`ómбómб* ‘a circled ornament’ [D: 1547]. In the first three words, -б-forms a suffix – passive, at least in the first two, usually written as -w-; cf. the variant *дукýwча* ‘drawing’ [D: 1433]. Note also an exceptional use of ‘low caron’ with **w**: *Wóyw!* ‘an interjection of fatigue’ [D: 1219].

Given the fluctuations in the use of voiced vs. voiceless sibilants with the ‘low caron,’ as well as its use in the case of mismatch of voicing in loanwords, the most natural explanation seems to be that this diacritic denotes an intermediate value of the voicing feature, i.e. ‘semi-voicing’ (commonly designated with small capitals in the Finno-Ugric Transcription (FUT)). The origins of this sign remain unclear, but note a similar diacritic (but mirrored – as a circumflex above the letter) used in the transcriptions of A. Dulson (Tomsk) school, notably by Angelina Kuzmina in her Selkup materials (1960s–1970s).

4. Conclusion

Texts collected by Konstantin Rychkov constitute a valuable resource documenting several local varieties of Evenki in the beginning of XX c. The graphic system of these texts provides cues for some phonetic features not reflected in other sources, such as palatalization of /r/ and ‘semi-voicing’ of sibilants and /b/. The letter **x** is used for voiceless laryngeals. Voiced velars and post-velars are denoted by **h** (non-palatalized) and **r** (palatalized), without distinction between stops and fricatives. Further investigation is needed to confirm the phonetic values of sibilants transcribed as **s**, **ch**~**sh**.

Библиографический список / References

Arkhipov, Däbritz, 2018 – Arkhipov A.V., Däbritz C.L. Hamburg corpora for indigenous Northern Eurasian languages. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2018. Issue 3 (21). Pp. 9–18.

Fujishiro, 2018 – Fujishiro S. A note on *r* and *l* in Dolgan and Yakut. *Diversity and Dynamics of Eurasian Languages: The 20th Commemorative Volume. Dedicated to Prof. Dr. Masahiro Shōgaito*. (Contribution to the Studies for Eurasian Languages series, 20). The Consortium for the Studies of Eurasian Languages, 2018. Pp. 95–103.

Kahle et al., 2017 – Kahle P., Colutto S., Hackl G., Mühlberger G. Transkribus – a platform for transcription, recognition and retrieval of document images. *IAPR*

International Conference on Document Analysis and Recognition (ICDAR). IEEE, 2017. Pp. 19–24.

Khelimskii, 1985 – Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селкупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42–58. [Khelimskii E.A. k istoricheskoi dialektologii selkupskogo yazyka [Towards the historical dialectology of the Selkup language]. *Leksika i grammatika yazykov Sibiri*. Barnaul, 1985. Pp. 42–58. (In Rus.)]

Kotvich, 1910 – Котвич Вл. Материалы для изучения тунгусских нарѣчій // Живая старина. СПб., 1910. Вып. 4. С. 206–218. [Kotvich Vl. Materials for the study of Tungus dialects. *Zhivaya starina*. St. Petersburg, 1910. Vol. 4. Pp. 206–218. (In Rus.)]

Maksimova, 2016 – Максимова И.Е. Архивные материалы как источник по этногенезу сымско-кетских эвенков // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 128–132. [Maksimova I.E. Archival materials as a source on ethnogenesis of Sym-Ket' Evenki. *Tomsk State University Journal of History*. 2016. No. 5 (43). Pp. 128–132. (In Rus.)]

Mishchenkova, 2019 – Мищенко К.О. Рефлексы праэвенкийского *s в говорах эвенкийского языка в конце XVII в. и первой половине XVIII в. // Урал-алтайские исследования. 2019. № 3 (34). С. 72–83. [Mishchenkova K.O. Reflexes of Proto-Evenki *s in dialects of Evenki in the end of XVII c. and the first half of XVIII c. *Ural-Altaic Studies*. 2019. No. 3 (34). Pp. 72–83. (In Rus.)]

Rychkov, 1911 – Рычков К.М. Образцы материалов по изучению тунгусского языка и фольклора // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 49 (Рычков (Ракай) Константин Михайлович (1882–1923)). Оп. 1. Ед. хр. 5. [Rychkov K.M. Obrabztsy materialov po izucheniyu tungusskogo yazyka i folklor [Sample materials for the studies of Tungusic language and folklore]. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 49. Inventory 1. Item 5. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/stories/archives/tungus/49_1_5.pdf (date of access: 12.02.2020).]

Rychkov, 1912 – Рычков К.М. Материалы по Лимпейскому наречию тунгусов Туруханского края // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 49 (Рычков (Ракай) Константин Михайлович (1882–1923)). Оп. 1. Ед. хр. 6v. [Rychkov K.M. Materialy po Limpeiskomu narechiyu tungusov Turukhanskogo kraya [Materials on the Limpeya dialect of the Tungus of the Turukhansk Krai]. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 49. Inventory 1. Item 6v. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/stories/archives/tungus/49_1_6%D0%B2.pdf (date of access: 12.02.2020).]

Rychkov, 1913 – Рычков К.М. Хойонское наречие // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 49 (Рычков (Ракай) Константин Михайлович (1882–1923)). Оп. 1. Ед. хр. 6b. [Rychkov K.M. Khojonskoe narechie [The Hojon dialect]. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 49. Inventory 1. Item 6b. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/stories/archives/tungus/49_1_6%D0%B1.pdf (date of access: 12.02.2020).]

Rychkov, n.d. – Рычков К.М. Словарь наречия енисейских тунгусов // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 49 (Рычков (Ракай) Константин Михайлович (1882–1923)). Оп. 1. Ед. хр. 8. [Rychkov K.M. Slovar

narechiya eniseiskikh tungusov [Dictionary of the dialect of the Yeniseian Tungus]. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 49. Inventory 1. Item 8. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/stories/archives/tungus/49_1_8.pdf

Tsintsius, 1949 – Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949. [Tsintsius V.I. Sravnitel'naya fonetika tunguso-manchzhurskikh yazykov [A comparative grammar of Tungus-Manchu languages]. Leningrad, 1949.]

Vasilevich, 1936 – Василевич Г.М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936. [Vasilevich G.M. Sbornik materialov po evenkiiskomu (tungusskomu) folkloru [A collection of materials on Evenki (Tungus) folklore]. Leningrad, 1936.]

Vasilevich, 1948 – Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. [Vasilevich G.M. Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungus-skogo) yazyka [Essays of dialects of Evenki (Tungus) language]. Leningrad, 1948.]

Vasilevich, 1958 – Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. [Vasilevich G.M. Evenkiisko-russkii slovar [Evenki-Russian dictionary]. Moscow, 1958.]

Voskoboinikov, 1967 – Воскобойников М.Г. К.М. Рычков как собиратель эвенкийского фольклора и общественный деятель // Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967. С. 96–121. [Voskoboinikov M.G. K.M. Rychkov as collector of the Evenki folklore and public activist. *Velikii Oktyabr i malye narody Krainego Severa*. Leningrad, 1967. Pp. 96–121. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторах / About the authors

Архипов Александр Владимирович – кандидат филологических наук; заведующий отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник Института финно-угроведения/уралистики, Гамбургский университет, Германия

Alexandre V. Arkhipov – PhD (Linguistics); Head at the Department of Linguistic and Cultural Ecology of the Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation; Research Fellow at the Institute for Finno-Ugric/Uralic Studies, Universität Hamburg, Germany

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5395-0921>

E-mail: sarkipo@mail.ru

Дэбриц Крис Лассе – PhD (лингвистика); научный сотрудник Института финно-угроведения/уралистики, Гамбургский университет, Германия

Chris Lasse Däbritz – PhD (Linguistics); Research Fellow at the Institute for Finno-Ugric/Uralic Studies, Universität Hamburg, Germany

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7555-4620>

E-mail: chris.lasse.daebritz@uni-hamburg.de

Я.Г. Тестелец

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация;

Институт языкознания Российской академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Ролевые языки Северного Кавказа: идея А.Е. Кибрика через 40 лет

В статье на основе нового материала рассматриваются теоретические предпосылки и основные положения идеи ролевого типа языков, выдвинутой в лингвистической типологии около 1980 г. У. Фоли, Р. Ван Валином и А.Е. Кибриком, а также анализируется материал языков восточно- и западнокавказской языковых семей, в первую очередь языков Дагестана, которые А.Е. Кибрик причислил к ролевым. Ролевыми языками называются такие, в которых морфосинтаксические средства оформления аргументов непосредственно выражают семантические роли, без промежуточного уровня грамматических отношений (членов предложения). Показывается, что признаки падежного управления глаголов, отсутствия пассивного залога, нейтральности или ролевой ориентации функциональных признаков грамматического приоритета не коррелируют и, скорее всего, не образуют единого «ролевого» типа.

Ключевые слова: восточнокавказские языки, западнокавказские языки, ролевые языки, грамматические отношения, пассивный залог, эргативность

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФН № 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках». Автор выражает благодарность анонимным рецензентам журнала, чьи замечания были учтены; все недостатки статьи принадлежат автору.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тестелец Я.Г. Ролевые языки северного Кавказа: идея А.Е. Кибрика через 40 лет // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 65–83. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-65-83

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-65-83

Ya.G. Testelelets

Russian State University for the Humanities,
Moscow, 125993, Russian Federation;

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

The role languages of the North Caucasus: A.E. Kibrik's idea after 40 years

In the paper, we present new material to evaluate the theoretical assumptions and basic claims of the idea of “role languages” which was put forward in the linguistic typology about 1980 by William Foley, Robert Van Valin and Aleksandr E. Kibrik. Our point of special interest are the languages of the East and West Caucasian families, including the East Caucasian languages of Dagestan which Kibrik claimed to belong to the role type. Role languages are those in which the morphosyntactic marking of arguments are directly determined by semantic roles, with no intermediate level of grammatical relations like subject and object. It is shown that the characteristics of case marking of verbs' arguments, lack of the passive voice, neutrality or role orientation of functional priority features do not correlate and most likely do not form any consistent “role type”.

Key words: East Caucasian languages, West Caucasian languages, role languages, grammatical relations, passive voice, ergativity

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 17-18-01184 “Communicative organization of natural discourse in spoken and sign languages”.

The author thanks the journal's anonymous reviewers whose comments have been taken into account; all shortcomings are the author's.

FOR CITATION: Testelelets Ya.G. The role languages of the North Caucasus: A.E. Kibrik's idea after 40 years. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 65–83. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-65-83

Введение

В 1964 г. вышла в свет монография [Katz, Postal, 1964], оказавшая большое влияние на генеративную лингвистику и опосредованно – на другие направления науки о языке. Дж. Катц и П. Постал показали, что правила английского синтаксиса, которые традиционно рассматривались как меняющие значение предложений, например, связанные с выражением вопроса, отрицания или императива, могут быть сформулированы в виде трансформаций, только если в глубинной структуре, т.е. до применения трансформационного компонента, содержатся абстрактные единицы, выражающие эти значения (Underlying Trigger Morphemes) – элементы I, Neg и Q, «запускающие» императивную, отрицательную или вопросительную трансформации соответственно; в современных версиях генеративной теории эти элементы грамматической модели соответствуют неинтерпретируемым признакам [Chomsky, 1999].

В связи с выдвинутой Катцем и Посталом на основе этих результатов гипотезы «трансформации не меняют значения» стали обсуждаться еще две идеи:

- 1) единицы глубинного уровня и правила их соединения универсальны и, возможно, представляют язык мышления;
- 2) грамматические различия между языками могут быть целиком отнесены к трансформационному компоненту.

Захватывающая перспектива открытия и описания понимаемых таким образом глубинных структур вдохновила генеративную семантику, включая ее советскую версию [Падучева, 1974], модель «Смысл–Текст» И.А. Мельчука и падежную грамматику Ч. Филлмора, т.е. тот круг авторов и идей, который в наибольшей степени повлиял на А.Е. Кибрика в первый период его работы с языками Дагестана в 1970–1980-е гг. Цели этого теоретического тренда видны из характерной для того времени цитаты: «обеспечить переход от смысловой структуры предложения к ее конкретным репрезентациям... интерес ко всему скрытому... ко всему, не данному в поверхностной реализации языка... стремление создать универсальную модель, применимую к описанию предложений любого языка, отнесение языковых универсалий в область семантики» [Арутюнова, 1972, с. 296].

Из гипотезы, согласно которой глубинная структура совпадает с семантической, следовало, что могут найтись языки, в которых отсутствует трансформационный компонент или по крайней мере та его часть, которая «перепутывает» соответствие между элементами семантической и грамматической структуры. Предполагалось, что такие языки, если они будут обнаружены, окажутся подарком для теоретиков,

поскольку в них наблюдаемые конструкции совпадут с глубинными структурами, и тогда можно будет увидеть, насколько эти конструкции похожи на те глубинные структуры, которые лингвисты получают в результате анализа данных языков с развитым трансформационным компонентом.

На рубеже 1970–1980-х гг. Р. Ван Валин и У. Фоли, выдвинувшие проект типологически ориентированной теории «референциально-ролевой грамматики» [Van Valin, Foley, 1980, 1984; Van Valin, 1993], и А.Е. Кибрик (1979а; 1980b) независимо, но и не без определенного влияния друг на друга, пришли к выводу, что такие языки существуют.

Ролевыми языками, согласно А.Е. Кибрику, Р. Ван Валину и У. Фоли, называются такие, в которых морфосинтаксические средства выражения аргументов базовых конструкций, в первую очередь падеж и актантно-предикатное согласование, ориентированы непосредственно на роли и гиперроли (агенс vs. пациенс, актор vs. претерпевающий, бенефактив, экспериенцер, абсолютив, ...), минуя промежуточный уровень грамматических отношений (членов предложения), таких, как подлежащее и дополнения. Восточнокавказские (нахско-дагестанские) языки, по А.Е. Кибрику, – последовательно ролевые. Арчинский язык характеризуется как ролевой – хотя этого термина еще нет – в «Опыте структурного описания арчинского языка» [Кибрик, 1977а, с. 30]; дальнейшее развитие идеи см. в [Кибрик, 2003; Van Valin, 2003].

За прошедшие десятилетия был накоплен значительный материал, который, во-первых, показывает, что западнокавказские языки (адыгской и абхазо-абазинской ветвей) также могут быть охарактеризованы как ролевые, и, во-вторых, ставит под сомнение ценность понятия ролевых языков для грамматической теории и типологии. Задачей нашей статьи является краткий обзор и оценка этих фактов.

В разд. 1 статьи мы рассмотрим характеристики дагестанских языков, на основании которых А.Е. Кибрик причислил их к ролевым; в разд. 2 пойдет речь о грамматических асимметриях, функциональных признаках и их ролевой ориентации; в разд. 3 – вопросы о составе глагольного словаря и об отсутствии в языках северного Кавказа залоговых и конверсивных парадигм; в Заключение будут подведены итоги исследования.

1. А.Е. Кибрик о ролевом типе дагестанских языков

В «референциально-ролевой грамматике» [Van Valin, Foley, 1980] ролевыми называются языки, в которых нет «прагматической структуры», а грамматика ориентирована на семантические роли. Под «прагматической структурой» имелась в виду предполагаемая семантика

залоговых преобразований, меняющих соответствие между ролями и грамматическими отношениями, причем определить этот круг значений авторам удастся только в расплывчатом виде («речевая выделенность», «фокус интереса говорящего» и т.п.). К ролевым Р. Ван Валин и У. Фоли отнесли ряд америндских языков: лакота, туника, тонкава, ирокезские и др., австралийские языки валбири и дияри, папуасские языки энга и йимас и тибетский язык. Например, в языке чокто (семья мускоги, Северная Америка) подлежащее определяется в соответствии с иерархией ролей

(1) *агенс > пациент > датив > прочие*

как именная группа (ИГ) самого высокого ранга в (1) и отсутствуют пассивные конструкции, которые могли бы продвинуть в позицию подлежащего ИГ с менее приоритетной ролью [Heath, 1977].

В типологической классификации А.Е. Кибрика (2003) ролевые языки представляют собой разновидность одноосевых, т.е. ориентированных на единственный фактор кодирования именных групп в предложении, в данном случае – на роли. Как и Р. Ван Валин и У. Фоли, А.Е. Кибрик объединяет роли, выступающие при разных типах предикатов, в более крупные единицы – гиперроли, но, в отличие от них, использует не универсальное противопоставление актора (Actor) и претерпевающего (Undergoer), а разные гиперроли для разных типов структуры элементарного предложения внутри класса ролевых языков.

Среди ролевых языков слабо засвидетельствованы семантически аккузативные, противопоставляющие гиперроли «принципала», или «главного участника» и «пациента», т.е. пациента при переходном глаголе – в качестве единственного кандидата упоминается язык навахо атапаскской семьи, и семантически активные – возможно, представленные ачехским языком австронезийской семьи. Лучше документированы семантически эргативные языки, ориентированные на гиперроль абсолютива, или

(2) *«наиболее непосредственного, ближайшего участника события, наиболее затрагиваемого им и вовлеченного в него»*
[Кибрик, 2003, с. 147];

курсивом автор подчеркивает, что речь идет о шкале вовлеченности в событие, на которой один из участников занимает приоритетное положение сравнительно с другими. К числу таковых, согласно А.Е. Кибрику, относятся баскский язык и многочисленные, в том числе описанные им самим, языки Дагестана, относящиеся к восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой семье.

Эргативность в восточнокавказских языках, согласно А.Е. Кибрику, «явление глубоко семантическое» [Кибрик, 1977а, с. 27] и ориентирована на гиперроль абсолютива: «речь идет о том участнике ситуации, который в ней непосредственно участвует, которого она непосредственно затрагивает (независимо от степени его активности)... семантическая мотивированность средств выражения... препятствует образованию категории залога (и более того, смене диатез)» [Там же, с. 28–29]. В иллюстрирующей эргативную систему парадигме арчинского языка (3) А.Е. Кибрик увидел, вопреки предшествующей традиции изучения эргативности, не особый вид соотношения между синтаксической и морфологической структурами, как, например, у С. Андерсона [Anderson, 1976] или Р. Диксона [Dixon, 1994], и не особый вид синтаксической структуры, как у П.К. Услара (1889) или Ф. Планка [Plank, 1979], а отсутствие отдельного уровня синтаксических отношений, или членов предложения [Кибрик, 2003, с. 126]; немаркированный падеж (абсолютив) и контроль классно-числового согласования в глаголе – приоритетные грамматические свойства не подлежащего и не дополнения, а гиперроли абсолютива, о семантике которой см. выше (2):

- (3) а. *dija* *w-akdi*
отец.1.ABS¹ 1-уходить
‘Отец ушел.’
- б. *buwa* *d-akdi*
мать.2.ABS 2-уходить
‘Мать ушла.’
- с. *buwa-mu* *dija* *o<-w->ka*
мать-ERG отец.1.ABS приводить<1>
‘Мать привела отца.’
- д. *dija-mu* *buwa* *o<-r->ka*
отец-ERG мать.2.ABS приводить<2>
‘Отец привел мать.’

Семантическую «прозрачность» грамматики арчинского и других дагестанских языков А.Е. Кибрик обнаружил и в тех конструкциях, где в русском языке синтаксических валентностей больше, чем семантических; в ролевых языках таких «лишних» валентностей предсказуемо

¹ Сокращения: 1, 2 – 1-е, 2-е лицо; ABS – абсолютив; ADD – аддитивная частица; AOR – аорист; AUX – вспомогательный глагол; CNV – конверб; DAT – дательный падеж; DCL – изъявительное наклонение; ERG – эргатив; GEN – генитив; H – одушевленный; I, II, IV – I, II, IV согласовательный класс; INF – инфинитив; INS – интенсификатор; LOC – локатив; M – мужской класс; NN – неодушевленный; OBL – косвенная основа; PASS – пассив; PST – прошедшее время; RE – рефактив; RFL – неизменяемый рефлексив; SG – единственное число.

не обнаружилось. Например, в арчинском языке нет «расщепления валентностей» по Ю.Д. Апресяну [Апресян, 1967, с. 159–161; Апресян, 1974, с. 153], или «конструкции с внешним посессором» [Кибрик, 2003, гл. 14], когда при глаголах воздействия типа *ударить*, *тронуть*, *схватить*, имеющих одну семантическую валентность на объект воздействия, обнаруживается синтаксическая валентность дополнения со значением посессора: *ударить человека по лицу*, *удалить больному зуб*, *ухватить мальчика за руку* и т.п. «В арчинском языке синтаксические и семантические валентности совпадают» [Кибрик, 1977а, с. 30]:

(4) *zari* *towmu-n* *kul* *č'eInne*
 я.ERG он-GEN рука сжимать.AOR
 ‘Я ему (букв. его) руку сжал.’

(5) *towmu-n* *lagi* *ac:'is* *exdi*
 он-GEN живот болеть начать.AOR
 ‘У него (букв. его) живот заболел.’

А.Е. Кибрик обратил также внимание на то, что постулированная Е.В. Падучевой в результате анализа предикативных посессивных конструкций в русском языке глубинная структура с экзистенциальным глаголом, единственным семантическим актантом и его посессивным определением типа ‘мои деньги имеются’ [Падучева, 1974, с. 239] в арчинском языке «представлена на поверхностном уровне» [Кибрик, 1977а, с. 30]. Таким образом, дагестанские языки, как казалось, способны сыграть указанную выше роль, т.е. подтвердить или опровергнуть точность грамматического анализа, предполагающего ненаблюдаемые глубинные структуры для языков с трансформационным компонентом:

(6) *is* *arsi* *i*
 я.GEN деньги.IV есть.IV
 ‘У меня есть деньги.’

Третий том «Опыта структурного описания арчинского языка» [Кибрик, 1977b] назывался «Динамическая грамматика» и представлял собой описание в духе модели «Смысл–Текст» с несколькими уровнями и связывающими их компонентами, причем правила-преобразования, соответствующие трансформациям раннего генеративизма, характеризовали глубинно-синтаксический компонент, связывающий глубинно-синтаксическое и поверхностно-синтаксическое представление, и поверхностно-синтаксический компонент, связывающий поверхностно-синтаксическое и глубинно-морфологическое представление. Из этого описания видно, что некоторая «работа» для правил, затрагивающих соответствие между формами и значениями, сохраняется,

однако в основном это правила, не меняющие синтаксических отношений, например, устранение фиктивных лексем, введение служебных слов или опущение равносильных лексем в глубинно-синтаксическом компоненте [Кибрик, 1977b, с. 160–171] или изменение управления аргументов при масдаре и в биабсолютивной конструкции, правила согласования, линейаризации и замены на местоимения в поверхностно-синтаксическом компоненте [Там же, с. 180–210].

2. Функциональные признаки и ролевой тип

Вывод А.Е. Кибрика о ролевом характере дагестанских языков опирался не только на известные к тому времени факты ролевой ориентации падежного кодирования, классно-числового согласования и отсутствия пассива в восточнокавказских языках [Климов, Алексеев, 1980, гл. 3], но также и на результат впервые проведенного им для этих языков исследования функциональных приоритетных признаков аргументных ИГ. Систематическое изучение функциональных признаков в языках разных типов, в том числе с эргативной системой кодирования, началось с работ [Keenan, 1976; Anderson, 1976] и было вызвано необходимостью ответить на вопрос, обладает ли универсальностью категория подлежащего и, в частности, какая ИГ является подлежащим в эргативной системе. Поскольку падежное или предложно-последложное маркирование подлежащего различно в конструкциях с переходным и непереходным глаголом, С. Андерсон предположил, что учет функциональных признаков даст возможность увидеть единую синтаксическую роль подлежащего там, где соответствующая ИГ маркируется по-разному в зависимости от переходности глагола-сказуемого. К функциональным признакам ИГ можно отнести такие, которые определяют форму или позицию не их самих, а других элементов предложения; при таком понимании традиционно учитываемый признак согласования глагола с аргументными ИГ также является функциональным.

Оказалось, что дагестанские языки не проявляют ни последовательной ориентации на подлежащее, как предположил о языках с эргативной конструкцией С. Андерсон, ни последовательной синтаксической эргативности, т.е. ориентации на ИГ в абсолютиве – явления, впервые описанного Р. Диксоном в австралийском языке дирбал [Dixon, 1972] и впоследствии обнаруженного в менее последовательном виде в некоторых других языках с эргативной конструкцией [Kazenin, 1994]. Функциональные признаки в дагестанских языках оказались или нейтральными, т.е. не разграничивающими основных ролей, или ориентированными на гиперроль актора или (как классно-числовое согласование) на гиперроль абсолютива.

Каким образом можно связать нейтральность функциональных признаков или их ориентацию на гиперроли с ролевым типом языка?

А.Е. Кибрик исходил из предположения, что подлежащим является та ИГ, которая

- (i) единообразно маркируется – например, номинативным падежом;
- (ii) связана с информационной структурой – является, например, типичной темой;
- (iii) в результате залогового преобразования может «уступить» свое место ИГ с другой ролью и
- (iv) контролирует все или большинство функциональных приоритетных признаков.

Поскольку грамматической единицы, обладающей всеми перечисленными признаками, в дагестанских языках нет, выделять в них подлежащее (и соответственно другие члены предложения), согласно А.Е. Кибрику, не имеет смысла и, таким образом, эти языки относятся к ролевому типу.

Признак (i) наименее важен, т.к. форма подлежащего может быть разной в зависимости от грамматического класса глагола-сказуемого, что было впервые показано в [Anderson, 1976]. Корреляция с темой (ii) наблюдается не только у подлежащего, но и у ИГ с гиперролью актора. В отсутствие залоговых преобразований (iii) функциональные признаки неизбежно ориентируются на (гипер)роли или проявляют нейтральность, т.е. отсутствие выраженной ориентации. Таким образом, избыточность уровня синтаксических отношений (членов предложения) опирается на один-единственный признак – отсутствие залоговых конструкций. «Формирование залоговых трансформаций, продвигающих имена с другими семантическими ролями (не с ролью актора. – Я.Т.) в позицию подлежащего» [Кибрик, 1992, с. 196], оказывается определяющим признаком «реляционного» типа языка, в котором грамматика ориентирована на синтаксические отношения – подлежащее и дополнения.

По-видимому, А.Е. Кибрик исходил из дополнительной имплицитной предпосылки, что если в языке есть подлежащее – ИГ с признаками (ii–iii), оно контролирует функциональные признаки (iv). Таким образом, если функциональные признаки не избирательны (нейтральны) или ориентированы на (гипер)роли, подлежащего в языке нет.

Анализируя функциональные признаки в дагестанских языках, А.Е. Кибрик установил, в частности, что присоединение сентенциальных актантов обычно использует одну и ту же, т.е. нейтральную, грамматическую стратегию с опущением совпадающей ИГ, обозначенной в (7–9) как Ø в зависимой клаузе, независимо от грамматического статуса антецедента или мишени опущения, например, в чамалинском

языке, ср. различие инфинитивного оборота и придаточного предложения в русских переводах:

- (7) a. *wac-la* [Ø *jac* *č' ī-na*] *buq'da ida*
 брат-DAT сестра.ABS побить-INF надо AUX
 'Брату надо побить сестру.'
- b. *jac-la* [*wacu-d* Ø *č' ī-na*] *buq'da ida*
 сестра-DAT брат-ERG побить-INF надо AUX
 'Сестре надо, чтобы брат ее побил.' [Кибрик, 2003, с. 652]
 (впервые в: [Кибрик, 1980с, с. 6])

При оформлении сентенциальных сирконстантов, например, целых клауз, как в (8), также используется одинаковая стратегия независимо от того, какая из актантных ИГ совпадает в главной и в зависимой клаузе, ср. различие грамматических конструкций в русских переводах:

- (8) Лакский язык (хосрехский говор)
- a. [Ø *ninu* *d-uruč:in-širul*] *na u:k'u-ra*
 мать.ABS II-охранять-чтобы я I.пришел-1SG
 'Я пришел, чтобы охранять мать.'
- b. [*nit:i-l* Ø *uruč:in-širul*] *na u:k'u-ra*
 мать.OBL-ERG I.охранять-чтобы я I.пришел-1SG
 'Я пришел, чтобы мать меня охраняла.' [Кибрик, 2003, с. 480]
 (впервые в: [Кибрик, 1979b, с. 22])

Аналогично нейтральность по отношению к ролям ИГ проявляет сочинительное сокращение; А.Е. Кибрик иллюстрировал его примерами нейтральных деепричастий, конструкции с которыми проявляют свойства как сочинения, так и подчинения [Kibrik, Testelests, 2004, с. 287]:

- (9) Бежтинский язык (тлядальский диалект)
- ōže* *ist'i-q-na* *goc'oq-na* Ø *eļ'e-rō*
 мальчик брат-LOC-ADD смотреть-CNV уйти-AOR
 'Мальчик посмотрел на брата и ушел.'
 'Мальчик посмотрел на брата, и тот (брат) ушел.'

Нейтральным во многих дагестанских языках оказался, согласно А.Е. Кибрику, и признак контроля рефлексивного местоимения. И агент, и пациенс может выражаться рефлексивом и быть его антецедентом:

(10) Хваршинский язык (инхокваринский диалект)

a. *už-a* *is:o* *ju-č* *šuk'-i*
 мальчик-ERG RFL себя.ABS-INS бить.AOR
 ‘Мальчик себя побил.’

b. *uže* *is:o* *is:-e-č* *šuk'-i*
 мальчик.ABS RFL себя-ERG-INS бить.AOR
 ‘Мальчик себя побил’, букв.: “Мальчика_i сам_i побил.”
 [Кибрик, 2003, с. 641] (впервые в: [Кибрик, 1980с, с. 42–43],
 подробнее см. [Khalilova, pp. 428–429])

Согласно данным А.Е. Кибрика, полученным на материале двадцати языков и диалектов Дагестана [Кибрик, 2003, ч. 6], функциональные признаки либо нейтральны, как в примерах (7–10), либо ориентированы на гиперроль актора – как, например, контроль рефлексивного местоимения в аварском языке, пример (11) из литературного языка, но в исследованном А.Е. Кибриком анцухском диалекте аналогично [Кибрик 2003, с. 456] (впервые в [Кибрик, 1981, с. 40]):

(11) a. *rasul-ic:a* ***žiwgo*** *sijah-alda* *q^w-ana*
 Расул-ERG себя.ABS список-LOC писать-AOR
 ‘Расул себя в список вписал.’

b. **rasul* ***žin-c:ago*** *sijah-alda* *q^w-ana*
 Расул.ABS сам-ERG список-LOC писать-AOR
 (ожидаемое значение то же)

Вывод о нейтральной или ролевой ориентации всех или большинства функциональных признаков аргументных ИГ в дагестанских языках впоследствии подтвердился [Лютикова, 1999; Кибрик, 1999, гл. 5–7, 9; Кибрик, 2001, разд. 5–6]. Выяснилось, кроме того, что и в языках западнокавказской семьи функциональные признаки обнаруживают те же свойства – нейтральность или, реже, ориентацию на гиперроли актора или абсолютива.

Так, лексический рефлексив *-qa* в абазинском языке, совпадающий с существительным ‘голова’, ориентирован на актора:

(12) a. *jara* *j-qa* *j-χ^wə-χ-d*
 он 3SG.M-голова (3SG.NH.ABS) 3SG.H.ERG-ранить-RE-DCL
 ‘Он сам себя (букв. «свою голову») поранил.’

b. *jara* *j-qa* *d-a-χ^wə-χ-d*
 он 3SG.M-голова 3SG.H.ABS-3SG.N.ERG-ранить-RE-DCL

Предложение (12b) допустимо только в аномальном значении ‘Его голова его поранила’, когда *-qa* выступает в качестве не рефлексивного местоимения, а знаменательного слова.

Все исследованные на сегодняшний день функциональные признаки именных групп в западнокавказских языках нейтральны или ориентированы на гиперроли актора или абсолютива. Например, в адыгейском языке на актора ориентировано образование императивных конструкций [Аркадьев и др., 2009, с. 80], употребление лексических и морфологических рефлексивов [Там же, с. 63–67], поведение матричных предикатов облигаторного контроля, требующих совпадения подлежащих в двух клаузах, типа *jevež'en* ‘начинать’ [Там же, с. 678] или конструкции «слабого переезда» [Там же, с. 694–695]. Другие функциональные признаки в западнокавказских языках противопоставляют абсолютивные ИГ аргументным ИГ в косвенном падеже, например, лично-числовое глагольное согласование [Алексеев, Климов, 1980, с. 29–32], морфологический реципрок [Аркадьев и др., 2009, с. 64] или формирование относительных конструкций [Там же, с. 72–73].

Справедливо ли предположение А.Е. Кибрика о том, что нейтральность или ролевая ориентация функциональных признаков является признаком ролевого типа, т.е. коррелирует с отсутствием пассива? Этот вопрос нуждается в специальном изучении на представительной выборке языков, но, по-видимому, наличие пассива не предполагает ориентации функциональных признаков на подлежащее. В русском языке агентивное дополнение в творительном падеже в пассивном залоге обладает функциональными признаками подлежащего в той же мере, что и пациенс-подлежащее, например, такое дополнение может быть антецедентом и аргументного, и посессивного рефлексива [Козинский, 1983, с. 14–16]:

- (13) *Этот дворец был построен султаном для себя и своей наложницы;*

контролировать субъект вложенного деепричастного оборота [Ицкович, 1982, с. 135–136]:

- (14) *Получив данные, будет выбран самый благоприятный момент для нанесения удара*

или целевого инфинитивного оборота с союзом *чтобы*:

- (15) *Нами было сделано всё возможное, чтобы избежать огласки.*

3. Залоги, конверсивы и структура глагольного словаря

Доказывая ролевой характер дагестанских языков, А.Е. Кибрик не привлекал в достаточной мере данные глагольного управления и ограниченно рассматривал материал конструкций, сходных с пассивом, и, к сожалению, эти аспекты проблемы за прошедшие десятилетия не привлекли к себе внимания исследователей.

Ролевой тип предполагает, что семантика глагола надежно предсказывает его управление. На первый взгляд кажется, что соотношение между ролями и способами их выражения в западно- и восточнокавказских языках действительно более последовательно, чем в языках «среднеевропейского стандарта» (принцип «одна роль – один падеж» в [Кибрик, 1992, с. 207]). Однако нельзя не обратить внимания на такие случаи, как переходные глаголы *lewʷən* ‘видеть’ и *ʃən* ‘знать’ в адыгейском языке с ролями экспериенцера и стимула (другие глаголы аналогичной семантики попадают в класс непереходных или инверсивных [Аркадьев и др., 2009, с. 68]) или переходные глаголы *wes:ize* ‘хвалить’, *ħex:eze* ‘выдерживать, выносить’ в аварском, или *kʷeja* ‘искать’ и *goʷa* ‘звать’ в хваршинском языке. Какое количество употребительных слов такого рода требуется, чтобы опровергнуть принадлежность языка к ролевым? До сих пор, насколько нам известно, не было даже попытки поставить вопрос о количественном сравнении соотношения ролевой семантики и средств оформления аргументов.

Отсутствие пассива в западнокавказских языках было отмечено не позже [Ломтатидзе, 1956], и в [Алексеев, Климов, 1980] этот признак оценивается как одна из основных характеристик «эргативного строя» языков обеих семей. Тем не менее в некоторых языках северного Кавказа обнаруживаются конструкции, напоминающие пассив, и сам этот факт представляет вызов для идеи ролевых языков, потому что даже одна-единственная маргинальная пассивная конструкция требует грамматической модели, допускающей разные соответствия между ролями и морфологическими формами.

В.С. Храковский, недолгое время занимавшийся бацбийским языком, отметил в нем пассивную конструкцию:

(16) Бацбийский

a. <i>stʰakʰ-ov</i>	<i>ujstχ</i>	<i>larkʰ-ī</i>
человек-ERG	овца.ABS	стричь-PST
‘Человек постриг овцу.’		
b. <i>ujstχ</i>	<i>daħ</i>	<i>larkʰ-bal-ī</i>
овца.ABS	туда	стричь-PASS-PST
‘Овца пострижена.’ [Храковский, 1974, с. 23]		

В работе [Holisky, Gagua, 1994] сообщается, однако, что пассива в бацбийском языке нет, а используемый в (16b) суффикс превращает глагол в непереходный и устраняет агентивное значение – субъект совершает действие невольно и ненамеренно.

В дагестанских языках переходные глаголы образуют аналитическую конструкцию со вспомогательным глаголом, означающим ‘уйти’,

которая, возможно, проявляет свойства маргинального пассива (впервые на материале аварского языка в [Магомедова, 2006]).

(17) Аварский язык:

<i>di-q:a</i> (/* <i>di-c:a</i>)	<i>ʒeč</i>	<i>kʷana-n</i>	<i>ana</i>
я-LOC(я-ERG)	яблоко.ABS	есть-CVB	уйти.AOR

‘Я нечаянно съел яблоко; Так получилось, что я съел яблоко.’

Судя по семантике и форме субъекта в постр-эссивном локативе, но не эргативе, здесь также имеет место деривация с устранением агентивной семантики, однако неясно, сохраняется ли значение ненамеренности при отсутствии субъекта, и данное явление заслуживают специального исследования.

В адыгейском языке есть конструкции, синтаксически подобные пассиву – потенциалис и инадвертитив. При этом агенс-подлежащее при переходном глаголе получает статус непрямого объекта, а пациенс-прямое дополнение – подлежащего. Однако и в этом случае происходит изменение значения с устранением агентивной семантики [Letuchiy, 2012].

В северокавказских языках есть антипассивные конструкции, которые, на первый взгляд, меняют соотношение между ролями и формами их выражения: агенс-подлежащее переходного глагола в эргативе получает форму абсолютива, а пациенс-прямое дополнение оформляется косвенным падежом. А.Е. Кибрик усматривал в антипассиве изменение ролевой семантики: «в дагестанских языках это процесс, ориентированный семантически... действие мыслится как постоянный признак данного Агенса (и поэтому соответствует гиперроли абсолютива. – Я.Т.), Пациенс обозначает некоторый класс объектов, а не индивидуализированный объект (и поэтому гиперроли абсолютива не соответствует. – Я.Т.)» [Кибрик, 1992, с. 209]. В данном случае проявляется недостаток понятия гиперроли абсолютива: широкая и расплывчатая семантическая характеристика, под которую можно подвести слишком многое.

Принцип однозначного соответствия ролей и средств их выражения предсказывает, что в ролевых языках не должно быть лексических конверсивов, или «пар слов с обращенными ролевыми структурами» [Апресян, 1974, с. 260]. По-видимому, ряд русских конверсивных пар в кавказских языках в самом деле не находит соответствия: *сниться* vs. *видеть во сне*; *иметь* vs. *принадлежать*; *знать* vs. *быть известным*; *занимать* vs. *одалживать* и др., однако есть конверсивные пары типа арчинского *š:ubus* ‘покупать’ vs. *ołas* ‘продавать’, бежтинского *jizal* ‘выигрывать’ vs. *jüwāl* ‘проигрывать’ и др.

Аналогичным образом в ролевых языках не должно быть конверсивных пар глагольно-именных коллокаций с полувспомогательными («легкими») глаголами и именами ситуаций типа *оказывать влияние* vs. *испытывать влияние*, *совершать нападение* vs. *подвергаться нападению* (соотношение Op_{eg_1} и Op_{eg_2} на языке лексических функций, см. [Апресян, 2004]). По-видимому, в кавказских языках таких пар меньше, чем в русском, однако они обнаруживаются, например, в аварском языке: *dandēč:’ej habize* ‘оказать (букв. «сделать») сопротивление’ vs. *dandēč:’ej bix:ize* ‘встретить (букв. «увидеть») сопротивление’; *lazarat š:’eze* ‘получить удовольствие’ vs. *lazarat k:ezabize* ‘доставить удовольствие’; *tamiḥ habize* ‘наказать’ («наказание сделать») vs. *tamiḥalde vorḥ:’e k:eze* ‘подвергнуться наказанию’, букв. «попасть под наказание».

Ясно, что без специального исследования на материале хотя бы одного языка вопрос о влиянии ролевой семантики на глагольный словарь остается нерешенным.

Заключение

Итак, отсутствие или маргинальность пассива – единственный признак ролевой ориентации, который проявляется в северокавказских языках более или менее последовательно. Ролевая или нейтральная ориентация функциональных признаков грамматического приоритета, по-видимому, не связана с ролевым типом. Способы выражения основных аргументов глагола в северокавказских языках не всегда ориентированы на роли, и встречаются конструкции с конверсивами, хотя ролевой тип предполагает, что таких парадигматических пар быть не должно.

Идея ролевых языков естественно возникла под влиянием теоретических поисков 1960–1970-х гг. и в итоге оказалась полезной и стимулирующей для описания ранее неизвестных фактов. Для решения проблемы грамматических асимметрий и приоритетов в языках северного Кавказа эта идея в первоначальном виде не очень перспективна и требует как минимум пересмотра и проверки.

Библиографический список / References

Апресян, 1967 – Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. [Apresyan Yu.D. Eksperimentalnoe issledovanie semantiki russkogo glagola [Experimental study of the semantics of the Russian verb]. Moscow, 1974.]

Апресян, 1974 – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974. [Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika [Lexical Semantics]. Moscow, 1974.]

Апресян, 2004 – Апресян Ю.Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 3–18. [Apresyan Yu.D. On the semantic non-emptiness and motivation of the verbal lexical functions. *Voprosy yazykoznaniya*. 2004. No. 4. Pp. 3–18. (In Rus.)]

Аркадьев и др., 2009 – Аркадьев П.М. Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Под ред. П.М. Аркадьева и др. М., 2009. [Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka [Aspects of polysynthesis: Essays in the grammar of Adyghe]. Arkadiev P.M. et al. (eds.). Moscow, 2009.]

Арутюнова, 1972 – Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1972. С. 259–385. [Arutyunova N.D. Syntax. *Obshchee yazykoznanie. Vnutrennyaya struktura yazyka*. B.A. Serebrennikov (ed.). Moscow, 1972. Pp. 259–385. (In Rus.)]

Ицкович, 1982 – Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982. [Itskovich V.A. Ocherki sintaksicheskoi normy [Essays in the Syntactic Norm]. Moscow, 1982.]

Климов, Алексеев, 1980 – Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980. [Klimov G.A., Alekseev M.E. Tipologiya kavkazskikh yazykov [Typology of the Caucasian languages]. Moscow, 1980.]

Кибрик, 1977a – Кибрик А.Е. Введение // Опыт структурного описания арчинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов С.Д. Т. 1. М., 1977. С. 5–40. [Kibrik A.E. Introduction. *Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka*. T. 1. Moscow, 1977. Pp. 5–40. (In Rus.)]

Кибрик, 1977b – Кибрик А.Е. Динамическая грамматика // Опыт структурного описания арчинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов С.Д. Т. 3. М., 1977. [Kibrik A.E. A dynamic grammar. *Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka*. T. 3. Moscow, 1977. (In Rus.)]

Кибрик, 1979a – Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С. 309–317. [Kibrik A.E. Subject and the problem of the universal model of language. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1979. Vol. 38. No. 4. Pp. 309–317. (In Rus.)]

Кибрик, 1979b – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 2. Лакский язык. 3. Чирагский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 127. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for the typology of ergativity. 2. Lak. 3. Chirag. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 127. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1980a – Кибрик А.Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 132. М., 1980. [Kibrik A.E. Relationship between form and meaning in the grammatical description. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 132. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1980b – Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. № 4. С. 324–335. [Kibrik A.E. Predicate-argument relationships in the semantically ergative languages. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1980. Vol. 39. No. 4. Pp. 324–335. (In Rus.)]

Кибрик, 1980с – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 9. Чамалинский язык. 10. Тиндинский язык. 11. Ахвахский язык. 12. Хваршинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 130. М., 1980. [Kibrik A.E. Materials for the typology of ergativity. 9. Chamalal. 10. Tindi. 11. Akhvakh. 12. Khwarshi. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 130. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1981 – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 17. Хиналугский язык. 18. Будухский язык. 19. Крызский язык. 20. Аварский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 141. М., 1981. [Kibrik A.E. Materials for the typology of ergativity. 17. Khinalug. 18. Budukh. 19. Kryz. 20. Avar. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 141. Moscow, 1981. (In Rus.)]

Кибрик, 1992 – Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. [Kibrik A.E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya [Essays in general and applied linguistics]. Moscow, 1992.]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. [Kibrik A.E. Konstanty i peremennye yazyka [Constants and variables in language]. St. Petersburg, 2003.]

Кибрик, 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 1999. [Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of Tsakhur in the typological perspective]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 1999.]

Кибрик, 2001 – Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2001. [Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei [Bagvalal. Grammar. Texts. Dictionaries]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2001.]

Климов, Алексеев, 1980 – Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980. [Klimov G.A., Alekseev M.E. Tipologiya kavkazskikh yazykov [Typology of the Caucasian languages]. Moscow, 1980.]

Козинский, 1983 – Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983. [Kozinskii I.Sh. On the category of subject in Russian. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 156. Moscow, 1983. (In Rus.)]

Ломтатидзе, 1956 – Ломтатидзе К.В. К вопросу о категории залога в абхазском языке // Иберийско-кавказское языкознание. 1956. Вып. VIII. С. 212–214. [Lomtadidze K.V. On the category of voice in Abkhaz. *Iberiisko-kavkazskoe yazykoznanie*. 1956. Vol. VIII. Pp. 212–214. (In Rus.)]

Лютикова, 1999 – Лютикова Е.А. Без подлежащих и дополнений: рефлексивизация в багвалинском языке // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. Е.В. Рахилиной, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 302–318. [Lyutikova E.A. Without subjects and objects: Reflexivization in Bagvalal. *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k obasneniyu. k 60-letiyu Aleksandra Evgenievicha Kibrika*. E.V. Rakhilina, Ya.G. Testelet (eds.). Moscow, 1999. Pp. 302–318. (In Rus.)]

Магомедова, 2006 – Магомедова П.А. Семантика и синтаксис аварского глагола. Опыт семантической интерпретации синтаксиса: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. [Magomedova P.A. Semantika i sintaksis avarskogo glagola. Opyt semanticheskoi interpretatsii sintaksisa [Semantics and syntax of the Avar verb: An essay in the semantic interpretation of syntax]. Dr. diss. Moscow, 2006.]

Падучева, 1974 – Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974. [Paducheva E.V. O semantike sintaksisa [On the semantics of syntax]. Moscow, 1974.]

Услар, 1889 – Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. [Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. III. Avarskii yazyk [Ethnography of the Caucasus. Linguistics. III. The Avar language]. Tiflis, 1889.]

Храковский, 1974 – Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог / Под ред. А.А. Холодовича. Л. 1974. С. 5–45. [Khrakovskii V.S. Passive constructions. *Tipologiya passivnykh konstrukttsii. Diatezy i zalogi*. A.A. Kholodovich (ed.). Leningrad, 1974. Pp. 5–45. (In Rus.)]

Anderson, 1976 – Anderson S.R. On the notion of subject in ergative languages. *Subject and Topic*. Ch. Li (ed.). N.-Y., 1976. Pp. 1–23.

Chomsky, 1999 – Chomsky N. Derivation by phase. *MIT Occasional Papers in Linguistics*. 1999. Vol. 18.

Dixon, 1972 – Dixon R.M.W. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge, 1972.

Dixon, 1994 – Dixon R.M.W. Ergativity. Cambridge, 1994.

Heath, 1977 – Heath J. Choktav Cases. *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, 1977. Pp. 204–213.

Holisky, Gagua, 1994 – Holisky D.A., Gagua R. Tsova-Tush (Batsbi). *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 4. R. Smeets (ed.). Ann Arbor, 1994. Pp. 147–212.

Kazenin, 1994 – Kazenin K. Split syntactic ergativity: Toward an implicational hierarchy. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1994. No. 47. Pp. 78–98.

Katz, Postal, 1964 – Katz J., Postal P. An Integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, MA, 1964.

Keenan, 1976 – Keenan E.L. Toward a universal definition of “subject”. *Subject and Topic*. Ch. Li (ed.). N.-Y., 1976. Pp. 303–333.

Kibrik, Testelet, 2004 – Kibrik A.E., Testelet Ya.G. Bezhta. *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 3. *The North East Caucasian Languages*. Part 1. M. Job (ed.). Ann Arbor, 2004. Pp. 213–295.

Khalilova, 2009 – Khalilova Z. A grammar of Khwarshi. PhD diss. Leiden University. 2009.

Letuchiy, 2012 – Letuchiy A.B. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. *Ergativity, Valency and Voice*. G. Authier, K. Haude (eds.). Berlin; N.-Y., 2012. Pp. 323–354.

Plank, 1979 – Plank F. Ergativity, syntactic typology and universal grammar: Some past and present viewpoints. *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. F. Plank (ed.). L., 1979. Pp. 3–36.

Van Valin, 1993 – Van Valin R.D. A synopsis of role and reference grammar. *Advances in role and reference grammar*. R.D.Jr. Van Valin (ed.). Amsterdam, 1993. Pp. 1–164.

Van Valin, 2003 – Van Valin R.D. Exploring the Syntax-Semantics Interface. Cambridge, 2003.

Van Valin, Foley, 1980 – Van Valin R.D., Foley W.A. Role and reference grammar. *Syntax and Semantics*. Vol. 13. E. Moravcsik (ed.). N.Y., 1980. Pp. 329–352. [Рус. пер.: Р. Ван Валин, У. Фоли. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. А.Е. Кибрика. Вып. XI. М., 1982. С. 376–410.]

Van Valin, Foley, 1984 – Van Valin R.D., Foley W.A. Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе / About the author

Тестелец Яков Георгиевич – доктор филологических наук; профессор Учебно-научного Центра лингвистической типологии, Российский государственный гуманитарный университет; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Yakov G. Testeleets – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Center for Linguistic Typology, Russian State University for the Humanities, Moscow; Leading Researcher at the Department for the Caucasian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1431-4727>

E-mail: testeleets@gmail.com

Е.А. Лютикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Типология эргативности и грамматические асимметрии в дагестанских языках

В статье предлагается параметрический анализ грамматических асимметрий в дагестанских языках. Для этой языковой семьи характерно сочетание эргативного морфосинтаксиса и разнонаправленных тенденций в грамматических асимметриях, фиксируемых различными признаками грамматического приоритета. В статье показано, что несогласованность грамматических асимметрий получает объяснение в рамках предположения, что основными параметрами, предопределяющими применимость грамматических операций к аргументным именным группам, являются структурные характеристики падежных форм и отношения с-командования между аргументами.

Ключевые слова: эргативность, грамматические асимметрии, лингвистическая типология, дагестанские языки

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект». Автор пользуется возможностью, чтобы поблагодарить Я. Г. Тестельца, М. Э. Чумакину, Т. А. Майсака, М. А. Даниэля и М.С. Полинскую за обсуждение отдельных аспектов этой работы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лютикова Е.А. Типология эргативности и грамматические асимметрии в дагестанских языках // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 84–101. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-84-101

E.A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Typology of ergativity and grammatical asymmetries in Daghestanian

The paper proposes a parametric analysis of grammatical asymmetries in Daghestanian languages. In this linguistic family, morphological ergativity is accompanied by non-consistent grammatical asymmetries exhibited by various syntactic operations. I demonstrate that this inconsistency can be accounted for under assumption that the internal structure of case-marked argumental nominals and hierarchical c-command relations are the two major parameters determining the applicability of grammatical operations.

Key words: ergativity, grammatical asymmetries, linguistic typology, Daghestanian languages

Acknowledgments. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow State University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”.

The author takes this opportunity to thank Yakov Testeleets, Marina Chumakina, Timur Maisak, Michail Daniel and Maria Polinsky for discussing certain aspects of this paper.

FOR CITATION: Lyutikova E.A. Typology of ergativity and grammatical asymmetries in Daghestanian. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 84–101. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-84-101

1. Введение

Эргативность представляет собой один из наиболее проблемных и дискутируемых феноменов в области грамматической структуры предложения и падежной теории. Ранние подходы к эргативности, предполагавшие единообразный анализ эргативных языков, по мере накопления эмпирических данных и развития лингвистической теории сменились параметрической перспективой, позволяющей ассоциировать

различные свойства разных типов эргативных языков со специфическими комбинациями единого набора параметров [Bittner, Hale, 1996; Manning, 1996; Kibrik, 1997; Legate, 2008; Aldridge, 2008; Coon et al., 2013; Baker, 2015; Polinsky, 2016b; Coon et al., 2019].

В этой статье будет предпринята попытка параметрического анализа грамматических асимметрий в дагестанских языках. Я предполагаю показать, что регулярно отмечаемые для дагестанских языков внутриязыковые и межъязыковые несоответствия различных диагностик грамматического приоритета могут получать объяснение в рамках параметрической модели, использующей в качестве факторов структурную сложность падежных форм и структурный приоритет аргументов. В то время как отношения с-командования между аргументами, выявляемые на материале дагестанских языков, достаточно стабильны, структурная репрезентация падежных форм, в первую очередь – неканонических подлежащих, является параметром межъязыкового и внутриязыкового варьирования. Диагностики грамматического приоритета, используемые для выявления грамматических асимметрий, в различных дагестанских языках могут быть ориентированы на различные свойства аргументов, что создает дополнительный уровень варьирования.

Изложение организовано следующим образом. В разд. 2 обуждаются предшествующие результаты, полученные в исследованиях синтаксических характеристик дагестанских языков, в первую очередь – в серии публикаций «Материалы к типологии эргативности» [Кибрик, 1979a, b, c; Кибрик, 1980a, b; Кибрик, 1981a, b]. Мы обобщим требования, предъявляемые различными синтаксическими преобразованиями к возможным мишеням, в виде абсолютных, относительных и комбинированных правил, описывающих грамматически релевантные признаки аргументов. В разд. 3 грамматически релевантные характеристики аргументов получают структурную репрезентацию. Наконец, в разд. 4 будет продемонстрировано применение предложенной модели к анализу одного из грамматических феноменов, демонстрирующих существенное варьирование на материале дагестанских языков.

2. Материалы к типологии эргативности А.Е. Кибрика

В многочисленных работах А.Е. Кибрика, посвященных дагестанским языкам [Кибрик и др., 1977; Кибрик, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1999, 2000, 2001, 2007; Kibrik, 1979, 1987, 1991, 1996, 1997], ставится задача типологизации морфосинтаксических характеристик эргативных языков Дагестана как во внутригенетическом аспекте (выявляющих параметры, задающие синтаксическую таксономию дагестанских

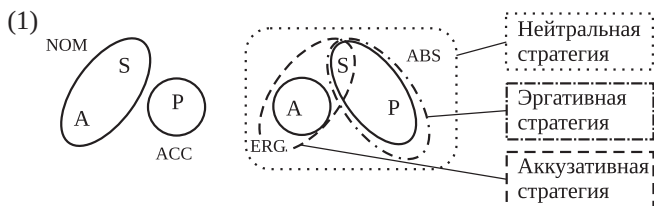
языков), так и в широком типологическом контексте (выявляется специфика эргативных языков Дагестана в сопоставлении с другими языками, обладающими эргативным морфосинтаксисом). Продолжая это направление исследований, ниже я предполагаю рассмотреть регулярно обнаруживаемые на материале дагестанских языков грамматические асимметрии (см., помимо работ А.Е. Кибрика, также [Тестелец, 2016; Forker, 2019]) и выявить стоящие за ними структурные корреляты.

В целом синтаксис дагестанских языков может быть охарактеризован как нейтральный. Нейтральность выражается, во-первых, в том, что многие синтаксические процессы оказываются равно доступны для любых именных групп клаузы либо равно недоступны для них. Во-вторых, свидетельством нейтральности можно считать разнонаправленные тенденции, проявляющиеся в различных диагностиках грамматического приоритета.

К числу процессов, не выявляющих грамматического приоритета одного или нескольких ядерных аргументов, в дагестанских языках обычно относятся сочинительное сокращение, различные виды А'-феноменов (релятивизация, образование частного вопроса, фокусирование), контроль посессивных рефлексивов и составных актантных рефлексивов, лицензирование нулевой анафоры в сентенциальных актантах.

Тем не менее, целый ряд синтаксических преобразований может применяться только к части именных групп клаузы, создавая тем самым основу для выявления грамматических асимметрий. Обнаруживается, что такие диагностики демонстрируют разнонаправленные тенденции. С одной стороны, феномены, ориентированные на морфологическую маркированность аргументов, – классно-числовое согласование, согласование по категории косвенности, способность к расщеплению (в некоторых языках) – демонстрируют эргативную стратегию: pivotом соответствующих процессов является абсолютивная именная группа. С другой стороны, феномены, связанные с ролевой иерархией, – контроль PRO в конструкциях с предикатами, требующими семантического и структурного контроля, выбор адресата императива, контроль простых актантных рефлексивов, семантическое связывание в составных рефлексивах¹ – ориентированы на наиболее агентивный участник и тем самым реализуют аккузативную стратегию. К этим феноменам примыкают также явления, связанные с модифицированным управлением и затрагивающие обычно только эргативный аргумент или группу неканонических подлежащих, объединенную с эргативом: образование биноминативной конструкции и синтетическая каузативизация.

¹ Данные Н.Р. Сумбатовой по даргинскому языку из работы [Сумбатова, 2020].

В (1) схематически представлены классы маркирования аргументов в морфологически аккузативных и эргативных языках по [Кибрик, 1992] (сплошная линия), а также синтаксические стратегии, засвидетельствованные в эргативных языках Дагестана (пунктирные линии). Легко видеть, что синтаксические феномены не выделяют определенный аргумент или пул аргументов как обладающий грамматическим приоритетом над прочими аргументами.

Еще одно важное эмпирическое обобщение касается специфики отдельных ролевых классов глаголов на фоне ядерной эргативной модели. Выделяется два класса двухместных глаголов, отклоняющихся от переходного образца. Во-первых, это двухместные экспериенциальные глаголы (напр., *видеть* <кто: DAT/AFF; кого/что: ABS>) и прочие глаголы с неканоническим подлежащим (посессором, ненамеренным агенсом, локативным экспериенцером потенциальных глаголов и др.). Для них характерно как особое кодирование, так и специфический синтаксис: неканоническое подлежащее формально и функционально отличается от канонического (эргативного). В частности, для феноменов, тяготеющих к аккузативной стратегии, часто представлена нейтральная стратегия (оба аргумента участвуют или оба аргумента не участвуют в грамматическом преобразовании).

Во-вторых, отдельного рассмотрения заслуживает класс непереходных двухместных глаголов с косвеннопадежным аргументом. Первый аргумент кодируется абсолютивом, второй получает неприоритетное (обычно локативное или локативно-двигательное) кодирование (напр., *смотреть* <кто: ABS; на кого/что: LOC + LAT>). С синтаксической точки зрения первый аргумент ведет себя как непереходное подлежащее, а второй – синтаксически неактивен; он может также исключаться из числа мишеней синтаксических правил при нейтральной стратегии.

Таким образом, мы видим, что разные синтаксические феномены, используемые как диагностики грамматического приоритета аргументов, дают разные результаты. Кроме того, обнаруживается и межъязыковое варьирование: одна и та же диагностика может поддерживать, например, аккузативную модель в одном языке и нейтральную – в другом. В такой ситуации очевидно, что использование грамматических

феноменов методом «черного ящика» – фиксируем пивот некоторого правила и объявляем его грамматически приоритетным – не проясняет, а затемняет суть дела.

Потенциальное решение видится мне в том, чтобы выявить засвидетельствованные механизмы грамматических операций и понять, какого рода приоритетность они выявляют. Можно надеяться, что этот путь позволит объяснить неконсистентность различных диагностик.

Очевидно, что рассматриваемые грамматические правила могут предъявлять разные виды требований к своим мишеням. Ограничения на именную группу – допустимую мишень могут формулироваться как в абсолютных терминах (например, абсолютивная именная группа, независимо от наличия других именных групп в клаузе, контролирует классно-числовое согласование предиката во всех дагестанских языках), так и в относительных, иерархических терминах (например, наиболее приоритетная в ролевом отношении именная группа данной клаузы является предпочтительным контролером рефлексивизации в багвалинском языке). Возможны также комбинированные ограничения, когда иерархически ориентированные правила применяются лишь к подмножеству именных групп, удовлетворяющих некоторому абсолютному требованию (например, контролер личного согласования в даргинских диалектах выбирается из множества ядерных аргументов на основании личной либо тематической/структурной иерархии).

Важный вопрос, возникающий при анализе ограничений на применение правил, состоит в том, какие именно свойства аргументов могут быть задействованы в абсолютных и иерархических требованиях и оказываются релевантны для применимости грамматических операций. Рассмотрим различные типы операций, на которых могут основываться признаки грамматического приоритета (о выделении признаков см. [Тестелец, 2001, 2003]).

Операции со структурой (наращение, эксфолиация, коэрсия) могут быть чувствительны к структурному приоритету аргумента в том случае, если он располагается в удаляемой или заменяемой структуре. В свою очередь, на неполное проецирование структуры могут влиять ролевые характеристики аргумента: например, если имеет место ролевой конфликт аргумента с наращиваемой структурой. Характерным примером такого рода конфликта является каузативизация канонических переходных глаголов, проецирующих собственный эргативный агенс. В подавляющем большинстве дагестанских языков в подобной конфигурации необходима коэрсия структуры переходного глагола, меняющая ролевой статус и падежное оформление каузируемого.

Для операций, моделируемых как взаимодействие зонда и цели, могут быть важны падежные характеристики аргумента (если селективные ограничения зонда являются падежно-дискриминирующими, см. [Bobaljik, 2008]), а также структурный приоритет аргумента, если происходит выбор мишени из нескольких потенциальных целей. Например, на выбор аргумента, получающего приименное кодирование в номинализациях, часто влияют как падежное маркирование, так и структурный приоритет: во многих дагестанских языках выбирается самый высокий аргумент в структурной иерархии, принадлежащий к множеству именных групп в структурных падежах.

Наконец, операции лицензирования предъявляют идиосинкратические требования к внешнему контексту, которые определяются классом лицензируемой сущности. Для признаков грамматического приоритета релевантны ограничения на ролевые и падежные характеристики аргумента (например, при лицензировании PRO) и требования, связанные со структурным приоритетом антецедента при анафоре.

Итак, в зависимости от характеристик конкретной синтаксической операции в конкретном языке, за признаками грамматического приоритета могут стоять ролевые характеристики аргумента, падежные характеристики аргумента и структурный приоритет аргумента. Эти характеристики не независимы друг от друга: например, из гипотезы об универсальном отображении аргументов (Uniformity of Theta Assignment Hypothesis, [Baker, 1997]) следует, что семантические роли аргументов предопределяют отношения структурного приоритета между аргументами. Падежные характеристики аргументов в дагестанских языках также в большинстве случаев коррелируют с их ролевым (или гиперролевым) статусом. Тем не менее, в общем случае одно-однозначное соответствие между указанными параметрами отсутствует.

Я полагаю, что ролевые характеристики именной группы неспецифичны для грамматического приоритета, а иерархические отношения между ролями представляют собой эпифеномен отображения аргументов с определенными семантическими ролями в определенные структурные позиции. Таким образом, ролевые ограничения могут моделироваться как абсолютные требования и не должны рассматриваться в перспективе диагностик грамматического приоритета. Поэтому я сосредоточусь на двух оставшихся характеристиках аргументов – падеже и структурном приоритете. Задача формулируется следующим образом: необходимо предложить синтаксическую репрезентацию падежных характеристик аргументов и структуру клаузы, обеспечивающую отношения структурного приоритета между аргументами, адекватные известным ограничениям на грамматические операции в дагестанских языках.

3. Структурные корреляты грамматических асимметрий в дагестанских языках

Начнем с установления отношений структурного приоритета между аргументами. Существует значительное число языковых феноменов, позволяющих выявить иерархию с-командования именных групп в конкретной клаузе. Следует иметь в виду, однако, что на отношения с-командования, связанные с иерархией глагольных оболочек и клаузальных функциональных проекций, могут накладываться дополнительные коррективы, связанные с внутренней структурой аргументов. Так, например, если в аргументной позиции находится предложная/послеложная группа, то наличие проекции предлога/послелого может нарушать способность вложенной именной группы с-командовать расположенными ниже аргументами. Принимая во внимание эти соображения, для дагестанских языков в качестве диагностик с-командования можно использовать следующие типы явлений:

i) падежно-независимые феномены (связывание простого рефлексива, семантическое связывание местоимения квантором, условие С теории связывания);

ii) эффекты превосходства и интервенции среди падежно-зависимых феноменов (например, именное маркирование аргументов номинализации в случае иерархических ограничений, личное согласование, ориентированное на структурные отношения между ядерными аргументами);

iii) феномены, вызывающие неполное проецирование структуры (биноминативная конструкция в лакском [Gagliardi et al., 2014], синтетическая каузативная конструкция, номинализации малой структуры).

В результате для основных типов клауз устанавливаются следующие отношения асимметричного с-командования между аргументами. В непереходной клаузе абсолютное подлежащее с-командует косвеннопадежным дополнением (2a). В канонических переходных клаузах эргативное подлежащее с-командует абсолютным дополнением (2b). В клаузах с неканоническим косвеннопадежным подлежащим также устанавливается его структурный приоритет над абсолютным дополнением (2c). Битранзитивные клаузы, по-видимому, допускают два варианта структурного ранжирования аргументов: аппликативный датив с-командует абсолютным, а абсолютив, в свою очередь, с-командует косвеннопадежным дополнением (2d).

(2) а. Непереходные клаузы:

б. Переходные клаузы:

с. Клаузы с неканоническим подлежащим:

д. Битранзитивные клаузы:

ABS > OBL

ERG > ABS

DAT / AFF / OBL > ABS

ERG > DAT > ABS

ERG > ABS > OBL

Второй составляющей анализа является структурная репрезентация падежных словоформ. В ряде предшествующих работ [Lyutikova, 2015; Тестелец, 2016; Лютикова, 2017, 2020] была обоснована трехчленная оппозиция именных групп в дагестанских языках на основании классификации падежей (абсолютива, реляционных падежей и семантических (локативных) падежей) и представлена аргументация в пользу структурной репрезентации падежных оппозиций как основывающихся на двух противопоставлениях: категориальных и признаковых. Абсолютиву соответствует беспадёжная именная группа, лицензируемая предикатом; грамматические падежи – это именные группы, управляемые и лицензируемые функциональной вершиной; и, наконец, семантические падежи – это послеложные группы, управляемые возможно нулевым послелогом.

Кроме того, падежные формы ряда грамматических падежей обладают структурной омонимией между управляемой DP и PP. Так, например, эргатив в грамматических употреблениях является именной группой, а в семантических употреблениях (временной, причинный, инструментальный эргатив) – послеложной группой. Аналогично экспериенциальный датив может иметь статус DP, однако бенефактивный, целевой или инструментальный датив – статус PP.

Таким образом, структурная репрезентация аргумента зависит не только от его падежной формы, но и от его синтаксической функции (то есть структурной позиции). Основные классы аргументов представлены в (3).

Абсолютивы являются беспадёжными именными группами, которые лицензируются предикатом и получают от него семантическую роль. Канонические (эргативные агентивные) подлежащие – это именные группы, имеющие структурный падеж. Они получают падеж и семантическую роль от проецирующей их вершины – переходного легкого глагола. Неканонические синтаксически активные подлежащие (например, дативные экспериенциальные подлежащие в хваршинском и багвалинском) имеют сходную репрезентацию; отличие состоит в том, что они связаны с другим, экспериенциальным легким глаголом. Напротив, неканонические синтаксически неактивные подлежащие (например, посессивный ненамеренный агент в хваршинском, аффективный экспериенцер в багвалинском) представляют собой послеложные группы с нулевым послелогом. Послелог приписывает своему комплементу – именной группе – ингерентный падеж, но является тематически пустым, вследствие чего аргумент получает семантическую роль от легкого глагола, проецирующего соответствующую PP. Аналогичным образом устроены косвеннопадежные дополнения. Наконец, адъюнкты

в семантических падежах также представляют собой послеложные группы, однако возглавляются тематически полноценным послелогом, вследствие чего тематически независимы от клаузуальной структуры.

(3) а. ABS подлежащее/дополнение:

DP; беспадаящая; лицензируется и получает семантическую роль от предиката ([+V])

б. ERG подлежащее:

DP_[case:ERG]; получает структурный падеж и семантическую роль от v_{TR}

с. DAT подлежащее:

DP_[case:DAT]; получает структурный падеж и семантическую роль от v_{EXP}

д. OBL подлежащее:

[_{pp} DP_[case:OBL] Ø_p]; получает ингерентный падеж от Ø_p, семантическую роль от v_{NON-VOL} / v_{EXP}

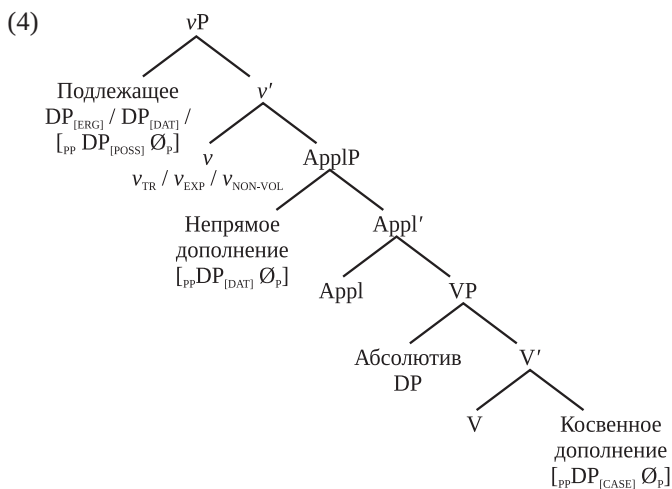
е. OBL дополнение:

[_{pp} DP_[case:VAL] Ø_p]; получает ингерентный падеж от Ø_p, семантическую роль от V/Appl

ф. OBL адъюнкт:

[_{pp} DP_[case:VAL] Ø_p]; получает ингерентный падеж и семантическую роль от Ø_p

Комбинация структурно-позиционных и категориальных характеристик аргументных именных групп показана в (4).

Мы видим, что специфика грамматических асимметрий дагестанских языков состоит в том, что структурный приоритет в ряде случаев приходит в конфликт с категориальной простотой аргумента. Так, в канонической переходной клаузе падежно-маркированная именная группа с-командует беспадежной, а в клаузе с неканоническим подлежащим – РР-аргумент с-командует ДР-аргументом. В системе такого рода для операций, чувствительных к разным характеристикам аргумента, мы ожидаем разнонаправленных грамматических асимметрий.

4. Case study: приименное кодирование аргументов номинализации

В качестве иллюстрации предлагаемой типологии рассмотрим ограничения на приименное кодирование аргументов при номинализации в ряде дагестанских языков. Я покажу, что конкретные стратегии представимы в общем случае в виде комбинаций абсолютных и иерархических ограничений, создаваемых, соответственно, структурной репрезентацией падежной формы и иерархией с-командования.

В цахурском языке регулярная номинализация образуется от любых глаголов. Приименное кодирование – атрибутивную форму – может получать любой аргумент номинализации, но при этом только один [Кибрик, 1999; Гращенков, Лютикова, 2008].

- (5) a. $z\dot{i}$ mat-ēxe wo-r jed-ē / jed-i-ni
я удивлен-1.LV COP-1 [мать-ERG / мать-OBL-AOBL
čož doXtur-u-k'le hag_o-ī-le.
брат.ABS врач-OBL-AFF показывать]-NML-SUP
- b. $z\dot{i}$ mat-ēxe wo-r jed-ē
я удивлен-1.LV COP-1 [мать-ERG
čož / čož-u-ni doXtur-u-k'le hag_o-ī-le.
брат.ABS / брат-OBL-AOBL врач-OBL-AFF показывать]-NML-SUP
- c. $z\dot{i}$ mat-ēxe wo-r jed-ē
я удивлен-1.LV COP-1 [мать-ERG
čož doXtur-u-k'le / doXtur-u-ni hag_o-ī-le.
брат.ABS врач-OBL-AFF/ врач-OBL-AOBL показывать]-NML-SUP
(a=b=c) 'Я удивлен, что мать показала брата врачу.'
- d. * $z\dot{i}$ mat-ēxe wo-r jed-i-ni
я удивлен-1.LV COP-1 [мать-OBL-AOBL
čož-u-ni doXtur-u-k'le hag_o-ī-le.
брат-OBL-AOBL врач-OBL-AFF показывать]-NML-SUP

В хваршинском языке наблюдаются ограничения на категорию аргумента, получающего генитивное кодирование: любые DP-аргументы (абсолютивное подлежащее и дополнение, эргативное и дативное подлежащее), но не PP-аргументы (посессивное подлежащее, дативное дополнение) могут быть перекодированы генитивом. Ограничений на число генитивных аргументов не фиксируется, эффекты интервенции не возникают [Лютикова, 2020].

- (6) a. di-l goqqa obu-t'i / obu-t'e-s
 я.OBL-DAT нравиться.AOR отец-OBL.ERG / отец-OBL-GEN
 vaj / vaj-i-s b-u-nu.
 дом.ABS / дом-OBL-GEN III-делать-NML
 'Мне понравилось строительство дома отцом.'

- b. di-l goqqa rasul-qo / *rasul-e-s
 я.OBL-DAT нравиться.AOR Расул-POSS / Расул-OBL-GEN
 vĩ / vĩa-s j-uč'e-l-nu.
 молоко.ABS / молоко-GEN V-лить-POT-NML
 'Мне понравилось, что Расул нечаянно разлил молоко.'

Наконец, в багвалинском языке также имеются ограничения на категорию аргумента: генитивное кодирование при номинализации могут получать только абсолютивные, эргативные и дативные именные группы [Кибрик, 2001]. Кроме того, действует иерархия с-командования: из пула потенциальных мишеней выбирается один структурно-приоритетный аргумент. Эргативное или дативное подлежащее имеет структурный приоритет над абсолютивным объектом, поэтому в переходной структуре абсолютив не может перекодироваться генитивом (7b). Генитивное кодирование доступно только для абсолютивов непреходных глаголов (7a).

Если подлежащее имеет неподходящую категорию (является PP), возникает дефектная интервенция. В (7с) аффективный экспериенцер не может быть перекодирован генитивом, и при этом создает помеху для кодирования генитивом абсолютивного дополнения. В результате ни один из аргументов аффективных экспериенциальных глаголов не может быть перекодирован генитивом.

- (7) a. di-ha č'alšā mē / du-b uhi-ahi
 я.OBL-DAT надоесть ты.ABS / ты.OBL-GEN.N туда-сюда
 Xadiri-r.
 ходить-NML
 'Мне надоело, что ты ходишь туда-сюда.'

- (7) b. di-ha č'alſã ima-šũ-r / ima-šũ-b
 я.OBL-DAT надоесть отец-OBL.M-ERG / отец-OBL.M-GEN.N
 keč' / *keč'-ĭi-ĭ b-ih-i-r.
 песня.ABS / песня-OBL-GEN n-братъ-NML
 'Мне надоело, что отец поет песню.'
- c. di-ha č'alſã ima-šũ-ba / *ima-šũ-b
 я.OBL-DAT надоесть отец-OBL.M-AFF / отец-OBL.M-GEN.N
 keč' / *keč'-ĭi-ĭ b-ěča-r.
 песня.ABS / песня-OBL-GEN n-забывать-NML
 'Мне надоело, что отец забывает песню.'

Итак, обнаруживается, что одна и та же диагностика выявляет в качестве грамматически приоритетных разные виды именных групп в разных дагестанских языках. В хваршинском языке возникает асимметрия DP-аргументов и прочих именных групп клаузы. В багвалинском языке противопоставлены DP-подлежащие и все остальные именные группы. В цахурском языке данная диагностика не является диагностикой грамматического приоритета. Эти результаты суммируются в табл. 1.

Легко видеть, что разнообразие стратегий кодирования аргументов при номинализации может быть объяснено комбинацией нескольких параметров:

- наличие ограничений на количество возможных мишеней именного кодирования, что, в свою очередь, связано с такой характеристикой зонда, как наличие множественных спецификаторов (есть в багвалинском и цахурском, нет в хваршинском);
- наличие категориальных ограничений на мишень со стороны зонда (есть в хваршинском и багвалинском, нет в цахурском);
- выбор мишени в соответствии со структурным приоритетом, т.е. относительная минимальность во взаимодействии зонда и цели (есть в багвалинском, нет в хваршинском и цахурском).

Таким образом, специфика механизмов, ответственных за определенную грамматическую операцию в конкретном языке, в совокупности с категориальными и структурными характеристиками аргументных именных групп позволяет предсказывать разнообразные грамматические асимметрии, в том числе и разнонаправленные. Дальнейшая работа в этом направлении видится мне как создание таксономии абсолютных и иерархических требований в разных типах грамматических операций в дагестанских языках, что позволит получить кластеризацию различных грамматических феноменов в отношении параметров, регулирующих их применимость, и, в конечном итоге, пролить свет на стоящие за ними синтаксические процессы.

Таблица 1

Грамматические асимметрии приименного кодирования в номинализации
[Grammatical asymmetries of adnominal encoding in nominalizations]

Язык [Language]	Структурные характеристики падежной формы [Structural characteristics of the case form]	Иерархия с-командования [C-command hierarchy]	Количество аргументов, получающих приименное кодирование [Number of arguments with adnominal encoding]	Ограничения на возможность приименного кодирования при номинализации [Restrictions on adnominal encoding in nominalizations]
Цахурский [Tsakhur]	Нет ограничений [No restrictions]	Нет ограничений [No restrictions]	1	Отсутствуют (любая аргументная именная группа), нейтральная стратегия [No (whatever argument), neutral strategy]
Хваршинский [Khwarshi]	DP (беспадежная или с управляемым падежом) [DP (caseless or with structural case)]	Нет ограничений [No restrictions]	Любое [Any]	DP (любая именная группа из числа DP-аргументов), нейтральная стратегия [DP (whatever DP-argument), neutral strategy]
Багвалинский [Bagwalal]	DP (беспадежная или с управляемым падежом) [DP (caseless or with structural case)]	Структурно приоритетная [Structurally superior]	1	Структурно приоритетная DP (именная группа из числа DP-аргументов), аккузативная стратегия [DP (structurally superior DP-argument), accusative strategy]

Библиографический список / References

Гращенко, Лютикова, 2008 – Гращенко П.В., Лютикова Е.А. Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В.А. Плунгяна, С.Г. Татевосова. М., 2008. С. 171–230. [Grashchenkov P.V., Lyutikova E.A. Nominalization and syntax-semantics interface. *Issledovaniya po glagolnoi derivatsii*. V.A. Plungian, S.G. Tatevosov (eds.). M., 2008. Pp. 171–230. (In Rus.)]

Кибрик, 1979a – Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 0. Теоретическое введение. 1. Арчинский язык. // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 126. М., 1979. [Kibrik A. E. Materials for typology of ergativity. 0. Theoretical introduction. 1. Archi. *Predvaritelnye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 126. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979b – Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 2. Лакский язык. 3. Чирagsкий язык // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 127. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 2. Lak. 3. Chirag. *Predvaritelnye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 127. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979c – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 4. Табасаранский язык. 5. Агульский язык. // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 128. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 2. Tabasaran. 3. Agul. *Predvaritelnye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 128. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979d – Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия ОЛЯ АН СССР. № 4. 1979. С. 309–317. [Kibrik A.E. Subject and the problem of the universal language model. *Izvestiya AN SSSR, Otdelenie literatury i yazyka*. № 4. 1979. Pp. 309–317. (In Rus.)]

Кибрик, 1980a – Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 6. Цахурский язык. 7. Рутульский язык. 8. Лезгинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 129. М., 1980. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 6. Tsakhur. 7. Rutul. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 129. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1980b – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 9. Чамалинский язык. 10. Тиндинский язык. 11. Ахвахский язык. 12. Хваршинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 130. М., 1980. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 9. Chamalal. 10. Tindi. 11. Akhvakh. 12. Khwarshi. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 130. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1981a – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 13. Бектинский язык. 14. Гунзибский язык. 15. Цезский язык. 16. Гинухский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 140. М., 1981. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 13. Bezhta. 14. Hunzib. 15. Tsez. 16. Hinuq. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 140. Moscow, 1981. (In Rus.)]

Кибрик, 1981b – Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 17. Хиналугский язык. 18. Будухский язык. 19. Крызский язык. 20. Аварский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 141. М., 1981. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 17. Khinalug. 18. Budukh. 19. Kryz. 20. Avar. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 141. Moscow, 1981. (In Rus.)]

Кибрик, 1982 – Табасаранские этюды / С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева, А.Е. Кибрик и др.; Под общ. ред. В.А. Звегинцева. М., 1982. [Kodzasov S.V., Muraveva I.A., Kibrik A.E. et al. *Tabasarakskie etyudy* [Tabasaran studies]. V.A. Zvegintsev (ed.). Moscow, 1982.]

Кибрик, 1983 – Кибрик А.Е. Конструкции с предикатным актантом в дагестанских (эргативных) языках // Категории глагола и структура предложения / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1983. С. 101–117. [Kibrik A.E. Complementation constructions in Daghestanian (ergative) languages. *Kategorii glagola i struktura predlozheniya*. Khrakovskii V.S. (ed.). Leningrad, 1983. Pp. 101–117. (In Rus.)]

Кибрик, 1992 – Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992. [Kibrik A.E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* (universalnoe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke) [Essays on general and applied issues in linguistics (universal, typical and specific properties of languages)]. Moscow, 1992.]

Кибрик, 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 1999. [Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of Tsakhur grammar in typological perspectives]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 1999.]

Кибрик, 2000 – Кибрик А.Е. К вопросу о ядерных актантах и «неканоническом маркировании»: свидетельства арчинского языка // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 36–72. [Kibrik A.E. On core arguments and non-canonical marking: Evidence from Archi. *Voprosy yazykoznaniya*. 2000. No. 5. Pp. 36–72. (In Rus.)]

Кибрик, 2001 – Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2001. [Bagvalinskii yazyk. Grammatika, teksty, slovary [Bagwalal: Grammar, texts, dictionaries]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2001.]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. [Kibrik A.E. *Konstanty i peremennnye yazyka* [Constants and variables of language]. St. Petersburg, 2003.]

Кибрик, 2007 – Кибрик А.Е. Принципы и стратегии клаузуального сочинения в дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 78–120. [Kibrik A.E. Principles and strategies of clause chaining in Daghestanian languages. *Voprosy yazykoznaniya*. 2007. No. 3. Pp. 78–120. (In Rus.)]

Кибрик и др., 1977 – Опыт структурного описания арчинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Т. 1–4. М., 1977. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [Structural description of Archi]. Vol. 1–4. М., 1977.]

Лютикова, 2017 – Лютикова Е.А. Падежная морфология, синтаксические категории и проблема классификации падежей // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Т. 13. С. 652–679. [Lyutikova E.A. Case morphology, syntactic categories and the problem of case taxonomy. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. 13. Pp. 652–679. (In Rus.)]

Лютикова, 2020 – Лютикова Е.А. Еще раз о падежной морфологии дагестанских языков: свидетельства хваршинского атрибутива // Малые языки в большой лингвистике / Под ред. Кс.П. Семёновой. М., 2020. С. 112–121. [Lyutikova E.A. On the case morphology in Daghestanian languages: Evidence of Khwarshi attributive. *Malye yazyki v bolshoi lingvistike*. Ks.P. Semyonova (ed.). Moscow, 2020. Pp. 112–121. (In Rus.)]

Сумбатова, 2020 – Сумбатова Н.Р. Сложные рефлексивные местоимения в даргинском языке. Доклад на конференции Звезгинцевские чтения – 2020: К 60-летию отделения и кафедры теоретической и прикладной лингвистики и 110-летию со дня рождения В.А. Звезгинцева (Москва, 30–31 октября 2020 г.). [Sumbatova N.R. Slozhnye refleksivnye mestoimeniya v darginskom yazyke [Complex reflexive pronouns in Dargwa]. Zvezintsevskie chteniya – 2020: k 60-letiyu otdeleniya i kafedry teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki i 110-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Zvezintseva (Moscow, 30–31.10. 2020).]

Тестелец, 2001 – Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. [Testeleets Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax]. Moscow, 2001.]

Тестелец, 2003 – Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. [Testeleets Ya.G. Grammaticheskie ierarkhii i tipologiya predlozheniya. [Grammatical hierarchies and sentence typology]. Dr. diss. Moscow, 2003.]

Тестелец, 2016 – Тестелец Я.Г. Падеж и структура предложения в аварском языке. Доклад на открытом заседании Отдела кавказских языков Института языкознания РАН. Москва, 19.05.2016. [Testeleets Ya.G. Padezh i struktura predlozheniya v avarskom yazyke [Case and clause structure in Avar]. Otkrytoe zasedanie Otdela kavkazskikh yazykov Instituta yazykoznaniya RAN. Moscow, 19.05.2016.]

Aldridge, 2004 – Aldridge E. Ergativity and word order in Austronesian languages. PhD Diss. Cornell University. 2004.

Aldridge, 2008 – Aldridge E. Generative approaches to ergativity. *Language and Linguistics Compass*. 2008. Vol. 5. Pp. 966–995.

Baker, 2015 – Baker M. Case. Its principles and its parameters. Cambridge, 2015.

Baker, Bobaljik, 2019 – Baker M., Bobaljik J. On inherent and dependent theories of ergative case. *The Oxford handbook of ergativity*. J. Coon, D. Massam, L. Travis (eds.). Oxford, 2019.

Bittner, Hale, 1996 – Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement. *Linguistic Inquiry*. 1996. Vol. 27. Pp. 1–68.

Bobaljik, 2008 – Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation. *Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules*. D. Harbour, D. Adger, S. Béjar (eds.). Oxford, 2008. Pp. 295–328.

Butt, 2006 – Butt M. Theories of case. (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge, 2006.

Dixon, 1979 – Dixon R.M.W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. Pp. 59–138.

Dixon, 1994 – Dixon R.M.W. Ergativity. Cambridge, 1994.

Forker, 2019 – Forker D. Ergativity in Nakh-Daghestanian languages. *The Oxford handbook of ergativity*. J. Coon, D. Massam, L. Travis (eds.). Oxford, 2019.

Kibrik, 1979 – Kibrik A. Canonical ergativity and Daghestan languages. *Ergativity*. F. Plank (ed.). N.Y., 1979. Pp. 61–77.

Kibrik, 1987 – Kibrik A. Constructions with clause actants in Daghestanian languages. *Lingua*. 1987. Vol. 71. Pp. 133–178.

Kibrik, 1991 – Kibrik A. Organizing principles for nominal paradigms in Daghestanian languages: Comparative and typological observations. *Paradigms. The economy of inflection*. F. Plank (ed.). Berlin; N.Y., 1991. Pp. 255–274.

Kibrik, 1996 – Godoberi (= Lincom Studies in Caucasian Linguistics 02). A. Kibrik (ed.). Munchen; Newcastle, 1996.

Kibrik, 1997 – Kibrik A. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–68.

Legate, 2002 – Legate J. Warlpiri: Theoretical implications. Dr. Diss. MIT. 2002.

Legate, 2008 – Legate J. Morphological and abstract case. *Linguistic Inquiry*. 2008. Vol. 39. No. 1. Pp. 55–101.

Lyutikova, 2015 – Lyutikova E. Tsakhur as a case stacking language. *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. P. Arkadiev et al. (eds.). Moscow, 2015. Pp. 192–214.

Manning, 1996 – Manning Ch. Ergativity: Argument structure and grammatical relations. Stanford, CA, 1996.

Markman, Grashchenkov, 2012 – Markman V., Grashchenkov P. On the adpositional nature of ergative subjects. *Lingua*. 2012. Vol. 122. No. 3. Pp. 257–266.

Polinsky, 2015 – Polinsky M. *Tsez syntax: A description*. Ms. 2015.

Polinsky, 2016a – Polinsky M. Agreement in Archi from a minimalist perspective. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. O. Bond, G. Corbett, M. Chumakina, D. Brown (eds.). Oxford, 2016. Pp. 77–117.

Polinsky, 2016b – Polinsky M. Deconstructing ergativity: Two types of ergative languages and their features. Oxford, 2016.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе / About the author

Лютикова Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4439-0613>

E-mail: lyutikova2008@gmail.com

М.А. Даниэль

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

105066 г. Москва, Российская Федерация;

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

119991 г. Москва, Российская Федерация

Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных

В настоящей статье сводятся данные грамматик нахско-дагестанских языков по редкому морфосинтаксическому явлению – согласованию приименного атрибута по косвенности вершины, т.е. изменение формы этого атрибута в зависимости от падежа вершины (номинатив vs. все остальные падежи). Показано, что согласование по косвенности в языках семьи характерно для следующих типов приименных зависимых: числительных, указательных местоимений, прилагательных и причастий, посессивных форм имени (в зависимости от языка). В том или ином виде явление отмечается в нахских, цезских, части лезгинских и хиналугском языках; в языках даргинской и аваро-андийской ветви и в лакском языке такое согласование не отмечается.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, согласование, именные атрибуты, категория косвенности

Благодарности. Я благодарен Айгуль Закировой, Екатерине Лютиковой, Тимуру Майсаку, Джоханне Николз, Жилу Отье и Заире Халиловой за исправления и ценные комментарии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Даниэль М.А. Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 102–130. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-102-130

M.A. Daniel

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, 105066, Russian Federation;

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Agreement in obliqueness in East Caucasian: A formal survey

The paper is a survey of all available descriptive data on a rare agreement pattern observed in East Caucasian (Nakh-Daghestanian) languages under which nominal dependents take different forms depending on whether their head is in the nominative case or any other case. I show that, depending on the language, “agreement in obliqueness” is attested in cardinal numerals, demonstratives, adjectives (and participles) and nominal possessors. In some form, it exists in Nakh, Tsezic and some Lezgian languages and in Khinalug; while it seems to be completely absent from the languages of the Avar-Andic and Dargwa branches and from Lak.

Key words: East Caucasian, agreement, nominal attributes, oblique

Acknowledgments. I am grateful to Aigul Zakirova, Ekaterina Lyutikova, Timur Maisak, Johanna Nichols, Gilles Authier and Zaira Khalilova for corrections and valuable comments.

FOR CITATION: Daniel M.A. Agreement in obliqueness in East Caucasian: A formal survey. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 102–130. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-102-130

1. Введение

А.Е. Кибрик, насколько нам известно, впервые ставит вопрос о теоретической интерпретации наблюдаемого в некоторых нахско-дагестанских языках явления «согласования по косвенности», синтаксического феномена, при котором форма посессора определенным образом зависит от значения категории падежа вершины [Kibrik, 1995]. Главное наблюдение, обсуждаемое в статье, можно сформулировать следующим

образом: зависимое принимает одну форму, если вершина стоит в форме именительного падежа, и другую форму, если вершина имеет любое другое значение категории падежа. Хотя в самой этой формулировке («согласование по косвенности») уже заключена некая теоретическая проблема, нуждающаяся в интерпретации, ниже мы будем использовать именно этот термин.

Эмпирическое наблюдение приобретает теоретическую интерпретацию только в конкретном контексте, в сравнении с другими явлениями и в рамках определенного подхода к описанию языка. В цитируемой статье А.Е. Кибрик анализирует согласование по косвенности в его отношении к явлению двойного падежного маркирования, предлагая считать, что приименное зависимое содержит две кумулятивно выраженные граммы – грамму родительного падежа, кодирующую зависимость между вершинным и зависимым именем, и грамму категории косвенности, имеющей два значения DIR vs. OBL и имеющей согласовательную природу. Ср.:

(1) a.	abo-s	is
	отец-OBL-GEN ^{DCT}	брат (NOM)
	‘брат отца’	
b.	abo-la	is-t'i-l
	отец-GEN ^{OBL}	брат-OBL-DAT
	‘брата отца’ [Kibrik, 1999, p. 220]	
(2) a.	is-t'i-s	biLo
	брат-OBL-GEN ^{DCT}	дом (NOM)
	‘дом брата’	
b.	is-t'i-la	biLo-?
	брат-OBL-GEN ^{OBL}	дом-IN (ESS)
	‘в доме брата’ [Там же]	

А.Е. Кибрик рассматривает только именные типы зависимых, что позволяет ему сосредоточиться на природе выражения синтаксической зависимости и сопоставить цахурские формы и формы некоторых цезских языков с явлениями, обсуждаемыми в [Plank, 1995] в целом, т.е. «классические» случаи двойного падежного маркирования, например, в древнегрузинском языке. С другой стороны, в только что вышедшей статье Е.А. Лютикова (2021) на материале хваршинского языка и в рамках формально-синтаксического подхода решает совсем другой, в некотором смысле диаметрально противоположный вопрос: какой статус имеет в этой конструкции категория контролера, по которой происходит согласование (вопрос, который интересует и автора настоящей статьи,

но в рамках функциональной морфологической типологии согласования), в том числе в связи со статусом отношения между прямой и косвенной основой существительного. Косвенная основа традиционно считается деривационной и потому противопоставление прямой и косвенной основы предполагается «невидимым» для синтаксиса, однако одна из возможных трактовок согласования по косвенности заключается как раз в том, что оно не так уж невидимо. В неопубликованной работе Я.Г. Тестелец (2019) на базе синтаксического анализа зависимых в именных группах с вершиной в номинативе и косвенном падеже предлагает считать категорию косвенности релевантной в том числе для аварского языка, где нет никаких морфологических следов согласования по косвенности. Наконец, в самом широком типологическом понимании данные нахско-дагестанских языков представляют интерес с точки зрения анализа эмпирических оснований для противопоставления прямых и косвенных падежей (в духе [Nichols, 1967]), а также в терминах типологии локуса маркирования [Nichols, 1986, 1992], т.к. при согласовании по косвенности зависимое несет одновременно два типа зависимостного маркирования – *registering* и *indexing*, причем выражены они кумулятивно. В цахурском языке выбор формы зависимого зависит еще и от рода и числа вершины, так что цахурское зависимое имя индексирует сразу три грамматические категории вершины (и кумулирует, таким образом, целых четыре).

В настоящей статье мы не будем пытаться решать и даже ставить теоретические вопросы. Наша цель – как можно шире описать весь круг известных феноменов, которые можно отнести к сфере «согласования по косвенности» в нахско-дагестанских языках. Выбор контекста для постановки (и, соответственно, решения) теоретического вопроса может (имеет право) быть сколь угодно узок, в том числе ограничиваться рамками одного языка или одной конструкции. Так, А.Е. Кибрик рассматривает в первую очередь согласование зависимых форм имени (хотя в этих же языках согласуются и другие атрибуты), а Е.А. Лютикова – ограничивается данными только хваршинского языка (хотя согласование по косвенности, например, в нахских и в цахурском языках, по-видимому, труднее формально увязать с противопоставлением прямой и косвенной основы в склонении, т.к. морфология косвенных основ именных частей речи выступающих демонстрирует меньше формального сходства с морфологией косвенных форм атрибутов). И хотя такой «точный» подход к моделированию языковых фактов, несомненно, имеет право на существование (на наш взгляд, в большей степени в варианте Е.А. Лютиковой – ограничение рамками языка, чем в варианте А.Е. Кибрика, с искусственным ограничением эмпирической базы),

в других своих работах именно А.Е. Кибрик [Kibrik, 1998; Кибрик, 2003] (ср. также [Greenberg, 1969; Шлуинский, 2014]) обсуждает преимущества сравнительного анализа сопоставимых явлений в родственных языках, позволяющего, в частности, обобщить модель через расширение ее эмпирической базы. Явление «согласования по косвенности» (далее без кавычек) оказывается необходимым учитывать и в сравнительно-исторической грамматике нахско-дагестанских языков, и в моделях грамматикализации согласования в типологической перспективе.

Сразу оговоримся, что степень детализации приводимых ниже сведений сильно варьирует в зависимости от того, насколько подробными были доступные нам описания (в основном речь идет об обзорных грамматиках). Для нахских языков формы приводятся в орфографии источника, несмотря на то что эта орфография принципиально отличается в описаниях близкородственных языков (как, например, в [Яковлев, 1960] по сравнению с [Nichols, 2011]).

2. Согласование по косвенности в различных ветвях нахско-дагестанских языков

Согласование по косвенности отмечается в нахских, цезских, лезгинских и хиналугском языках. В андийских, даргинских и лакском языке согласование по косвенности, насколько нам известно, не присутствует ни в каком виде.

2.1. Нахские языки

Согласование по косвенности наблюдается во всех трех языках ветви.

Согласно описанию [Там же, р. 440], в ингушском языке в зависимости от прямой или косвенной формы вершины разные формы принимают числительные ‘один’, ‘два’, ‘три’, ‘пять’ и ‘двадцать’, а также сложные числительные, производные от них; указательные местоимения; прилагательные и причастия. Дж. Николс называет это согласованием по падежу. Числительные образуют косвенную основу либо присоединением показателя *-n*, либо чередованием основы. Адъективы (понимаемые ниже как имена прилагательные и другие единицы, морфологически «приравненные» к прилагательным) образуют косвенную форму присоединением показателя *-cha*; формально к этому типу принадлежат также дистальный демонстратив *dwaara*, вопросительное прилагательное *malagha* ‘который’, квантификаторы *cl-erriga* ‘все’, *massa-cl-ola* ‘каждый’, порядковые числительные. Числительное ‘четыре’ имеет слот согласования по роду, но по косвенности оно не согласуется. Ни показатель *-cha*, ни показатель *-n* не используется в формообразовании других именных частей речи. Насколько можно судить, косвенная

форма атрибута не имеет никакой другой функции (в частности, не совпадает ни с какой падежной формой атрибута при независимом – безвершинном – склонении). В табл. 1 показано словоизменение согласующихся по косвенности числительных, основных демонстративов и примеры адъективов.

Таблица 1

Согласование по косвенности в ингушском языке
(по данным [Nichols, 2011])
[Agreement in obliqueness in Ingush (according to [Nichols, 2011])]

	DIR	OBL		DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>cwa</i>	<i>cwa-n</i>	‘этот’ [‘this’ (proximal)]	<i>je</i>	<i>uq</i>
‘два’ [‘two’]	<i>shi</i>	<i>shi-n</i>	‘этот’ [‘this’ (neutral, aforementioned)]	<i>yz</i>	<i>cy</i>
‘три’ [‘three’]	<i>qo</i>	<i>qea</i>	‘тот’ [‘that’ (distal)]	<i>dwaara</i>	<i>dwaara-cha</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>pxi</i>	<i>pxie</i>	‘другой’ [‘other’]	<i>qieqie</i>	<i>qycha</i>
‘двадцать’ [‘twenty’]	<i>tq’o</i>	<i>tq’ea</i>	‘теплый’ [‘warm’]	<i>mela</i>	<i>melacha</i>
‘другой (из двух)’ [‘other (of two)’]	<i>vozh</i>	<i>vuoaqa</i>	‘читающий’ [‘reading’]	<i>diesha</i>	<i>dieshacha</i>

В ингушском языке демонстративы и некоторые прилагательные изменяют свою форму в зависимости от числа вершины, ср. *CL-oaqqa* ‘большой’ ~ *CL-oaqqii* ‘большие’, *zwamiga* ‘маленький’ ~ *kegii* ‘маленькие, молодые’. Не вполне ясно, как согласование по числу взаимодействует с согласованием по косвенности; для демонстративов этот вопрос специально не обсуждается. В тексте грамматики при вершине в косвенной основе встречается как прямая форма [Nichols, 2011, р. 324, note 43, р. 624, note 2), так и косвенная основа *zwamgicha* [Там же, р. 286, note 217). Прилагательное с основной множественного числа *kegii* встретилось только в одном контексте (повторяемом в нескольких примерах) в форме косвенной основы; прилагательное множественного числа *CL-oaqqii* ‘большой (PL)’ в контекстах множественного числа не встретилось.

Чеченский язык похож в этом отношении на ингушский. В «Морфологии чеченского языка» Н.Ф. Яковлева интересующее нас противопоставление описывается для «слабого склонения» (т.е. для словоизменения в атрибутивной позиции) прилагательных и причастий,

числительных и некоторых местоимений. Прилагательное в атрибутивной позиции имеет две формы: форму на *-н* (иногда немаркированную форму) при вершине в номинативе любого числа и форму на *-чу* при вершине в косвенном падеже любого числа ([Яковлев, 1960, с. 39 и далее], склонение причастий охарактеризовано отсылкой к разделу про прилагательные). Косвенная форма отличается от прямой также у числительных ‘один’, ‘два’, ‘три’, ‘четыре’, ‘пять’ и ‘двадцать’, у указательных местоимений ‘этот’, ‘тот’, ‘другой’, а также у некоторых других единиц, изменяющихся по адъективному склонению [Там же, с. 117 и далее] (табл. 2).

Таблица 2

Согласование по косвенности в чеченском языке
(по данным [Яковлев, 1960])
[Agreement in obliqueness in Chechen
(according to [Yakovlev, 1960])

	DIR	OBL		DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>цхъа</i>	<i>цхъа-на</i>	‘этот’ [‘this’]	<i>хIара</i>	<i>хIокху</i>
‘два’ [‘two’]	<i>ши</i>	<i>ши-на</i>	‘этот’ [‘this’]	<i>я</i>	<i>йокху</i>
‘три’ [‘three’]	<i>кхо</i>	<i>кхаа</i>	‘другой’ [‘other’]	<i>важа</i>	<i>вукху</i>
‘четыре’ [‘four’]	<i>виъ</i>	<i>веа</i>	‘другой’ [‘other’]	<i>кхин</i>	<i>кхиэчу</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>пхи</i>	<i>пхеа</i>	‘тот’ [‘that’]	<i>дIара</i>	<i>дIара-чу</i>
‘двадцать’ [‘twenty’]	<i>ткъа</i>	<i>ткъа-на</i>			

Для третьего языка нахской ветви, бацбийского, по данным [Дешериев, 1953] можно сделать вывод, что по крайней мере числительные ‘один’, ‘два’ и ‘три’ различают косвенную форму (примеров с числительными ‘четыре’, ‘пять’ и ‘двадцать’ с косвенными вершинами в описании не содержится). Прилагательные в косвенных формах принимают суффикс *-ич* [Там же, с. 182 и далее], однако для косвенной формы единственного числа прилагательного *в-аккхоо* ‘большой’ (основа мн. числа *в-аккхаа*) приведена нерегулярная форма *в-аккхунч*. Некоторые относительные прилагательные различают прямую форму единственного и множественного числа конечной гласной (во множественном числе меняется на *-а*), такие прилагательные также различают косвенную форму единственного и множественного числа, т.к. суффикс *-ч* присоединяется непосредственно к основе. Прилагательные

с исходом на согласный (суффиксального образования) не различают прямой и косвенной формы; данных об атрибутивном склонении причастия в грамматике не содержится.

Согласно описанию [Дешериев, 1953, с. 178], указательные местоимения также не изменяются в зависимости от падежа вершины, хотя примеров с вершиной в косвенном падеже не приводится. В описании [Holisky, Gagua, 1994] согласование по косвенности для бацбийского языка отличается от данных Дешериева лишь незначительно: прямая основа многих прилагательных заканчивается на *-н* (видимо, реализующийся как назализация), который пропадает в косвенной основе при присоединении *-ич*. При независимом употреблении падежные показатели присоединяются к косвенной основе. Формы числительных при косвенной вершине совпадают с приводимыми Дешериевым, за исключением формы *čhainĩ* ‘один’ (OBL) (табл. 3а).

Таблица 3а

**Согласование по косвенности в бацбийском языке,
кроме демонстративов (по данным [Дешериев, 1953])
[Agreement in obliqueness in Bats (demonstratives excluded)
(according to [Desheriev, 1953])]**

	DIR	OBL		DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>цхъа</i>	<i>цхъа-ин</i>	‘большой’ [‘large’] (SG)	<i>в-аккхoo</i>	<i>в-аккхунч</i>
‘два’ [‘two’]	<i>ши</i>	<i>ши(-н)</i>	‘большой’ [‘large’] (PL)	<i>в-аккхaa</i>	<i>в-аккхaич</i>

Поведение указательных местоимений в сочетании с вершинным именем в косвенном падеже Дешериев не описывает; поэтому они приведены по [Hauk, 2020, p. 50] (табл. 3б).

Таблица 3б

**Согласование по косвенности в бацбийском языке
у демонстративов (по данным [Hauk, 2020])
[Agreement in obliqueness in Bats (demonstratives)
(according to [Hauk, 2020])]**

	DIR	OBL
‘этот’ [‘this’ (proximal)]	<i>e</i>	<i>eq</i>
‘этот’ (более удаленный) [‘this’ (medial)]	<i>is</i>	<i>icx</i>
‘тот’ [‘that’ (distal)]	<i>o</i>	<i>oq</i>

Таким образом, во всех языках нахской ветви засвидетельствовано согласование по косвенности у малых числительных, прилагательных и демонстративов. Образование форм косвенных падежей при независимом (безвершинном) использовании атрибутивных форм в ряде случаев происходит от основы, совпадающей с косвенной формой (это требует более систематической проверки). При этом образование косвенной формы у числительных и прилагательных формально различно, и соответствующие суффиксы не используются в формообразовании косвенной основы существительных.

2.2. Цезские языки

Во всех языках ветви система согласования по косвенности примерно сопоставима, хотя и различается в некоторых деталях. Поэтому ниже изложение организовано по фрагментам системы (числительные, местоимения, прилагательные и существительные в атрибутивной позиции), с указанием некоторых особенностей и различий между языками там, где они имеются, или, по крайней мере, где их удастся выявить на базе используемых источников. Изложение в этом разделе основывается на следующих описательных грамматиках: [van den Berg, 1995] для гунизбского, [Комри и др., 2015] для бежтинского, [Khalilova, 2009] для хваршинского, [Forker, 2013] для гинухского и [Бокарев, 1959] для цезского языков.

В большинстве цезских языков числительные противопоставляют прямую и косвенную форму, в том числе супплетивными основами в случае ‘один’ (сильный супплетивизм) и ‘два’ (слабый супплетивизм) и более или даже совершенно регулярно в других числительных (в прямой основе показатель $-n(V)$, в косвенной $-(e)l$ или $-ra$), с поправкой на фонетические переходы и в зависимости от фонотактики основы. Использование частицы $-no$ в прямых формах некоторые авторы объясняют аналогией с использованием частицы-интенсификатора $-go$ в аварских числительных [Там же]; при таком анализе $-no$ в составе прямой формы числительного не является морфологическим показателем собственно категории DIR , и морфологически маркирована только основа OBL . В бежтинском языке по косвенности вершины согласуется только числительное ‘один’ $h\acute{o}s\ DIR$ vs. $sid\ OBL$ [Комри и др., 2015, с. 292] (однако в тлядальском диалекте ситуация похожа на гунизбскую – З. Халилова, в личном сообщении). Е.А. Бокарев приводит для цезского лишь некоторые косвенные формы числительных (‘один’ $sis\ DIR \sim sida\ OBL$, ‘три’ $\acute{t}\acute{o}^{\acute{n}}a\ DIR \sim \acute{t}\acute{o}^{\acute{r}}a\ OBL$, ‘восемь’ $bilno\ DIR \sim bilra\ OBL$, ‘двадцать’ $quno\ DIR \sim qura\ OBL$), характеризуя опущение частицы $-no$ и добавление суффикса косвенной основы $-ra$ как

вполне регулярный процесс [Бокарев, 1959, с. 202]. В табл. 4 приведены прямая и косвенная формы числительных от одного до пяти для трех языков, в которых обе формы числительных эксплицитно даны в грамматике.

Таблица 4

**Примеры согласования числительных по косвенности
в трех языках цезской ветви
[Examples of numerals agreeing in obliqueness
in three Tsezic languages]**

	Гунзибский [Hunzib]		Хваршинский [Khvarshi]		Гинухский [Hinuq]	
	DIR	OBL	DIR	OBL	DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>hās</i>	<i>sid</i>	<i>hos</i>	<i>hada</i>	<i>hes</i>	<i>seda</i>
‘два’ [‘two’]	<i>q’anu</i>	<i>q’an</i>	<i>q’^swene</i>	<i>q’^swana</i>	<i>q’ono</i>	<i>q’wena</i>
‘три’ [‘three’]	<i>λana</i>	<i>λel</i>	<i>ħono</i>	<i>ħalla</i>	<i>łono</i>	<i>łora</i>
‘четыре’ [‘four’]	<i>oq’en</i>	<i>oq’el</i>	<i>uⁿq’e</i>	<i>uⁿq’q’ela</i>	<i>uq’ino</i>	<i>uq’ira</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>λino</i>	<i>λil</i>	<i>łino / łuno</i>	<i>łulla</i>	<i>łeno</i>	<i>łera</i>

В хваршинском языке в качестве косвенной формы демонстративов выступает форма, совпадающая с эргативом в независимом склонении (‘этот’ *žu* ~ *ise* (мужской род), *iħe* (женский род); ‘эти’ *izzu* ~ *izze* и др. [Khalilova, 2011, p. 144]). Автор отождествляет эту форму с косвенной основой, от которой образуются остальные падежи при независимом употреблении, хотя морфонология такой деривации не всегда прозрачна. Согласование по косвенности для демонстративов отмечается в [van den Berg, 1995, p. 61] для гунзибского. Отличие от хваршинского состоит в том, что в косвенной форме единственного числа утрачено различие по роду (например, единая для вершин любого рода форма *boħu* ‘этот’ OBL), а во множественном числе нет и согласования по косвенности (например, ‘эти’ *bədra* вне зависимости от падежа вершины). Е.А. Бокарев указывает, что цезское дистальное местоимение ‘тот’ *jesi* (мужской род, остальные роды *jela*, множ. число *jiziri*) имеет косвенную форму *jeħ* в единственном числе (вероятно, только для немужского рода)

и *jiza* во множественном числе; по той же схеме изменяются и другие дистальные местоимения *nesi*, *howsi*, *hemesi* [Бокарев, 1959, с. 198]. Для бежтинского и гинухского языка данные по согласованию по косвенности для демонстративов не приводятся; однако судя по некоторым примерам можно предполагать, что гинухские формы, приведенные в [Forke, 2013, p. 134] как формы косвенной основы, совпадают с формами, используемыми при косвенной вершине (ср. пример 207b [Там же, p. 137], т.е. согласование по косвенности присутствует).

Во всех языках цезской ветви отмечается согласование по косвенности у атрибутов, в том числе у посессивных форм имени существительного, прилагательных, причастий, атрибутивизированных наречий и падежных (например, пространственных) форм существительных. При обсуждении маркирования именных посессоров в цезских языках традиционно различают два родительных падежа – GEN1, употребляемый на посессоре с вершиной в номинативе, и GEN2, употребляемый при вершине в косвенном падеже, но такая терминология несколько усложняет описание функции этих показателей в сопоставлении с согласованием по косвенности прилагательных. В первых двух столбцах табл. 5а приведены показатели Attr (DIR) и Attr (OBL) (соответствующие традиционным GEN1 и GEN2), а в третьем и четвертом столбцах – способы выражения согласования по косвенности у прилагательных и некоторых причастий (Adj).

Таблица 5а

Согласование по косвенности в языках цезской ветви
[Agreement in obliqueness in Tsezic]

	Attr		Adj	
	DIR	OBL	DIR	OBL
Гунзибский [Hunzib]	-s	-d	(-u)	[-Ø]
Бежтинский [Bezhta]	-s	-la	(-V)	-a
Хваршинский [Khvarshi]	-s	-lo/-la	(-V)	[-a]+[-la/-lo]
Гинухский [Ginukh]	-s	-zo	(-V)	[-a]
Цезский [Tsezic]	-s	-z	Her [NA]	Her [NA]

В гунизбском языке [van den Berg, 1995] прилагательное в единственном числе при прямой вершине имеет показатель *-u*, который может – но не должен – утрачиваться при вершине в косвенном падеже (в этом смысле прилагательные при косвенной вершине ведут себя так же, как прилагательные в предикативной позиции [Там же, с. 57]. Аналогично ведет себя причастие прошедшего времени на *-r(-u)*. Автор гунизбской грамматики называет форму косвенного атрибутивизатора на *-d*, которую посессор принимает при вершине в косвенном падеже, инструменталисом, по ее второй функции [Там же, с. 43]. При этом прямой атрибутивизатор (генитив грамматики) на *-s*, как и в гинухском, формально совпадает с показателем элатива локативной парадигмы [Там же, с. 42, 45]. Атрибутивизаторы используются также для образования причастий настоящего времени и атрибутивных форм от наречий и падежных форм существительных.

В гинухском языке [Forker, 2013] прямой и косвенный Attr (GEN1 и GEN2 описания) совпадают с показателями аблатива и аблатива 2 (для последнего характерны в том числе транслативные функции). Отмечается, что показатели Attr широко используются для атрибутивизации разных составляющих, например, пространственных форм существительных и наречий [Там же, с. 73]. Что касается прилагательных, у некоторых в косвенной форме может использоваться основа, образуемая меной конечного гласного на *-a*, но эта мена факультативна, а у других прилагательных – невозможна. Морфология причастий с косвенно-падежными вершинами подробно не обсуждается, но, судя по некоторым примерам, можно предположить, что причастие не имеет согласования по косвенности. Таким образом, согласование по косвенности оказывается возможным не для всех адъективных форм. А для тех, для которых оно возможно, является факультативным [Там же, с. 163 и далее].

С точки зрения согласования по косвенности хваршинский ([Khalilova, 2009], см. также [Лютикова, 2021]) и бежтинский [Комри и др., 2015] довольно похожи. В бежтинском языке прямая форма атрибутивизатора совпадает с элативом (в хваршинском это не так, по крайней мере синхронно – атрибутив *-s*, но элатив *-zi*), а косвенная форма атрибутивизатора может быть сопоставлена с сегментом *-la* в составе транслативного показателя *-laɪ'a*. В бежтинском языке причастия настоящего времени используют в прямой форме *-s*, в косвенной *-la*, как посессоры (и, видимо, атрибутивизированные наречия и падежные формы), а причастия прошедшего времени – *-a* в косвенной форме [Там же, с. 398]. В бежтинском большинство прилагательных, а в хваршинском – некоторые прилагательные, меняют в косвенной основе конечный гласный на *-a*. В отличие от других цезских языков, в хваршинском языке прилагательные

могут в косвенных формах, кроме чередования гласного, факультативно присоединять показатель *-la/-lo*, совпадающий с косвенным атрибутивизатором и продуктивно, но столь же опционально использующийся в косвенных формах субстантивированных прилагательных [Khalilova, 2009, с. 105] (данных о субстантивации посессоров и причастий в грамматике не приводится, но они следуют, более или менее, тем же правилам, что и прилагательные (З. Халилова, в личном сообщении)). Этот суффикс также является одним из показателей косвенной основы субстантивов, по-видимому, в разной степени продуктивным в бежтинском и хваршинском языках. Данных о согласовании по косвенности для причастий для хваршинского языка не приводится. Таким образом, хваршинский язык по данным описаний оказывается единственным из языков ветви, в котором согласование по косвенности у атрибутивных форм (субстантивных посессоров, атрибутивизированных наречий и проч.) оказывается не вполне жестко отделено от согласования по косвенности у адъективов (например, непроеизводных прилагательных). При этом хонохский хваршинский ведет себя в этом отношении не так, как говор, описываемый Халиловой, а как все остальные цезские языки (Е. Лютикова, в личном сообщении).

В отличие от других цезских языков, согласно [Бокарев, 1959] в цезском языке непроеизводные прилагательные по косвенности не согласуются. Однако адъективные формы, образуемые атрибутивизатором *-si* – причастия настоящего и один из типов образования причастия прошедшего времени – меняют его при вершине в косвенном падеже на *-zo*. Та же модель зафиксирована для атрибутивизации наречий (ср. также [Polinsky, 2015]).

Особо следует сказать о том, как категория косвенности выражается в личных местоимениях первого и второго лица, функционально вполне идентичных именным посессорам, однако в формальном отношении отличающихся и от них, и от адъективных атрибутов. Данные сведены в табл. 5б (формы приводятся в соответствии с транскрипцией источника, ср. [Бокарев, 1959, с. 196–197; van den Berg, 1995, р. 60; Khalilova, 2009, р. 142; Forker, 2013, р. 130; Комри и др. 2015, с. 300]).

Сравнение таблиц 5а и 5б показывает, что при образовании косвенной формы используются те же формальные средства, что и именными посессорами. С прямой формой личных местоимений дело обстоит сложнее: местоимения единственного числа не используют именной суффикс прямой формы; местоимения множественного числа используют именную показатель (*-s*, единый для всех языков ветви) в гунзибском, бежтинском и цезском языках; в хваршинском языке он не используется, вместо него выступает суффикс *-o*. Гинухский язык занимает

промежуточное положение: он допускает как именную, так и особую стратегию образования прямой формы. Кроме того, следует отметить, что в бежтинском языке форма косвенного генитива местоимений образуется прибавлением суффикса косвенной формы не к косвенной основе местоимения, а к прямой форме генитива. Возможно, в этом следует усматривать свидетельство позднейшего развития согласования по косвенности у лично-местоименных посессоров по аналогии с именными посессорами. Анализ соотношения прямой и косвенной форм родительного с различными основами в других случаях требует более подробного морфонологического анализа.

Таблица 56

**Прямые и косвенные формы личных местоимений
в языках цезской ветви
[Direct and indirect forms of personal pronouns
in Tsezic]**

	‘я’ [‘I’]		‘ты’ [‘you.sg’]		‘мы’ [‘we’]		‘вы’ [‘you.pl’]	
	DIR	OBL	DIR	OBL	DIR	OBL	DIR	OBL
Гунзибский [Hunzib]	<i>diye</i>	<i>dido</i>	<i>dibə</i>	<i>dibəd dudo</i>	<i>ilus</i>	<i>ildo</i>	<i>mižus</i>	<i>miždo</i>
Бежтинский [Bezhta]	<i>due</i>	<i>диела</i>	<i>дибо</i>	<i>дибола</i>	<i>илос</i>	<i>илла</i>	<i>мизос</i>	<i>мизола</i>
Хваршинский [Khvarshi]	<i>diyo</i>	<i>di’lo</i>	<i>dubo</i>	<i>dublo</i>	<i>il’o</i>	<i>il’lo il’ulo</i>	<i>mižo</i>	<i>mil’lo</i>
Гинухский [Hinug]	<i>di</i>	<i>dižo</i>	<i>debe</i>	<i>dewžo</i>	<i>eli elus</i>	<i>elo eluzo</i>	<i>meži mežus</i>	<i>mezo mežuzo</i>
Цезский [Tsezic]	<i>дей</i>	<i>дәз</i>	<i>деби</i>	<i>дебез</i>	<i>элус</i>	<i>элуз</i>	<i>межус</i>	<i>межуз</i>

Суммируя данные языков цезской ветви, можно сказать следующее. Согласование по косвенности отмечается у числительных (Num), указательных местоимений (Dem), адъективов (Adj, включая в первую очередь непроизводные прилагательные и некоторые причастия) и атрибутивных форм (Attr, включая посессивные формы имени, атрибутивизированные формы наречий и падежных форм и некоторые причастия). В смысле средств выражения все четыре системы независимы друг от друга. Согласование типа Num вполне продуктивно и для числительных, кроме ‘один’ и ‘два’, вполне регулярно. По согласованию демонстративов нет полных данных. Согласование типа Attr и типа Adj

достаточно строго разграничено, только в хваршинском языке непроизводные прилагательные могут использовать обе стратегии одновременно. В целом согласование типа Adj может быть сильно ограничено лексически и/или фонотактически, а может и вовсе быть факультативным (т.е. прилагательные могут вообще не согласовываться по косвенности), в то время как согласование типа Attr продуктивно и обязательно. Следует отметить материальное несовпадение и функциональную неизоморфность показателей косвенных показателей в типе Attr (ср. [Алексеев, 1988, с. 140–141]). В гунзибском это инструменталь на *-d* (соответствует инструменталю на *-d* в гинухском и бежтинском), аблатив-транслатив на *-zo* в гинухском, могущий соответствовать инструменталю на *-z* в хваршинском, в котором, однако, косвенный атрибутивизатор, как и в бежтинском, выражается сегментом *-la/-lo*. Показатель прямого атрибутива *-s* – общий для всех языков, но, хотя автор гинухской грамматики отождествляет его с элативом, в других языках отождествить *-s* с показателями пространственности сложно или невозможно.

Существенное сходство, наблюдаемое между всеми языками, – это кросс-категориальность в качестве показателя как прямого, так и косвенного Attr, что хорошо согласуется с возможностью его происхождения из суффикса «внешнего слоя» именной морфологии – показателя ориентации.

2.3. Лезгинские языки

Лезгинские языки более других ветвей неоднородны в отношении согласования по косвенности. В удинском, арчинском и восточнолезгинских языках (лезгинском, агульском и табасаранском) согласование по косвенности не представлено ни в каком виде. В остальных четырех языках оно представлено в существенно разном объеме, причем хновско-борчинский идиом рутульского языка в этом отношении смыкается с цахурским языком, ведя себя иначе, чем основные диалекты рутульского языка.

В аликском говоре крызского языка и в будухском языке согласование по косвенности отмечается только для числительных. В крызском [Authier, 2009, p. 100–101] числительные согласуются с вершиной в номинативе по роду; косвенные формы отличаются от прямых отсутствием согласования по роду и наличием суффикса *-ž*, к которому при вершине с личным референтом присоединяется суффикс *-n*. Формы для числительных 'один' и 'два' ведут себя особым образом (табл. 6), а формы для числительных выше 'десяти' не приводятся, но описание предполагает их регулярность. Суффиксы, сходные с теми, которые появляются у числительных в косвенной основе, появляются также

при склонении безвершинных прилагательных (-*n* для имен лиц, -*ǵ* для неличных референтов). Описание будухского языка в [Талибов, 2007, с. 153–154] менее подробно: отмечается, что числительные, употребляемые с косвенными вершинами, теряют согласование по роду и принимают суффикс -*ǵi*. В этом источнике примеры приводятся только для числительных 'один' *sa-cl ~ sun-ǵi* и 'два' *q'a-cl ~ q'un-ǵi* (которые, как и в крызском, демонстрируют некоторую морфологическую нерегулярность), однако Жиль Отье (в личном сообщении) указывает, что так же ведут себя и другие будухские числительные. При этом по его же данным в крызских говорах Хапута и Исмаили разные формы в зависимости от падежа вершины имеют также прилагательные [Authier, ms.] (см. табл. 6).

Таблица 6

**Формы прилагательного в крызском языке
(говоры Хапут и Исмаили), по данным [Authier, ms]
[Adjective inflection Kryz language
(dialects Haput and Ismayilli), according to [Authier, ms]]**

	Хновско-борчинский [Khnov-Borchin]	
	m/f	N/PL
DIR	-d	-ǵ
OBL		

Эта модель напоминает согласование атрибутов в цахурском языке и особенно в хновско-борчинском диалекте рутульского языка (табл. 8) в том смысле, что согласование по косвенности взаимодействует с согласованием по роду; можно сказать, что в говорах Хапута и Исмаили прилагательные при вершине в номинативе согласуются также по роду, а при косвенных падежах вершины это согласование пропадает. Следует также отметить, что это согласование носит факультативный характер как для прилагательных, так и для числительных; последнее верно также для будухского языка (Жиль Отье, в личном сообщении).

Склонение числительных в рутульском языке (за основу мы принимаем подробное описание морфологии числительных в [Muhin, 2021], опирающееся на экспедиционные данные, собранные в селе Кина; но аналогичную систему с точностью до фонетических соответствий описывают [Махмудова, 2001; Authier, submitted] (для мухадского диалекта). Это в целом похоже на ситуацию, описываемую Отье для крызского языка

с тем исключением, что рутульский показатель *-di*, появляющийся в косвенных формах числительных и замещающий показатели согласования по роду, легко идентифицируется как атрибутивизатор с широкой дистрибуцией, также образующий приименные формы от прилагательных (зависимое употребление прилагательного) и имен (посессор) – Attr. Поведение атрибутивизатора с числительными отличается от других атрибутов тем, что он отсутствует при вершине в именительном падеже; с синхронной точки зрения можно говорить, что при вершине в косвенном падеже числительное переходит в атрибутивное склонение, это и является реализацией противопоставления по косвенности. Добавим, что, по нашим данным, реализуемое таким образом согласование по косвенности в реальных текстах (кининский рутульский) не вполне последовательно, по крайней мере в случае числительного ‘один’ (возможно, это коррелирует с функцией, в которой это числительное употребляется).

В цахурском языке [Сосенская, 1999, с. 154 и далее] морфологическое оформление количественных числительных различается в зависимости от падежа вершины следующим образом. В косвенной форме числительное не содержит слота согласования по роду с вершиной, а к основе присоединяется косвенный вариант кросс-категориального атрибутивизатора *-ni* (табл. 7). При вершине в номинативе возможны две модели, которые грамматика называет полной и краткой. Насколько можно судить из описания их распределения, краткая форма, в которой присутствует только согласовательный слот, в зависимых контекстах с выраженной вершиной употребляется реже. Полная форма содержит морфему *-le*, которую грамматика интерпретирует как специальный атрибутивизатор (видимо, именно потому, что в косвенных формах она заменяется на стандартный косвенный атрибутивный показатель). Так как выражение класса нетривиальным образом взаимодействует с основной местоимения, в таблице 7 приводятся только формы третьего класса.

Указательные местоимения крызского и будухского языка не изменяются в зависимости от падежа имени, к которому они относятся. В рутульском языке наряду с указательными местоимениями *mi*, *ha* имеются варианты *mid*, *had*, конечный элемент которых исторически может быть связан с атрибутивизатором *-d(i)*, но распределение, аналогичное распределению у числительных, обнаружить не удастся. Лишь для цахурского [Там же, с. 133 и далее] описано строгое распределение прямых (*ma-n*, *še-n*, *i-n* и *ma-na*, *še-na*, *i-na*, в соответствии с табл. 8 ниже) и косвенных (*ma-ni*, *še-ni*, *i-ni*) форм демонстративов. Не исключено, что по косвенным и прямым контекстам распределены и указательные формы *mid*_i (прямая) и *mid* (косвенная)

Таблица 7

**Прямая и косвенная форма малых числительных в крызском (говор с. Алик),
рутульском (говор с. Кина) и цахурском (говор с. Мишлеш) языках**
[Direct and indirect forms of lower numerals in Kryz
(dialect of the village of Alik), Rutul (dialect of the village of Kina)
and Tsakhur (dialect of the village of Mishlesh)]

	Крызский [Kryz]			Рутульский [Rutul]		Цахурский [Tsakhur]	
	DIR	OBL		DIR	OBL	DIR	OBL
		Личные [Human]	Неличные [Non-human]				
‘один’ [‘one’]	<i>sa</i> -CL	<i>sun-du</i>	<i>sun-ži</i>	<i>sa</i>	<i>sin-di</i>	<i>sa[-b-le]</i>	<i>sa</i>
‘два’ [‘two’]	<i>qʷa</i> -CL	<i>qʷun-du</i>	<i>qʷun-ži</i>	<i>qʷa^ɛ</i> -CL	<i>qʷu^ɛn-di</i>	<i>qʷo^ɛ-b-le</i>	<i>qʷo^ɛ-ni</i>
‘три’ [‘three’]	<i>šib(u)</i> -CL	<i>šib-ži-n</i>	<i>šib-ži</i>	<i>xibi</i> -CL	<i>xib-di</i>	<i>xexi-b-le</i>	<i>xeb-ni</i>
‘четыре’ [‘four’]	<i>juqʷu</i> -CL	<i>juqʷ-ži-n</i>	<i>juqʷ-ži</i>	<i>juqʷu</i> -CL	<i>juqʷ-di</i>	<i>joqʷu-b-le</i>	<i>joqʷ^w-ni</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>fu</i> -CL	<i>fuž-ži-n</i>	<i>fuž-ži</i>	<i>xu</i> -CL	<i>xud-di</i>	<i>xo-b-le</i>	<i>xo-ni</i>

в хновском-борчинском идиоме, но предположение этой возможности основывается на очень предварительных полевых данных [Ибрагимов, 1976, с. 266–267] (приименные формы специально не обсуждает).

Наконец, именно в хновско-борчинском идиоме обнаруживается согласование по косвенности и у других именных зависимых, что структурно объединяет этот идиом с цахурским и отделяет от мухадского диалекта. В хновско-борчинском [Там же, с. 254] приименные формы прилагательного и посессивные формы имени содержат атрибутивный показатель, форма которого при вершине в номинативе зависит от ее класса и числа, а при вершине в косвенном падеже используется одна форма. Такое же распределение имеет место в цахурском языке [Сосенская, 1999, с. 193 и далее] (Т.Б. Сосенская описывает алломорфию показателей, причем в некоторых позициях вместо /n/ выступает /d/; возможно, такие реализации связаны с /d/ рутульских атрибутивных форм). Единственное различие заключается в том, что в цахурском косвенная форма атрибутивизатора специализирована, а в хновско-борчинском она совпадает с одной из прямых форм (ср. табл. 8).

Таблица 8

**Формы показателя атрибутивизации
в хновско-борчинском и цахурском языках
[Attributivizer
in Khnov-Borchin and Tsakhur languages]**

	Хновско-борчинский [Khnov-Borchin]		Цахурский [Tsakhur]	
	SG 1/2/3	SG 4 или PL [SG 4 or PL]	SG 1/2/3	SG 4 или PL [SG 4 or PL]
DIR	<i>-di</i>	<i>-id</i>	<i>-na</i>	<i>-n</i>
OBL			<i>-ni</i>	

Отметим, что распределение показателей *-di* и *-id* в зависимости от класса и числа вершины в именительном падеже отмечается также по крайней мере для посессивных форм в ихрекском и мухрекском диалектах [Таирова, 2011], причем автор предположительно объясняет это близостью к цахуриязычному ареалу. К сожалению, поведение зависимого при вершине в косвенном падеже не обсуждается; Г.Х. Ибрагимов говорит о «несклоняемости» прилагательных в атрибутивной позиции в ихрекском диалекта [Ибрагимов, 1976, с. 2010], и вообще не обсуждает этот вопрос для мухрекского диалекта.

По крайней мере в цахурском [Калинина, Толдова, 1999, с. 377 и далее] и в некоторых диалектах рутульского языка, например, в кининском (полевые данные) приведенные в табл. 7 показатели являются кросс-категориальными и могут образовывать атрибутивную форму не только от имен (посессоры) или от прилагательных (атрибутивная форма прилагательного), но и от глагольных форм (причастия), наречий или падежных форм существительных. Про хновско-борчинский данных об атрибутивизации наречий и падежных форм у нас нет.

Обобщим данные лезгинских языков. В пяти из девяти языков ветви согласование по косвенности, насколько нам известно, не отмечается ни в каком виде. В будухском и крызском (говор с. Алик) языках оно ограничено числительными, но при этом носит продуктивный и регулярный характер (в отличие, например, от нахских языков, где оно ограничено малыми числительными). Так же обстоит дело и в большинстве рутульских диалектов и в цахурском языке (последний по данным мишлешского говора), но здесь согласование по косвенности реализовано присоединением в контексте косвенной вершины атрибутивизатора (*-di/-ni*), так что косвенность может интерпретироваться как переход числительного в атрибутивное склонение (с потерей способности различать род вершины). Сходный процесс наблюдается и в хапутском и исмаилинском говорах крызского языка, в которых, впрочем, использование косвенной формы прилагательного (как и числительного) не обязательно. Демонстративы не согласуются по косвенности в будухском и крызском и, вероятно, рутульском языке (для рутульского языка недостаточно диалектных данных). В цахурском же языке демонстративы используют тот же механизм, что и атрибутивные формы, образованные от других частей речи (посессоры, прилагательные). Во всех случаях в косвенных формах утрачивается согласование по роду и числу, хотя в крызском (говор с. Алик) в косвенных формах возникает своего рода согласование по одушевленности. Здесь кажется интересным отметить, что структурные сходства пересекают границы, традиционно являющиеся границами языков, и группируют их диалекты, по крайней мере, хновско-борчинский рутульский, хапутский и исмаилинский крызский и цахурский в отличие от других рутульских и крызских диалектов.

2.4. Хиналугский язык

Как уже отмечалось, А.Е. Кибрик рассматривает лишь одну параллель согласованию по косвенности за пределами цахурского и цезских языков – это система демонстративов в хиналугском языке (символ «непалатализации», в [hoz,i] используется авторами грамматики для

обозначения морфонологической границы, блокирующей палатализацию согласного перед узким гласным).

Таблица 9

**Словоизменение указательных местоимений
хиналугского языка
[Inflection of demonstrative pronouns
in Khinalug]**

	Ближний [Proximal]					Дальний [Distal]				
	1	2	3	4	HPL	1	2	3	4	HPL
DIR	<i>du</i>	<i>dä</i>	<i>ži</i>		<i>dur</i>	<i>hu</i>		<i>hä</i>		<i>hoz,i</i>
OBL	<i>vo/vä</i>		<i>sä</i>		<i>voz</i>	<i>hinä</i>				

По сравнению с [Kibrik, 1995], таблица дополнена указательными местоимениями множественного числа (по данным [Кибрик и др., 1972]). Для 3–4 классов множественного числа формы местоимений в явном виде не указываются; отмечаются определенные колебания в образовании косвенных форм указательных местоимений. Падежная форма указательного местоимения содержится также в субстантивированных (безвершинных) употреблении прилагательных. Это употребление не может быть напрямую сопоставлено с категорией согласования по косвенности, т.к. формы с суффиксированными местоимениями появляются как раз в контексте отсутствия контролера (и, соответственно, различают все падежно-числовые формы). Согласование приименных адъективов (прилагательных и причастий) или посессоров для хиналугского языка не характерно.

Интересно, что ни в более ранней грамматике [Дешериев, 1959], ни в [Кибрик и др., 1972] не описано поведение числительных с косвенными вершинами (в очерке Кибрика и соавторов раздел, описывающий числительные, вообще отсутствует). В грамматике Дешериева эксплицитно утверждается, что форма числительного в атрибутивной позиции не зависит от формы существительного. Парадоксальным образом в примерах, которые приводит автор грамматики, наряду с прямой формой в скобках и без комментариев приводится как раз косвенная форма числительного ‘три’. Действительно, оказывается (личные записи, [Rind-Pawlowski, in preparation]), что хиналугские малые числительные имеют в разной степени морфологически членимые (ср. показатель *-la*), но отличные от прямых косвенные формы (приведены в табл. 10).

**Прямая и косвенная форма малых числительных
хиналугского языка**
[Direct and indirect forms of lower numerals
in Khinalug]

	DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>sa</i>	<i>čʰinə</i>
‘два’ [‘two’]	<i>kʰu</i>	<i>kʰula</i>
‘три’ [‘three’]	<i>pʃoa</i>	<i>[k(ɨ)la]</i>
‘четыре’ [‘four’]	<i>onɤ</i>	<i>[unqʰul]</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>pɤi</i>	<i>puxla</i>

Наш консультант указывает, что нерегулярные косвенные формы числительных ‘три’ и ‘четыре’ в современной речи почти не употребляются (используются прямые формы); уже Дешериев в примерах на числительное ‘три’ дает колебания между формам *пиша* и *кла* для контекстов косвенной основы (варианты, которые он, впрочем, никак не комментирует). При самостоятельном (безвершинном) склонении числительные, как и прилагательные, суффицируют указательное местоимение ближней серии, однако, по крайней мере, числительные ‘один’ и ‘два’ используют при этом косвенную основу (аналогичных примеров для других числительных не приводится). Показатель *-la* для образования деривационной косвенной основы (т.е. основы, от которой образуются другие косвенные падежи) у других субстантивов не отмечается.

Таким образом, в хиналугском языке в согласование по косвенности вовлечены малые числительные и указательные местоимения, но на прилагательные и посессивные формы имени это согласование не распространяется.

3. Обобщение

Выше мы свели все известные нам на сегодняшний день данные о согласовании атрибутов с вершиной по категории косвенности в нахско-дагестанских языках. В языках андийской и даргинской ветвей, а также в аварском и лакском языке согласование по косвенности не обнаружено ни в каком виде. В языках нахской, лезгинской и цезской ветвей, а также в хиналугском языке согласование по косвенности представлено, но в существенно разном объеме, причем даже

внутри ветвей (лезгинские языки) и между близкородственными языками (хновско-борчинский рутульский в отличие от большинства рутульских диалектов) охват этого феномена может различаться (ср. табл. 11).

Таблица 11

**Мишени согласования по косвенности
в нахско-дагестанских языках
[Targets of agreement in obliqueness in East Caucasian]**

	Card	Dem	Adj	Poss
Цахурский, борчинско-хновский; цезские [Tsakhur, Khnov-Borchin; Tsezic]	Да [Yes]			
Нахские, крызский (с. Хапут и Исмаили) [Nakh, Kryz (villages of Naput and Ismayilli)]	Да [Yes]			Her [No]
Хиналугский [Khinalug]	Да [Yes]		Her [No]	
Будухский, крызский (с. Алик), рутульский [Budukh, Kryz (Alik village), Rutul]	Да [Yes]	Her [No]		
Другие языки семьи [Other languages of the family]	Her [No]			

Данные в таблице, на первый взгляд, образуют иерархию, в левой части которой находятся числительные и демонстративы, а в правой – посессивные формы имени. Иерархия отчасти напоминает шкалу модификаторов (прилагательные – существительные), обсуждаемую в связи с иерархией доступности для согласования с вершиной [Plank, 1995; Nikolaeva, Spencer, 2013], отчасти – представление о том, что демонстративы более других атрибутов склонны согласовываться с вершиной (ср., впрочем, [Norris, 2019]). Однако такой взгляд с высоты птичьего полета может быть обманчив.

Так, неясно, почему самую левую позицию в этой иерархии занимают числительные; у нас нет ни типологических данных, ни интуиции о большей склонности числительных к согласованию по сравнению с демонстративами и прилагательными. В хиналугском и нахских языках согласование числительных ограничено малыми числительными; можно было бы предположить, что согласование числительных – это просто сохранение архаичной модели. На это же может косвенно указывать супплетивность прямой и косвенной основ для некоторых

из хиналугских числительных. Однако, если оставить в стороне числительное ‘один’, которое демонстрирует супплетивизм во всех языках, в нахских языках те немногие числительные, которые противопоставляют прямую и косвенную форму, скорее регулярны, а в будухском и крызском образование косвенных форм числительных – продуктивный морфологический процесс. В рутульском и цахурском языках косвенные формы числительных используют атрибутивизатор, которого нет в прямых формах, т.е. здесь согласование по косвенности реализуется как мена типа зависимостного маркирования (от особого к атрибутивному). В какой степени эти проявления согласования по косвенности имеют общее происхождение или хотя бы представляют собой один феномен?

Цезские языки и цахурский и хновско-борчинский занимают одно положение в таблице и предположительно соответствуют одному типу «реализации» предполагаемой иерархии. Однако в действительности два лезгинских языка на всем протяжении иерархии используют один и тот же морфосинтаксический механизм (стратегия Attr), а цезские языки для каждой из позиций иерархии используют, скорее, разные средства. При этом и в тех, и в других согласование по косвенности у посессоров использует кросс-категориальную атрибутивизацию, что в табл. 11 никак не отражено. В целом кажется, что многие из средств согласования по косвенности могут быть инновациями на уровне ветвей (атрибутивизаторы в лезгинских и особенно в цезских, в которых они, возможно, различаются между языками); однако эта ситуация осложняется вероятной архаичностью других фрагментов этой системы (демонстративы, непроеизводные прилагательные в нахских и цезских) и предположительной архаичностью некоторых «инновативных» механизмов внутри ветви, как согласование посессора и прилагательного в цахурском и хновско-борчинском, а для прилагательного – также в хапутском и исмаилинском говорах крызского, при отсутствии их в некоторых других рутульских и крызских диалектах. Последнее объяснимо либо маловероятной инновацией, независимой в цахурском и в хновском, либо контактами (с не вполне понятным конкретным сценарием заимствования), либо, наконец, общим архаизмом – но только на уровне ветви или подгруппы (подробнее обсуждение возможных сценариев в этих языках см. в [Алексеев, 1985]). В целом распространенность согласования по косвенности в языках самых разных ветвей семьи, с одной стороны, и типологическая редкость этого явления – с другой, на наш взгляд, делает вероятной реконструкцию какой-то формы согласования по косвенности для пра-нахско-дагестанского состояния.

Данные, представленные А.Е. Кибриком [Kibrik, 1995], особенно с учетом обсуждаемых выше кардинальных различий морфосинтаксических механизмов, стоящих за согласованием по косвенности в цезских и цахурском языках, могут создавать впечатление, что этот феномен в двух ветвях семьи развился независимо. Хотя это неожиданно, т.к. типологические параллели такого *морфосинтаксического механизма* в языках мира нам неизвестны, но в каком-то смысле это верно – для *сравниваемых* морфосинтаксических средств. Однако данные, сведенные в настоящей статье, показывают, что сам морфосинтаксический механизм имеет гораздо более широкий географический и генеалогический охват – от нахских языков на северо-западе до крызского, будухского и хиналугского на юге. Е.А. Лютикова (2021) ссылается на точку зрения, высказанную в М.Е. Алексеевым (2003), согласно которой уже пра-нахско-дагестанская система была многопадежной, поэтому согласование по косвенности не может быть возведено в праязыка (ту же точку зрения высказал Я.Г. Тестелец, в личном сообщении). Нам не вполне ясно, почему это является аргументом в пользу позднейшего развития согласования по косвенности *как механизма*. Действительно, именно двухпадежная система является удобной отправной точкой для такого согласования, но она могла иметь место и до пра-нахско-дагестанского этапа. В конце концов, показатели косвенности различаются даже внутри цезской ветви, тем не менее, кажется более чем вероятным, что само согласование по косвенности может быть реконструировано к працезскому уровню (ср. [Алексеев, 1988, с. 140–141]). На основании обобщенных выше данных нам кажется более вероятным, что в какой-то форме согласование по косвенности было чертой праязыка (согласование демонстративов, возможно также непроизводных прилагательных и числительных), которая в конкретных ветвях или даже подгруппах одной ветви могла запускать развитие инновативных механизмов своей реализации (атрибутивное выражение посессивности и атрибутивизация автономных словоформ). Конкретные механизмы такого развития (аналогия с архаичным согласованием в закрытых классах, грамматикализация каких-то представителей этих классов, например, указательного местоимения, в показатель атрибутива или какие-то иные возможные пути грамматической эволюции) требуют анализа дополнительного материала.

Во введении мы также говорили о том, что полный обзор эмпирических данных о согласовании по косвенности может поставить новые проблемы и дать указания для поиска дальнейших теоретических интерпретаций, как формальных, так и типологических. Для теоретического контекста, в котором согласование по косвенности рассматривает

А.Е. Кибрик, важным кажется то, что согласуемость посессоров отмечается только в тех языках, где статус посессивного маркера как падежа под сомнением: речь идет скорее о кросс-категориальном атрибутивизаторе (не только об атрибутивном показателе рутульского и цахурского языков, но и кросс-категориальности, хотя и иного рода, цезских показателей, традиционно обозначаемых как GEN1 и GEN2). В теоретическом контексте, в котором согласование по косвенности рассматривает Е.А. Лютикова, важно то, что такое согласование встречается в языках с самым разным уровнем выделяемости косвенной основы; следует выяснить, как показатели косвенной формы атрибутов синхронно соотносятся с показателями косвенной основы существительных и особенно косвенной основы самих этих атрибутов при независимом (безвершинном) склонении. В этой статье данный вопрос почти не рассматривался и требует сбора дополнительных эмпирических данных.

4. Заключение

Целью этой работы был систематический обзор морфосинтаксических явлений нахско-дагестанских языков, удовлетворяющих самому широкому пониманию согласования по косвенности как зависимости формы приименного атрибута от падежной формы вершины (именительный падеж vs. любой другой падеж). Мы показали, что охват синтаксических мишеней такого согласования в языках семьи существенно шире, чем может показаться из некоторых важных, но частных его исследований (например, [Kibrik, 1995]). Мы предположили, что широкая географическая и генеалогическая представленность явления, которое полностью отсутствует только в аваро-андийских, даргинских и лакском языках, делает затруднительной интерпретацию его как позднейшей морфосинтаксической инновации (ср. [Лютикова, 2021]), однако его диахронический анализ осложняется тем, что те его конкретные проявления, которые с большой вероятностью действительно инновативны, сосуществуют (а иногда и взаимодействуют) с архаичными механизмами того же согласования. Наконец, в теоретическом плане мы лишь констатируем, что оно представляет интерес с точки зрения как статуса мишени (а именно – ее положения на шкале адъективно-именной модификации и одновременного выражения на ней нескольких стратегий зависимостного маркирования), так и статуса вершины (а именно – природы самой категории косвенности, которая очевидно видима для синтаксиса, но при этом имеет более проблематичный статус с точки зрения морфологии). Кроме того, мы отмечаем, что любая интерпретация согласования по косвенности должна либо эксплицитно разделять фрагменты такого согласования как независимые (например,

предлагать отдельные модели согласования для разных мишеней в цезских языках), либо ограничиваться данными конкретного языка и языковой группы; если же она достаточно амбициозна для того, чтобы пытаться строить единую внутригенеалогическую модель, она должна учитывать все разнообразие ее перечисленных выше реализаций.

Библиографический список / References

Алексеев, 1985 – Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: морфология, синтаксис. М., 1985. [Alekseev M.E. Voprosy sravnitelno-istoricheskoi grammatiki lezginskikh yazykov: morfologiya, sintaksis [Issues in the historical comparative grammar of Lezgian languages. Morphology and syntax]. Moscow, 1985.]

Алексеев, 2003 – Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категория имени. М., 2003. [Alekseev M.E. Sravnitelno-istoricheskaya morfologiya nakhsko-dagestanskikh yazykov. Kategoriya imeni [Historical comparative morphology of Nakh-Daghestanian. The noun]. Moscow, 2003.]

Бокарев, 1959 – Бокарев Е.А. Цэзский язык // Цэзские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959. С. 175–220. [Bokarev E.A. Tsez. Tsezskie (didoiskie) yazyki Dagestana. Moscow, 1959. Pp. 175–220. (In Rus.)]

Дешериев, 1953 – Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык: фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М., 1953. [Desheriev Yu.D. Batsbiiskii yazyk: fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika [Bats: Phonetics, morphology, syntax, and the lexicon]. Moscow, 1953.]

Дешериев, 1959 – Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959. [Desheriev Yu.D. Grammatika khinalugskogo yazyka [A grammar of Khinalug]. Moscow, 1959.]

Ибрагимов, 1978 – Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М., 1978. [Ibragimov G.Kh. Rutulskii yazyk [Rutul]. Moscow, 1978.]

Калинина, Толдова, 1999 – Калинина Е.Ю., Толдова С.Ю. Атрибутивизация // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 377–419. [Kalinina E.Yu., Toldova S.Yu. Attributivization. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. A.E. Kibrik, Ya.G. Testeletz (eds.). Moscow, 1999. Pp. 377–419. (In Rus.)]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. [Kibrik A.E. Konstanty i peremennyye yazyka [The constants and the variables of language]. St. Petersburg, 2003.]

Кибрик, Кодзасов, Оловяникова, 1972 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P. Fragmenty grammatiki khinalugskogo yazyka [Elements of the grammar of Khinalug]. Moscow, 1972.]

Халилов, Комри, Халилова, 2015 – Халилов М.Ш., Комри Б., Халилова З.М. Грамматика бежтинского языка. Алеф, 2015. [Khalilov M.Sh., Komri B., Khalilova Z.M. Grammatika bezhtinskogo yazyka [A grammar of Bezhta]. Alef, 2015.]

Лютикова, 2021 – Лютикова Е.А. Согласование по косвенности в хваршинском языке // Дурхъасы хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова /

Под ред. Т.А. Майсака, Н.Р. Сумбатовой, Я.Г. Тестельца. М., 2021. С. 187–213. [Lyutikova E.A. Agreement in obliqueness in Khwarshi. *Durkhasi khazna. Sbornik statei k 60-letiyu R.O. Mitalova*. T.A. Maisak, N.R. Sumbatova, Ya.G. Testeleets (eds.). Moscow, 2021. Pp. 187–213. (In Rus.)]

Махмудова, 2001 – Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. М., 2001. [Makhmudova S.M. Morfologiya rutul'skogo yazyka [Morphology of Rutul]. Moscow, 2001.]

Сосенская, 1999 – Сосенская Т.Б. Местоимение. Числительное // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 129–180. [Sosenskaya T.B. Pronouns. Numerals. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. A.E. Kibrik, Ya.G. Testeleets (eds.). Moscow, 1999. Pp. 129–180. (In Rus.)]

Сосенская, 1999 – Сосенская Т.Б. Атрибутивная репрезентация // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 193–201. [Sosenskaya T.B. Attributive representation. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. A.E. Kibrik, Ya.G. Testeleets (eds.). Moscow, 1999. Pp. 193–201. (In Rus.)]

Таирова, 2011 – Таирова М.О. Сравнительный анализ генитива в диалектах рутульского языка // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 1. С. 69–72. [Tairova M.O. A comparative analysis of the genitive in Rutul dialects. *Herald of the University of the Russian Academy of Education*. 2011. No. 1. Pp. 69–72. (In Rus.)]

Талибов, 2007 – Талибов Б.Б. Будухский язык. М., 2007. [Talibov B.B. Budukhsii yazyk [Budukh]. Moscow, 2007.]

Тестелец, 2016 – Тестелец Я.Г. Падеж и структура предложения в аварском языке. Доклад в Институте языкознания. 2016. [Testeleets Ya.G. Case and clause structure in Avar. Presentation, Institute of Linguistics. 2016. (In Rus.)]

Шлуинский, 2014 – Шлуинский А.Б. Внутригенетическая типология языков ква: морфосинтаксис глагольной группы // Основы африканского языкознания. Диакронические процессы и генетические отношения языков Африки / Под ред. В.А. Виноградова. М., 2014. С. 354–455. [Shluinskii A.B. Intra-genetic typology of Kwa: Morphosyntax of the verbal phrase. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaneya. Diakhronicheskie protsessy i geneticheskie otnosheniya yazykov Afriki*. V.A. Vinogradov (ed.). Moscow, 2014. Pp. 354–455. (In Rus.)]

Яковлев, 1960 – Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Труды № 1. Грозный, 1960. [Yakovlev N.F. Morfologiya chechenskogo yazyka [Morphology of Chechen]. Trudy № 1. Grozny, 1960.]

Authier, 2009 – Authier G. Grammaire kryz. Paris, 2009.

Authier, submitted – Authier G. Rutul. *The Caucasian languages, an international handbook*. T. Maisak, Yu. Koryakov (eds.). Submitted.

Authier, in preparation – Authier G. Ismaili Kryz. In preparation.

Forker, 2013 – Forker D. A grammar of Hinuq. Walter de Gruyter, 2013.

Greenberg, 1969 – Greenberg J. Some methods of dynamic comparison in linguistics. *Substance and structure of language*. J. Puhvel (ed.). University of California Press, 1969. Pp. 147–203.

Hauk, 2020 – Hauk B. Deixis and Reference Tracking in Tsova-Tush. Dr. diss. University of Hawai'i at Manoa. 2020.

Holisky, Gagaa, 1994 – Holisky A., Gagaa R. Tsova-Tush (Batsbi). *The indigenous languages of the Caucasus*. R. Smeets (ed.). Vol. 4 (part 2). Delmar, NY: Caravan Books, 1994. Pp. 147–212.

Khalilova, 2009 – Khalilova Z. A grammar of Khwarshi. The Netherlands, 2009.

Kibrik, 1995 – Kibrik A.E. Direct-oblique agreement of attributes in Daghestanian. *Double case: Agreement by Suffixaufnahme*. F. Plank (ed.). Oxford, 1995. Pp. 216–229.

Kibrik, 1998 – Kibrik A.E. Does intragenetic typology make sense? *Sprache im Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert*. Tübingen, 1998. Pp. 61–68.

Muhin, in preparation – Muhin T. Numerals in Kina Rutul. In preparation.

Nichols, 1983 – Nichols J. On direct and oblique cases. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1983. Vol. 9. Pp. 170–192.

Nichols, 1986 – Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar. *Language*. 1986. Pp. 56–119.

Nichols, 1992 – Nichols J. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.

Nichols, 2011 – Nichols J. Ingush grammar. Berkeley; Los Angeles; London, 2011.

Nikolaeva, Spencer, 2013 – Nikolaeva I., Spencer A. Possession and modification – a perspective from Canonical Typology. *Canonical Morphology and Syntax*. D. Brown, M. Chumakina, G. Corbett (eds.) Oxford, 2013.

Plank, 1995 – Double case: Agreement by Suffixaufnahme. F. Plank (ed.). Oxford, 1995.

Polinsky, 2015 – Polinsky M. Tsez syntax: A description. Ms., Harvard University. 2015.

Rind-Pawłowski, in preparation – Rind-Pawłowski M. Khinalug. *The Caucasian languages, an international handbook*. T. Maisak, Yu. Koryakov (eds.). In preparation.

Van den Berg, 1995 – Van den Berg H. A grammar of Hunzib. Muenchen, 1995.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе / About the author

Даниэль Михаил Александрович – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции, профессор Школы лингвистики факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; старший научный сотрудник отдела лингвокультурной экологии Института мировой культуры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Michael A. Daniel – PhD in Linguistics; leading researcher at the Linguistic Convergence Laboratory, Professor at the School of Linguistics of the Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; senior researcher at the Department of Linguocultural Ecology of the Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2091-5713>

E-mail: micha.daniel@gmail.com

М.Э. Чумакина

Университет графства Суррей,
GU7 2XH г. Гилфорд, Великобритания

Несогласовательные функции согласовательных показателей в дагестанских языках

Дагестанские языки не раз привлекали внимание лингвистов феноменами в области согласования: эргативно-абсолютивная стратегия выбора контролера, согласование нефинитных форм, двойное согласование причастий, 'прозрачное' согласование и пр. Во многих дагестанских языках зарегистрированы необычные мишени согласования: с абсолютивом клаузы согласуется не только предикат, но и наречия, послелого, местоимения и даже существительные. Морфосинтаксические особенности и функционирование таких мишеней согласования изучены недостаточно. Данная работа посвящена особенностям функционирования таких мишеней, а именно, случаям, когда допускается вариативность в выборе контролера с определенным семантическим или прагматическим эффектом. Так, выбор контролера для согласуемых наречий может быть обусловлен их сферой действия, а некоторые согласуемые демонстративы имеют возможность выбрать «нестандартного» контролера, если функцией демонстратива в клаузе является маркирование информационной структуры.

Ключевые слова: морфосинтаксис, согласование, согласование наречий, согласование послелогов, нахско-дагестанские языки

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Чумакина М.Э. Несогласовательные функции согласовательных показателей в дагестанских языках // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 131–148. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-131-148

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-131-148

M.E. ChumakinaUniversity of Surrey,
Guildford, GU7 2XH, United Kingdom

Unusual behaviour of agreement markers in Nakh-Daghestanian languages

Nakh-Daghestanian languages are famous for its rich and versatile agreement. Among the phenomena attracting linguists' attention are absolutes as agreement controllers in the clause, agreement of non-finite forms, multiple agreement of participles and long-distance agreement. In addition to these known facts, many Nakh-Daghestanian languages have unusual agreement targets such as adverbs, postpositions, pronouns and even nouns agreeing with the absolute of the clause. Usage and morphosyntactic properties of these targets have not been studied in any detail. This paper focuses on instances where these targets allow variation in the choice of controller and semantic and pragmatic effects of the choice. Thus, the agreeing adverbs can take the controller depending on their semantic scope and some agreeing demonstratives have a controller choice if they function as markers of information structure.

Key words: morphosyntax, agreement, agreement of adverbs, agreement of postpositions, Nakh-Daghestanian languages

FOR CITATION: Chumakina M.E. Unusual behaviour of agreement markers in Nakh-Daghestanian languages. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 131–148. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-131-148

1. Вступление

Если рассматривать согласование предиката с аргументами или же согласование в пределах именной группы (ИГ), то в общем нахско-дагестанские языки не являются типологической аномалией: в согласовании участвуют морфосинтаксические категории рода (класса) и числа, в некоторых языках имеется согласование по лицу. Контролем согласования по роду и числу в клаузе является абсолют (личное

согласование устроено сложнее), контролером согласования в ИГ является вершина именной группы. По сравнению с языками «европейского стандарта», у согласования в нахско-дагестанских языках более широкая сфера: согласованию по роду и числу подвержена любая клауза, как финитная, так и нефинитная, т.е. мишенями могут выступать конвербы, причастия и масдары (согласования по лицу в нефинитной клаузе не бывает). Эта особенность, а также наличие у многих словоформ (например, у причастий и аналитических предикатов) морфологической возможности маркировать согласование более чем в одной позиции, создает впечатление высокой насыщенности текста согласовательными показателями, даже при условии, что многие глаголы не имеют морфологической позиции согласования. Но есть и еще один фактор, повышающий уровень «согласовательной насыщенности», – во многих нахско-дагестанских языках мишенями согласования в клаузе может быть не только глагол, но и все остальные части речи. Особенности поведения таких необычных мишеней и посвящена настоящая статья.

2. Нестандартные мишени согласования

К числу нестандартных мишеней согласования относятся наречия, послелоги, частицы, местоимения и существительные. В этом разделе приводятся примеры таких мишеней.

2.1. Согласуемые наречия

Согласуемые наречия зафиксированы в аварском, арчинском, багвалинском, гинухском, лакском, хваршинском и цахурском языках. Во всех этих языках согласуемые наречия составляют очень незначительную часть лексикона, не более пяти-шести лексем. И только в арчинском языке имеется около десяти согласуемых наречий. Согласуемые наречия в дагестанских языках не образуют гомогенную группу ни по семантическим, ни по морфологическим признакам. Единственное обобщение, которое мне удалось сделать, – наречия места (часто употребляемые и как послелоги) согласуются несколько чаще, чем другие виды наречий. Так, в аварском языке согласуются наречия *hani-b*¹ ‘внутри’, *xuri-b* ‘в поле’ [Алексеев, 1998, с. 207], в гинухском – наречия *b-eg* ‘хорошо’, *b-okt:o* ‘между’ [Халилов, Исаков, 2005, с. 593], в лакском – *šawaj* ‘домой.1.sg’, *taqunpaj* ‘назад.ш.3.sg’ [Казенин, 2013, с. 136], в инхокваринском диалекте хваршинского языка – *b-ul:o* ‘сильно’,

¹ Если не оговорено иначе, примеры даются в третьем (среднем) роде, согласовательные показатели отделяются дефисом, а инфиксальные показатели заключаются в угловые скобки.

b-og ‘хорошо’ [Khalilova, 2009, p. 264], *b-aχ:ač* ‘назад’, [Там же, p. 124], *b-olo* ‘на части’ [Там же, p. 131], *ade* ‘здесь’, *one* ‘там’ [Там же, p. 114]. В хонохском диалекте хваршинского языка часть согласуемых наречий соответствуют инхокваринскому: *adi* ‘здесь’, *oengo* ‘там’, *b-olal* ‘поровну’ (инх. *b-olol* ‘вместе, поровну’). Наречия ‘хорошо’, ‘сильно’, ‘назад’ в хонохском диалекте не являются согласуемыми, но зато есть наречие *anač* ‘просто, бесплатно, так’, отсутствующее в инхокваринском. В цахурском языке имеются согласуемые наречия *uftam-ba* ‘приятно’, *hajnaχu-b* ‘таким образом’, *hak’e-ba-b* ‘в самом деле’ [Kalinina, 2002].

В арчинском языке имеются следующие согласуемые наречия: *abbadij<t>u* ‘все время, вечно’, *allij<t>u* ‘бесплатно’, *dit:a<t>u* ‘рано’, *horo:kij<t>u* ‘давным-давно’, *jellij<t>u* ‘так, таким образом’, *k’ellij<t>u* ‘полностью’, *tumat:ij<t>u* ‘по-хорошему’, *no:sut<t>u* ‘давно’, *sij<t>u* ‘в одиночку’, *wallit:ij<t>u* ‘сначала’. Возможность согласования наречия определяется наличием элемента *-ij<t>u*, который является эмфатической частицей. Но если для части наречий эмфатическая частица выделяется как на семантическом, так и на морфологическом уровне (так, наречие *horo:kij<t>u* ‘давным-давно’ образовано от *horo:k* ‘давно’), для части – только на морфологическом уровне (так, наречие *jellij<t>u* ‘так, таким образом’ явно образовано от слова *jella* ‘так’, но усилительной семантики здесь не наблюдается), то для части наречий невозможно не только выделить усилительную семантику, но и определить, от какого слова происходит наречие (таковы наречия *dit:a<t>u* ‘рано’, *no:su<t>u* ‘давно’). Может показаться, что эмфатическая частица в арчинском языке является также и обычным адвербиализатором (без усилительного значения), однако этот способ образования наречий отнюдь не самый распространенный и не может считаться продуктивным.

Ясно, что согласуемые наречия являются морфосинтаксической аномалией и диахронически неустойчивы – даже диалекты одного языка имеют разный набор согласуемых наречий, как это происходит в хваршинском.

Контролером согласования наречий в клаузе является абсолютив. В примере (1) из хваршинского языка наречие *a<ɾ>nač* ‘бесплатно’ согласуется по роду и числу с абсолютивом *televizor*, существительным четвертого рода:

(1) хваршинский

rasul-li	muhammad-es	televizor	a<ɾ>nač
Расул(i)-ERG	Магомед(i)-GEN1	телевизор(iv)	<iv.sg>бесплатно
q’ajida			
чинить.AOR			
‘Расул Магомеду телевизор бесплатно починил’.			

2.2. Согласуемые послелого

Согласуемые послелого встречаются даже чаще согласуемых наречий. Они зафиксированы в аварском (*žani-b* ‘в, внутрь’), андийском (*b-exudu* ‘сзади’, *b-eq’idu* ‘вокруг’, *b-otl’u* ‘между’) [Алексеев, 1998, с. 224], арчинском (*e-b-q’en* ‘до’), ахвахском (*b-exvege* ‘кроме’ [Магомедова, Абдулаева, 2007, с. 89]), багвалинском (*li-b>o* ‘из-за’), чамалинском (*b-axat’w* ‘за’, *b-akl’a* ‘между’) [Магомедова, 1999, с. 432], годоберинском (*b-akl’u* ‘между’, *s:ea* ‘перед’, *b-exut’u* ‘за, после’, *b-aqut’u* ‘вокруг’ [Татевосов, 1998, с. 245–246]), гинухском (*b-okl:o* ‘между’ [Халилов, Исаков, 2005, с. 593]), лакском и даргинском языках. Как видно из приведенных примеров, кроме послелога ‘между’, который является согласуемым в четырех языках, согласуемые послелого также не образуют гомогенную группу. Как и в случае с согласуемыми наречиями, согласуемые послелого во всех языках представлены всего лишь несколькими лексемами, и ни в одном языке не составляют большинства. Как правило, морфологический слот для согласования у послелогов не является частью продуктивного словообразовательного элемента, возможным исключением является лакский язык, где согласуются «послелого на *-най/-нмай/-ннай*» [Казенин, 2013, с. 61].

Послелого управляют чаще всего формами различных местных падежей; согласуются же они всегда по абсолютиву клаузы. Так, в примере (2) из аварского языка послелог *žani-w* ‘в’ управляет суперэссивом существительного среднего рода *tusnaq* ‘тюрьма’, а согласуется в мужском роде с абсолютивом ‘Расул’, который с этим послелогом синтаксически не связан.

(2) аварский

<i>tusnaq-al-da</i>	<i>žani-w</i>	<i>t’am-una</i>
тюрьма(N)-SG.OBL-SUP	в-M.SG	отправлять-PST
<i>niže-c:a</i>	<i>Rasul</i>	
1PLEXCL-ERG	Расул(M)[SG.ABS]	
‘Мы посадили Расула в тюрьму.’		
(Б. Атаев, личное сообщение)		

2.3. Согласуемые дискурсивные частицы

Согласуемые дискурсивные частицы зафиксированы в арчинском, тиндинском и цахурском языках. Контролером согласования является абсолютив клаузы независимо от семантической сферы действия частицы. Так, в примере (3) из арчинского языка эмфатическая частица *-ij<w>u* модифицирует существительное четвертого рода *s:aʕat* ‘время’,

и усилительная семантика имеется только у именной группы, возглавляемой этим существительным: «в это самое время, немедленно». Согласуется же частица в мужском роде единственного числа с абсолютивом *tuw* ‘он’.

(3) арчинский

<i>jamu-t</i>	<i>s:aʃal-li-t:-ij<w>u</i>	<i>uqʰa-li</i>
тот-IV.SG	время(IV)-OBL-SUP(ESS)-<I.SG>EMPH	I.SG.идти.PFV-EVID
<i>ju-w</i>	<i>jemim-me-s</i>	<i>χir</i>
этот-I.SG[SG.ABS]	те-OBL.PL-DAT	за

‘(Тут он все понял) и немедленно отправился за ними.’ (Т26: 037)²

Подробно о согласуемой частице в арчинском языке см. [Чумакина, 2021].

2.4. Согласуемые местоимения

Согласуемые местоимения имеются только в арчинском языке. Здесь имеются в виду только местоимения, которые согласуются по абсолютиву клаузы. Местоимения, особенно возвратные, часто имеют согласовательный показатель, контролируемый антецедентом или референтом, но такие местоимения не входят в круг явлений, рассматриваемых в этой статье. Не рассматриваются и местоимения, имеющие согласовательный показатель в форме генитива, поскольку в этом случае контролером согласования является вершина именной группы, модифицируемая генитивным местоимением. В арчинском языке с абсолютивом согласуются: эргатив инклюзивного местоимения первого лица множественного числа и датив местоимений первого лица (в обоих числах). Так, в примере (4) эргатив местоимения ‘мы’ *nenau* согласуется в третьем роде с абсолютивом *pəlow* ‘плов’, а в примере (5) датив местоимения *b-ez* ‘я’ согласуется во множественном числе с абсолютивом *χ:ʰele* ‘гости’:

(4) арчинский

<i>ja-b</i>	<i>pəlow</i>	<i>nenau</i>	<i>bu-kne:-tʰu</i>
этот-III.SG	плов(III)[SG.ABS]	<III.SG>1PL.INCL.ERG	III.SG-есть.POT.NEG-NEG

‘Мы этот плов есть не будем.’ [Bond, Chumakina, 2016, p. 65]

(5) арчинский

<i>teb</i>	<i>χ:ʰele</i>	<i>b-ez</i>	<i>eχni</i>
этот.PL	гость(I)[PL.ABS]	I/II.PL-1SG.DAT	<I/II.PL>забывать.PFV

‘Я забыла этих гостей.’ [Там же, p. 66]

² Т26 обозначает номер текста из [Кибрик и др., 2007].

2.5. Согласуемые существительные

В дагестанских языках имеется типологически крайне редкое явление – существительные, выступающие в роли мишени согласования. Здесь имеет смысл различать два типа согласуемых существительных. Первый тип – это существительные, имеющие согласовательный показатель в определенных местных падежах. Именные парадигмы с согласовательным слотом в местных падежах имеются в аварском, лакском, каратинском и в даргинских языках. В примере (6) из литературного даргинского есть два согласуемых существительных – форма инэлатива от существительного *zamunt* ‘время’ и форма инэссива от существительного *wac* ‘лес’. Обе формы содержат согласовательный формант (i)b, контролером которого является абсолютив *arslan* ‘лев’:

(6) литературный даргинский

žəʔw	zamunt-a-zi-b-ad	nuša-la	wac'-urb-a-z-ib
очень	время.PL-OBL-IN-N.SG-EL	1PL-GEN	лес-PL-OBL-IN-N.SG
herir-ul=ri		arslan	
<N.SG>жить.IPFV-CVB=PRET		лев(N)[ABS]	
‘Давным-давно жил в наших лесах лев.’			
(Лев и Заяц: Даргинская сказка. Махачкала, 2014)			

Пример (7) показывает согласование местного падежа существительного в аварском языке: форма инлатива от существительного *tusnaq* ‘тюрьма’ согласуется во множественном числе с абсолютивом *hel* ‘они’:

(7) аварский

hel-gi	tusnaq-al-u<ɾ>e	r-it'e
dem.ABS.PL-ADD	тюрьма(N)-SG.OBL-<PL>INLAT	PL-посылать.IMP
‘...и отправь их в тюрьму.’ [Алексеев, Атаев, 1997, с. 47]		

Наличие согласовательного маркера в парадигме местных падежей – феномен довольно устойчивый, встречается в языках разных групп (лакский, андийские, даргинские). Местные падежи маркируют, в основном, сирконстанты и в синтаксическом плане схожи с наречиями. Кроме того, парадигмы местных падежей часто отличаются и морфологически от «основной» парадигмы существительного. Наличие же согласовательного маркера в одном из основных падежей, т.е. в падеже, маркирующем главный актант глагола, – это действительно редкий феномен даже внутри нахско-дагестанской семьи. В андийском языке и в туки-тинском диалекте каратинского языка согласовательный слот имеется в форме аффективного падежа. Это падеж, маркирующий первый актант экспериенциальных глаголов. Так, в примере (8) из андийского

языка экспериенциальный актанта глагола ‘видеть’ *ilu-b-o/ilu-r-o* ‘мать’ согласуется с абсолютивом клаузы: в (8a) согласование в третьем роде со словом *q'inkom* ‘бык’, а в (8b) – в пятом роде со словом *c'ul* ‘палка’:

(8) андийский

a. <i>ilu-b-o</i>	<i>q'inkom</i>	<i>hago</i>
мать(II)-III.SG-AFF	бык(III)[SG.ABS]	видеть.AOR
‘Мать увидела быка.’		
b. <i>ilu-r-o</i>	<i>c'ul</i>	<i>hago</i>
мать(II)-V-AFF	палка(V)[SG.ABS]	видеть.AOR
‘Мать увидела палку.’		

В примере (9) из тукитинского диалекта каратинского языка форма аффектива существительного *waxja* ‘сын’ содержит маркер согласования по третьему роду *-ba*. Контролером согласования, скорее всего, является клауза (‘знает, что P’), или же это дефолтное согласование:

(9) каратинский, тукитинский диалект

<i>waxja-š:u-ba</i>	<i>b-iʕi-dak'a</i>
сын(I)-SG.OBL-III.SG.AFF	III.SG-ЗНАТЬ-PRS
‘Сын знает.’ [Магомедова, Халидова, 2001, с. 449]	

Согласуемого аффектива нет больше ни в одном дагестанском языке. Очевидно, что согласуемый аффектив был общеандийским явлением, но во все остальных андийских языках этот падеж окаменел в форме одного из согласовательных родов. Таким образом, согласование в ядерных падежах не может считаться диахронически устойчивым феноменом. Морфосинтаксически существительные выделяются среди нестандартных мишеней согласования тем, что возможность согласования имеется (на ограниченном участке парадигмы) у всех существительных, а не у группы лексем, как это происходит с мишенями, рассмотренными выше. Подробнее о согласовании существительных в дагестанских языках см. [Chumakina, 2019].

За исключением существительных, все остальные нестандартные мишени согласования представлены в большом количестве языков, но на ограниченном количестве лексем, согласуемые единицы не имеют единого диахронического источника и в целом представляют собой морфосинтаксическую аномалию, которая тем не менее представлена в нахско-дагестанской семье довольно широко. Можно было бы ожидать, что наличие согласовательной позиции у нестандартных мишеней, будучи морфологическим реликтом, не подразумевает никакой функциональной нагрузки и что согласование происходит автоматически,

копируя поведение стандартной мишени – предиката. Однако нестандартные мишени согласования обнаруживают некоторые неожиданные свойства, рассматриваемые в следующем разделе.

3. Несогласовательные функции согласовательных маркеров

Утверждение, что нестандартные мишени согласования имеют своим контролером абсолютив и в этом смысле ведут себя так же, как предикат клаузы, верно для простых случаев. В этом разделе рассматриваются более сложные случаи: наличие в клаузе более одного потенциального контролера (3.1) и использование нестандартной мишени в качестве маркера информационной структуры (3.2).

3.1. Нестандартные мишени согласования в биабсолютивных конструкциях

Почти во всех дагестанских языках возможна биабсолютивная конструкция, когда оба основные актанта транзитивного глагола оформляются абсолютивом. Эта конструкция возможна только при имперфективном предикате, который обычно реализуется аналитически. Лексический компонент аналитического предиката при этом согласуется с абсолютивом объекта, а вспомогательный глагол – с абсолютивом субъекта. Если же в клаузе имеется, например, согласуемое наречие, у которого только один согласовательный слот, то мы оказываемся в ситуации выбора контролера согласования. Существующие грамматические описания, насколько мне известно, эту проблему не обсуждают. Так, в описании синтаксиса лакского языка говорится о наличии согласуемых наречий («Наречия и падежные формы на **-най/-нмай/-ннай** могут согласовываться с подлежащим» [Казенин, 2013, с. 101]) и приводится следующий пример:

(10) лакский

s:ut:ixun<m>aj	Barzulaw-qul	и:ar
к.осени<I.PL>	Барзулав(1)-PL.ABS	молотьба(IV)[SG.ABS]
d-urnu	b-ija	
IV.SG-заканчивать.PFV	I.PL-БЫТЬ.PST	
‘К осени семейство Барзулава закончило молотьбу.’		
[Казенин, 2013, с. 98]		

В этом примере показана биабсолютивная конструкция с аналитическим предикатом; лексический компонент *d-urnu* ‘заканчивать’ согласуется с абсолютивным объектом *ġ:ar* ‘молотьба’, а вспомогательный

глагол *b-ija* согласуется с абсолютивным субъектом *Barzulawqul* ‘Барзулавы’. Наречие *s:ut:ixun<m>aj* ‘к осени’ согласуется с ним же, но эта возможность согласования обусловлена тем, что наречие употреблено в биабсолютивной конструкции, в эргативно-абсолютивном варианте наречие должно согласовываться с абсолютивом-объектом.

В грамматике арчинского языка [Кибрик и др., 1977] согласование нестандартных мишеней в биабсолютивной конструкции не обсуждается, но в статье 1979 г. А.Е. Кибрик, обсуждая согласование дативного местоимения, утверждает, что контролером согласования в биабсолютивной конструкции может быть только субъект [Kibrik, 1979]. Однако результаты моей полевой работы 2014 г. в селении Арчи дали другие результаты: все говорящие признали грамматичными примеры типа (11):

(11) арчинский

<i>buwa</i>	<i>b-ez</i>	<i>χ^walli</i>	<i>b-a-r-ši</i>
мать(II)[SG.ABS]	III.SG-1SG.DAT	хлеб(III)[SG.ABS]	III.SG-делать-IPFV-CVB
<i>d-i</i>			
II.SG-быть.PRS			
‘Мать делает мне хлеб.’			

Предикат состоит из конверба *b-a-r-ši* ‘делать’, согласующегося с объектом *χ^walli* ‘хлеб’ и вспомогательного глагола *d-i*, согласующегося с субъектом *buwa* ‘мать’. Местоимение *b-ez* ‘мне’ согласуется с объектом *χ^walli* ‘хлеб’ при помощи приставки *b-*. Только трое из десяти опрошенных признали грамматичным вариант, в котором дативное местоимение согласуется с субъектом *buwa* ‘мать’:

(12) арчинский

<i>[?]buwa</i>	<i>d-ez</i>	<i>χ^walli</i>	<i>b-a-r-ši</i>
мать(II)[SG.ABS]	II.SG-1SG.DAT	хлеб(III)[SG.ABS]	III.SG-делать-IPFV-CVB
<i>d-i</i>			
II.SG-быть.PRS			
<i>[?]</i> ‘Мать делает мне хлеб.’			

Дативное местоимение, таким образом, стандартно согласуется с объектом. Факторы, влияющие на выбор контролера согласования дативного местоимения (у того меньшинства говорящих, которые допускают варианты с обоими контролерами), требуют дальнейшего изучения. Согласуемые наречия стандартно допускают согласование как с объектом, так и с субъектом биабсолютивной конструкции:

(13) арчинский

Pat'i	dit:au	χ ^{rw} ib
Пати(II)[SG.ABS]	рано<III.SG>	картошка(III)[SG.ABS]
b-o<r>klin-ši	d-i	
III.SG-<IPFV>-копать.IPFV-CVB	II.SG-быть.PRS	
‘Пати рано копает картошку.’		
(Рано для картошки, она еще не созрела)		

(14) арчинский

Pat'i	dit:a<r>u	q ^w wib
Пати(II)[SG.ABS]	рано<II.SG>	картошка(III)[SG.ABS]
b-o<r>klin-ši	d-i	
III.SG-<IPFV>копать.IPFV-CVB	II.SG-быть.PRS	
‘Пати рано копает картошку.’		
(Пати рано встала и копает картошку)		

Примеры (13) и (14), как видно из примечаний к переводам, имеют разное значение: в примере (13) наречие *dit:au* ‘рано’ имеет сферой действия объект *q^wwib* ‘картошка’ и согласуется с ней в третьем роде. В примере (14) наречие *dit:a<r>u* ‘рано’ имеет сферой действия субъект *Pat'i* и согласуется с ней во втором роде.

Все примеры в этом разделе получены методом элицитации: биабсолютивная конструкция встречается в текстах относительно редко, а согласуемых наречий в арчинском языке довольно мало, поэтому вероятность обнаружить нужную конструкцию в тексте ничтожно мала. Надо сказать, что при переводе на арчинский язык первым вариантом всегда предлагается предложение, где наречие согласуется с абсолютивом объекта, как показывает пример (15).

Биабсолютивная конструкция с двумя наречиями:

(15) арчинский

zon	abbadij<t'>u	allij<t'>u	gudum-mi-n'
1SG.ABS	всегда<IV.SG>	бесплатно<IV.SG>	TOT.I.SG-OBL.SG-GEN
nokl	mu	a-r-ši	w-i
дом(IV)[SG.ABS]	быть.хорошим	[IV.SG]делать-IPFV-CVB	I.SG-быть.PRS
‘Я его дом все время бесплатно ремонтирую.’			

В примере (15) имеются два наречия: *abbadij<t'>u* ‘все время, вечно’ *allij<t'>u* ‘бесплатно’. Оба наречия согласуются в четвертом роде с абсолютивом *nokl* ‘дом’. Однако возможен и вариант, при котором наречие ‘все время’ согласуется с абсолютивом субъекта *zon* ‘я’:

(16) арчинский

zon	abbadij<w>u	allij<t'>u	gudum-mi-n
1SG.ABS	всегда<I.SG>	бесплатно<IV.SG>	TOT.I.SG-OBL.SG-GEN
nokl'	mu	a-r-ši	w-i
дом(IV)[SG.ABS]	быть.хорошим	[IV.SG]делать-IPFV-CVВ	I.SG-быть.PRS
'Я его дом все время бесплатно ремонтирую.'			

Как кажется, такую вариативность можно объяснить различиями в сфере действия наречия: 'бесплатно' относится больше к тому, как именно происходит ремонт дома, а 'все время' модифицирует все предложение и больше связано с субъектом. Вариант, при котором оба наречия согласуются с субъектом, был охарактеризован моим переводчиком как «неудачный», но только вариант, представленный в предложении (17), был признан однозначно неграмматичным:

(17) арчинский

*zon	abbadij<t'>u	allij<w>u	gudum-mi-n
1SG.ABS	всегда<IV.SG>	бесплатно<I.SG>	TOT.I.SG-OBL.SG-GEN
nokl'	mu	a-r-ši	w-i
дом(IV)[SG.ABS]	быть.хорошим	[IV.SG]делать-IPFV-CVВ	I.SG-быть.PRS
* 'Я его дом все время бесплатно ремонтирую.'			

Неграмматичность примеров типа (17) показывает, что выбор контролера наречий подчиняется определенным правилам, и эти правила скорее семантического, чем чисто синтаксического характера.

Поведение нестандартных мишеней согласования в биабсолютивной конструкции в хонохском диалекте хваршинского языка подробно рассматривается в [Chumakina, Lyutikova, ms], но в целом поведение таких мишеней в ситуации наличия более одного контролера изучено недостаточно. Между тем, согласование наречий, например, в арчинском языке демонстрирует отличие биабсолютивных конструкций от обычных биклаузалных конструкций (о биклаузальной интерпретации биабсолютивов см. [Gagliardi et al., 2014]). Так, согласуемое наречие в клаузе, возглавляемой уступительным конвербом, может согласовываться только с абсолютивом этого конверба. Так, в (18) наречие *dit:a<r>u* 'рано' может иметь своим контролером только абсолютив *zon* 'я'.

(18) арчинский

zon	dit:a<r>u	d-aq'a-šaw
1.SG.ABS	рано<II.SG>	II.SG-приходить.PFV-CONC
maršrutka		oq'a
маршрутка(IV)[SG.ABS]		[IV.SG]уходить.PFV
'Хотя я рано пришла (на остановку), маршрутка уехала.'		

Согласование наречия с абсолютивом *maršrutka* является неграмматичным:

(19) арчинский

*zon	dit:a<t'>u	d-aq ⁵ a-šaw
1.SG.ABS	рано<IV.SG>	II.SG-приходить.PFV-CONC
maršrutka		oq ⁵ a
маршрутка(IV)[SG.ABS]		[IV.SG]уходить.PFV
‘Хотя я рано пришла (на остановку), маршрутка уехала.’		

3.2. Нестандартные мишени согласования как маркеры информационной структуры

В данном разделе представлены предварительные итоги изучения поведения согласуемых наречий и демонстративов в хонохском диалекте хваршинского языка. Данные получены в ходе полевой работы в июле 2019 г., селение Хонох.

В хонохском диалекте имеются собственно согласуемые наречия, например *adi* ‘здесь’. Примеры (20) и (21) показывают согласование этого наречия с абсолютивом клаузы:

(20) хваршинский, хонохский диалект

kaɖ ^ɭ	a<j>di	goɭe
девочка(II)[SG.ABS]	<II.SG>здесь	COP.PRS
‘Девочка здесь.’		

(21) хваршинский, хонохский диалект

zi ⁿ hi ⁿ	adi	goɭe
корова(III)[SG.ABS]	<III.SG> здесь	COP.PRS
‘Корова здесь.’		

Бытийная связка *goɦe*, как видно из примеров, не имеет согласовательной позиции. Но в хонохском диалекте существуют предикативные демонстративы *ae* ‘вот’ (близко к говорящему) и *oe* ‘вон’ (дальше от говорящего), диахронически связанные с группой наречий со значением ‘здесь’ и ‘там’. В отличие от наречий, эти демонстративы могут возглавлять клаузу (22) и не употребляются со связкой (23):

(22) хваршинский, хонохский диалект

a<ɾ>e	šog	/	o<ɾ>e	šog
<IV.SG>вот	кастрюля(IV)[SG.ABS]	/	<IV.SG>вон	кастрюля(IV)[SG.ABS]
Вот кастрюля. / Вон кастрюля.				

(23) хваршинский, хонохский диалект

*a<ɾ>e	šog	goḷe /
<IV.SG>ВОТ	кастрюля(IV)[SG.ABS]	COP.PRS /
*o<ɾ>e	šog	goḷe
<IV.SG>ВОН	кастрюля(IV)[SG.ABS]	COP.PRS
*Вот кастрюля. / *Вон кастрюля.		

Демонстративы могут употребляться не только в своем прямом значении, но и выступать в роли маркера контрастивного топика, как в предложении (24):

(24) хваршинский, хонохский диалект

ae	di-ja	q'ale	mičah-ab,	Rasule-s
<HPL>ВОТ	1.SG-GEN1	дети.ABS	богатый-HPL	Расул.OBL-GEN1
q'ale	biskin-ab			
дети.ABS	бедный-HPL			
‘Вот мои дети богатые, а Расуловы – бедные.’				

В (24) демонстратив *ae*, согласующийся с абсолютивом *q'ale* ‘дети’, не выражает пространственного значения, а противопоставляет субъект первой клаузы субъекту второй. То же происходит и в предложении (25), где демонстратив *a<j>e* согласуется с абсолютивом первой клаузы *da* ‘я’, противопоставляя его абсолютиву второй клаузы *ma* ‘ты’. В (25) клаузу, содержащую демонстратив, возглавляет глагол *j-i:č'a* ‘проснулась’, что означает, что в качестве маркера топика демонстратив теряет свою предикативность (или, по крайней мере, может терять).

(25) хваршинский, хонохский диалект

da	a<j>e	ašemtl'o	j-i:č'a
1.SG.ABS	<II.SG>ВОТ	время.SUP	II.SG-просыпаться.AOR
ma	j-i:č'aj		
2.SG.ABS	II.SG-просыпаться.NEG		
‘Я вот проснулась вовремя, а ты не проснулась.’			

В предложениях (26)–(27) топиком клаузы выступал абсолютив, и демонстратив согласовывался с ним. В случае же, когда контрастивным топиком является неабсолютивная составляющая, демонстратив согласуется не с ним. Так, в предложении (26) топиком является составляющая в дативе *Rasul-el*, но демонстратив согласуется по третьему роду с абсолютивом *os* ‘деньги’:

(26) хваршинский, хонохский диалект

ae	Rasul-el	os	b-a:qa
<III.SG>ВОТ	Расул-DAT	деньги(III)[SG.ABS]	III.SG-получить.AOR
a	deb-el	b-aqaj	
a	2SG.DAT	III.SG-получить.NEG	

‘Вот Расул получил деньги, а ты не получил.’

То же самое происходит в (27):

(27) хваршинский, хонохский диалект

ae	Rasul-el	b-iq’e	hisab,
<III.SG>ВОТ	Расул-DAT	III.SG-знать	математика(III)[SG.ABS]
deb-el	b-iq’a-jte		
2SG-DAT	III.SG-знать-NEG		

‘Вот Расул знает математику, а ты не знаешь.’

Топиком является составляющая в дативе *Rasul-el*, и демонстратив согласуется по абсолютиву *hisab* ‘математика’. Однако это не единственно возможное согласование. Как показывает пример (28), вариант, при котором контролером согласования демонстратива выступает неабсолютивная составляющая, тоже возможен: в предложении (28) *a<w>e* ‘вот’ согласуется в первом роде с дативом *Rasul-el*:

(28) хваршинский, хонохский диалект

a<w>e	Rasul-el	b-iq’e	hisab,
<I.SG>ВОТ	Расул-DAT	III.SG-знать	математика(III)[SG.ABS]
deb-el	b-iq’a-jte		
2SG-DAT	III.SG-знать-NEG		

‘Вот Расул знает математику, а ты не знаешь.’

Данные хонохского диалекта требуют дальнейшей проверки, но в принципе нам известны случаи употребления согласовательных и предикативных показателей как маркеров информационной структуры в дагестанских языках [Testele, 1998; Kazenin, 2002; Forker, 2016].

Например, в цахурском языке вспомогательный глагол *ixes* выступает как маркер фокуса, ср.

(29) цахурский

a ^h le:	ekin	ez-a	ix-es
Али-ERG	поле(IV)[SG.ABS]	[IV.SG]пахать-IPF	[IV.SG]стать-ПОТ

‘Али будет пахать поле.’

(30) цахурский

a ^h le:	ix-es	ekin	ez-a
Али-ERG	[IV.SG]стать-ПОТ	поле(IV)[SG.ABS]	[IV.SG]пахать-IPF
‘Али будет пахать поле.’ [Казенин, 1999, с. 584]			

В тантынском варианте даргинского языка фокус маркируется перемещением согласуемой связи, которая может согласовываться как с абсолютивом (31), так и с эргативом (32):

(31) даргинский (с. Танты)

χ:ink'-e	pat'imat-li=sa=d	d=irq'-u-se
хинкал-PL	Патимат-ERG=COP=NPL	NPL=делать:IPF-PRS-ATR
čut-ne	ʒa ^h tikat-li	
чуду-PL	Атикат-ERG	

(32) даргинский (с. Танты)

χ:ink'-e	pat'imat-li=sa=r	d=irq'-u-se
хинкал-PL	Патимат-ERG=COP=F	NPL=делать:IPF-PRS-ATR
čut-ne	ʒa ^h tikat-li	
чуду-PL	Атикат-ERG	

(‘Кто готовит хинкал и чуду?’) ‘Хинкал готовит Патимат, а чуду (печет) Атикат’. [Сумбатова, Ландер, 2014, с. 359]

Заключение

Нестандартные мишени согласования в дагестанских языках имеют разное происхождение и – в зависимости от их функции – разные морфосинтаксические свойства. Так, наречия, рассмотренные в статье, допускают вариативность контролера согласования в зависимости от их сферы действия, а демонстративы в своем несобственном значении допускают в качестве контролера неабсолютивную ИГ. Такое поведение сближает эти мишени с согласованием в именной группе (конкорд). Согласование предикативного демонстратива в хваршинском, на первый взгляд, сходно с фокусным употреблением связи в даргинском языке, но это явление требует дальнейших исследований. В целом изучение морфосинтаксического поведения нестандартных мишеней может пролить свет на структуру малых клауз, предикативную природу наречий и на наше общее представление о структуре клаузы в дагестанских языках.

Библиографический список / References

Алексеев, 1998 – Алексеев М.Е. Аварский язык // Языки мира: Кавказские языки / Отв. ред. М.Е. Алексеев. М., 1998. С. 203–216. [Alekseev M.E. Avar. *Yazyki mira: Kavkazskie yazyki*. М.Е. Alekseev (ed.). Moscow, 1998. Pp. 203–216. (In Rus.)]

Алексеев, Атаев, 1998 – Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварский язык. М., 1998. [Alekseev M.E., Ataev B.M. *Avarskii yazyk* [Avar]. Moscow, 1998.]

Казенин, 1999 – Казенин К.И. Фокусная конструкция // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 582–607. [Kazenin K.I. Focus construction. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii*. Kibrik A.E., Testeletz Ya.G. (eds.). Moscow, 1999. Pp. 582–607. (In Rus.)]

Казенин, 2013 – Казенин К.И. Синтаксис современного лакского языка. Махачкала, 2013. [Kazenin K.I. *Sintaksis sovremennogo laksckogo yazyka* [Syntax of the modern Lak language]. Makhachkala, 2013.]

Кибрик и др., 1977 – Опыт структурного описания архинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. М., 1977. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [An experience of structural description of the Archi Language]. Moscow, 1977.]

Кибрик и др., 2007 – Корпус архинских текстов / Кибрик А.Е., Архипов А.В., Даниэль М.А., Кодзасов С.В. 2007. URL: <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/rus/archi/corpus.php> (дата обращения: 17.09.2020) [Kibrik A.E., Arkhipov A.V., Daniel M.A., Kodzasov S.V. 2007. Archi texts corpus. URL: <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/eng/archi/corpus.php>.]

Магомедова, 1999 – Магомедова П.Т. Чамалинско-русский словарь. Махачкала, 1999. [Magomedova P.T. *Chamalinsko-russkii slovar* [Chamalal-Russian dictionary]. Makhachkala, 1999.]

Магомедова, Абдулаева, 2007 – Магомедова П.Т., Абдулаева И.А. Ахвахско-русский словарь. Махачкала, 2007. [Magomedova P.T., Abdulaeva I.A. *Akhvakhsko-russkii slovar* [Akhvakh-Russian dictionary]. Makhachkala, 2007.]

Магомедова, Халидова, 2001 – Магомедова П.Т., Халидова Р.Ш. Каратинско-русский словарь. Махачкала, 2001. [Magomedova P.T., Khalidova R.Sh. *Karatinsko-russkii slovar* [Karata-Russian Dictionary]. Makhachkala, 2001.]

Сумбатова, Ландер, 2014 – Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М., 2014. [Sumbatova N.R., Lander Yu.A. *Darginskii govor seleniya Tanty. Grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa* [Dargin dialect of the village of Tanty. Grammar sketch, syntax issues]. Moscow, 2014.]

Татевосов, 1998 – Татевосов С.Г. Годоберинский язык // Языки мира: Кавказские языки / Отв. ред. М.Е. Алексеев. М., 1998. С. 237–253. [Tatevosov S.G. Godoberi. *Yazyki mira: Kavkazskie yazyki*. М.Е. Alekseev (ed.). Moscow, 1998. Pp. 237–253. (In Rus.)]

Халилов, Исаков, 2005 – Халилов М.Ш., Исаков И.А. Гинухско-русский словарь. Махачкала, 2005. [Khalilov M.Sh., Isakov I.A. 2005. Ginukhsko-russkii slovar [Ginukh-Russian dictionary]. Makhachkala, 2005.]

Gagliardi et al., 2014 – Gagliardi A., Goncalves M., Polinsky M., Radkevich N. Biabsolutives in Lak and Tsez. *Lingua*. 2014. No. 150. Pp. 137–170.

Chumakina, Bond, Corbett, 2016 – Chumakina M., Bond O., Corbett G.G. Essentials of Archi grammar. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. O. Bond, G.G. Corbett, M. Chumakina, D. Brown (eds.). Oxford, 2016. Pp. 17–42.

Chumakina, 2021 – Chumakina M. The agreeing emphatic particle in Archi. *Durkhasi khazna. Sbornik statey k 60-letiyu R.O. Mutalova*. E.A. Maysak, N.R. Sumbatova, Ya.G. Testeleis (eds.). Moscow, 2021. Pp. 451–472.

Kazenin, 2002 – Kazenin K.I. Focus in Daghestanian and word order typology. *Linguistic Typology*. 2002. No. 6. Pp. 289–316.

Chumakina, Bond, Kaye, 2019 – Chumakina M., Bond O., Kaye S. Nouns as targets for clausal agreement. Paper given at the 13th Conference of the Association for Linguistic Typology. University of Pavia, September 6, 2019.

Forker, 2016 – Forker D. Floating agreement and information structure. The case of Sanzhi Dargwa. *Studies in Language*. 2016. Vol. 40. No. 1. Pp. 1–25.

Kalinina, 2002 – Kalinina E. Tsakhur language report. Surrey database of Agreement. 2002. URL: <https://www.smg.surrey.ac.uk/agreement/> (accessed on 12.04.2021).

Kibrik, 1979 – Kibrik A. Canonical ergativity and daghestan languages. *Ergativity*. F. Plank (ed.). London, 1979. Pp. 61–77.

Khalilova, 2009 – Khalilova Z. A Grammar of Khwarshi. Dr. diss. Rijksuniversiteit te Leiden. 2009.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе / About the author

Чумакина Марина Эдуардовна – кандидат филологических наук; научный сотрудник Суррейской морфологической группы факультета литературы и лингвистики, Университет графства Суррей, г. Гилфорд, Великобритания

Chumakina Marina E. – PhD in Linguistics; Research Fellow at the Surrey Morphology Group of School of Literature and Languages, University of Surrey, Guildford, United Kingdom

E-mail: chumakina@mail.ru

Е.Ю. Филимонова

Кембриджский университет,
Кембридж, CB3 9DA, Великобритания

Дательный этический и генитив с предлогом в конфликтных репликах в русском языке

Статья посвящена проблеме внутриязыкового варьирования, которая рассматривается на материале русских конфликтных реплик. Эти высказывания, адресованные слушающему или не-участнику речевого акта, содержат отсылку к лицу говорящего, который, будучи эмоционально вовлеченным в ситуацию, фактически в ней не участвует. Заинтересованность говорящего, как правило, маркируется дательным падежом, который носит название «дательный этический». В русском языке в данной позиции встречается также предложная группа с генитивом «у + Gen». В работе представлена попытка зафиксировать разницу в значении обеих местоименных форм и определить условия их употребления. Представленные данные свидетельствуют о существовании корреляций между падежным оформлением «этического» элемента и модальностью глагола. Мы предполагаем, что эта корреляция регулируется лежащими в ее основе иерархическими структурами.

Ключевые слова: падеж, дательный этический, генитив, модальность, языковые иерархии, конфликтные реплики, русский язык

Благодарности. Автор выражает признательность В.И. Подлесской и Н.В. Перцову за вопросы и замечания, высказанные в ходе обсуждения доклада, прочитанного в секции «Памяти А.Е. Кибрика» на конференции «Звегинцевские чтения 2020. К 60-летию кафедры и отделения теоретической и прикладной лингвистики (30–31 октября 2020 г.)».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Филимонова Е.Ю. Дательный этический и генитив с предлогом в конфликтных репликах в русском языке // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 149–170. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-149-170

E.Yu. Filimonova

University of Cambridge,
Cambridge, CB3 9DA, United Kingdom

Ethical dative and prepositional genitive in conflict-inducing phrases in Russian

This article focuses on the morpho-syntactic structure of conflict-inducing phrases in Russian. These constructions are intended for the addressee or non-participant of the speech act, but also contain reference to the speaker, who effectively does not participate in the situation but is attached to it emotionally. The speaker's attachment to the proposition is usually marked by the so-called Ethical Dative. In Russian, however, Genitive with preposition 'у + Gen' ('at, by' + Genitive, which is also used in possessive constructions rendering the meaning 'to have / to be in the possession of') can also be found in this position. This article seeks to articulate the difference in the meaning of both pronominal forms and identify the contexts in which they are used. The data suggest that there is a correlation between the case marking of the pronoun in the 'ethical' position on the one hand and the verbal modality on the other. We argue that this correlation is governed by the underlying hierarchical structures.

Key words: case marking, ethical dative, genitive, verbal modality, linguistic hierarchies, conflict-inducing phrases, Russian

Acknowledgements. I am grateful to Vera I. Podlesskaya and Nikolai V. Pertsov for their insightful comments on my paper presented at the section In memoriam of Aleksandr E. Kibrik at the 2020 Zvegintsev conference which was dedicated to the 60th anniversary of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University (October 30–31, 2020).

FOR CITATION: Filimonova E.Yu. Ethical dative and prepositional genitive in conflict-inducing phrases in Russian. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 149–170. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-149-170

1. Преамбула

Проявление конфликтогенности, семантические и прагматические характеристики конфликтных реплик на сегодняшний день описаны достаточно подробно. Конфликтные речевые акты включают в себя обвинения, упреки, угрозы, предупреждения, директивы, агрессивные замечания и возражения, насмешку, речевые акты, выраженные с иронией и сарказмом, и т.д. В данном исследовании мы сосредоточились на морфо-синтаксическом оформлении конфликтных реплик в русском языке, которые включают в себя конструкции-угрозы, директивы и агрессивные возражения.

Главной отличительной чертой интересующих нас конфликтных реплик является наличие в них местоименного элемента 1 лица *мне / у меня* и (реже) *нам / у нас*:

- (1) Ты *мне*¹ брось дурака валять!
- (2) Он *у меня / у нас* доиграется!
- (3) А ну замолчали *мне / у меня*!
- (4) Поговори *мне / у меня*!

Во всех этих высказываниях, предназначенных адресату или же не-участнику речевого акта, содержится отсылка к лицу говорящего. Данный местоименный элемент обозначает участника, эмоционально затрагиваемого описываемым событием или данной ситуацией, но фактически в нем или в ней не участвующего², ср.

- (5) Хватит *мне* тут дурака валять!
- (6) Он *у меня* за троих работать будет!

Дательная форма личных местоимений в этих репликах традиционно носит название «дательный этический» (ДЭ) (или «дательный заинтересованного лица»). Для предложной группы с генитивом *у меня* в аналогичных контекстах нет общепринятого термина.

¹ Здесь и далее курсивом выделены интересующие нас местоименные формы. Это выделение курсивом не связано с интонационной маркированностью.

² Это значение эмоциональной вовлеченности в англоязычной литературе называется термином “attachment”. В [АГ-80, §2011, 2708] для соответствующих контекстов был предложен термин «касательство».

С прагматической точки зрения, данная соотнесенность с лицом говорящего не является обязательной и не влияет на оценку истинности высказывания [Michelioudakis, Karogiani, 2013, p. 345]. Что касается синтаксиса, то необязательное присутствие этого элемента не является отражением его факультативной валентности; этот аргумент в принципе «не входит в состав падежной рамки лексического глагола, с которым он используется», или, иначе говоря, «он не является носителем тета-роли, специфицированной глагольной вершиной» [Shibatani, 1994, p. 465]. Подлесская и Рахилина охарактеризовали присутствие данной именной группы (ИГ) как «не субкатегоризированного глаголом актан-та» [Podlesskaya, Rakhilina, 1999, p. 505].

Важной отличительной чертой такого рода конструкций является их абсолютное актуальное использование и невозможность передачи в косвенной речи: **Он сказал, чтобы замолчали у него / ему. *Он сказал, что я ему / у него поговорю или *Он сказал, чтобы я ему / у него поговорил!* [Кодзасов, 2009, p. 197]³.

Дательный этический в русском языке неоднократно обращал на себя внимание лингвистов, начиная от классиков [Шахматов, 1925–1927; Jakobson, 1936] и заканчивая современными исследователями [Машовец, 2000]; однако вариативность и возможность использования в позиции заинтересованного лица предложной группы с генитивом в этих работах не рассматривались.

Задача этой статьи – попытаться зафиксировать разницу в значении местоименных форм, которые встречаются в контексте «касательства»: ДЭ и предложной формы с генитивом – и определить условия их употребления. Александр Евгеньевич Кибрик отмечал: «Языковая форма в норме не безразлична к означиваемой ею когнитивной структуре, и это “небезразличие” нуждается в лингвистическом анализе с целью его обнаружения» [Кибрик, 2003, с. 46].

2. Основные типы конфликтных реплик

2.1. Вводные замечания

Прежде всего, обратимся к классификации конфликтных реплик. Здесь можно выделить угрозы, директивы, а также реплики, выражающие агрессивную реакцию говорящего на происходящее.

³ Кодзасов отмечал также «богатство фонетической техники», которая сопровождает такого рода высказывания. В частности, он указывал, что для конструкций угроз характерна маркированная фонеция и использование «напряженной» и «скрипучей» интонации. Первая является знаком повтора, а вторая – жестом отрицания. При этом для жеста агрессии, которая часто выражается сквозь зубы, характерен узкий раствор рта [Кодзасов, 2009, p. 196].

Для наглядности представления разных типов конструкций мы воспользуемся обозначениями, введенными в [Филимонова, 2014]: пара в скобках (X—Y) будет обозначать лица, представленные в данном высказывании, где в позициях X и Y могут выступать 1, 2 и 3 лица (где на месте не-локутора теоретически может выступать как личное местоимение, так и существительное. Однако в рамках этого исследования мы сузили круг возможных референтов и рассматривали только ситуации, где участники кодировались при помощи личных местоимений.). Позиция слева от знака «—» обозначает главное действующее лицо (субъект), а позиция справа от этого знака обозначает лицо, вовлеченное в ситуацию на эмоциональном уровне; оно занимает нелегитимизированную глаголом позицию и оформлено дативом или предложной группой с генитивом.

Рассмотрим эти конструкции по порядку.

2.2. Конструкции угрозы

2.2.1. Угрозы прямые (или неприкрытые)

Конфликт и внутреннее напряжение между участниками речевого акта могут получить различное речевое выражение: осуждение, упреки, обвинения, угрозы и пр. С точки зрения использования элементов, обозначающих эмоциональную, а не фактическую вовлеченность лиц, для нас интерес представляют высказывания-угрозы. Иллокутивные намерения типа угрозы или предупреждения могут быть выражены напрямую или же содержать скрытое отрицание, т.е. истинное значение высказывания может не соответствовать языковой форме и на самом деле обозначать обратное.

Прямые (или неприкрытые) угрозы наиболее часто оформляются индикативом. Выбор глагольной формы предопределен намерением говорящего в действительности осуществить называемое действие. Глагол, как правило, выражен формой будущего времени (простого или сложного). Тем самым передается значение предначертанности или неизбежности заявленного действия. Значение, имплицуемое в этих конструкциях, можно передать так: '[Я (мы) сделаю (сделаем) так, что] ты (вы) / он (и) + глагол в индикативе, будущее время'. Приведем примеры.

(2/3—1) + V_{Indicative}

(2—1):

- (7) Ты мне еще пошагаешь на плацу, как коза на привязи!
(пример из интернета)

- (8) Ты у *меня*, миленький, вверх тормашками полетишь!
[И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)]⁴
- (9) Ты у *меня* долго не проживешь!
[Ф. Искандер Гигант // Знамя, 2000]
- (10) Ты у *меня* напорешься-таки на то, за что борешься,
это я тебе обещаю, козел.
[А. Кабаков. Последний герой (1994–1995)]

Угроза может быть обращена не только к слушающему, но и к не-слушателю, хотя таких примеров – как в корпусе, так и в интернете – значительно меньше.

(3—⟨1⟩):

- (11) Он у *нас* еще не так запляшет!
- (12) Она *мне* / у *меня* возьмется за ум!
- (13) – Ничего / ничего / товарищ капитан.
Они *мне* это столетие навеки запомнят.
[В. Студенников и др. Комедия строгого режима, к/ф (1992)]
- (14) Завтра он у *нас* узнает, как мамку обижать. Спи, солнышко!
Спи радость моя! Он у *нас* натерпится, он у *нас* в ногах
повалится. (Л. Аввяксова. Когда восходит солнце (2019))
- (15) Наплачется он у *меня*, узнает, каково идти на Троекурова!
[А.С. Пушкин. Дубровский (1833)]
- (16) – Пускай только придет теперь, он у *меня* узнает, можно ли меня
оскорблять! [В.В. Вересаев. Два конца (1899–1903)]

В большинстве случаев в этой конструкции встречаются глаголы совершенного вида, подчеркивающие предуготовленный результат действия, т.е. что именно произойдет в случае осуществления угрозы. Но возможны и примеры с несовершенным видом в будущем времени, где говорящий грозит действием, которое будет осуществляться на протяжении какого-то времени.

(2/3—⟨1⟩) + V_{Indicative, Future Impf}

- (17) Монах молча подошел, навис над ним всей своей
двухметровой громадой: «Еще одно слово –
и ты у *меня* вон в том кипящем котле купаться будешь».
[Д. Соколов-Митрич. Лёша из Лавры // Русский репортер. 2015]

⁴ Авторская атрибуция примеров из НРКЯ, в соответствии с принятой конвенцией, дается в квадратных скобках. В круглых скобках помечены примеры не из корпуса. Примеры без указания источника получены методом интроспекции.

- (18) Ты у *меня* всю жизнь будешь платить!
[А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991–2000)]
- (19) Ты у *меня* еще барыней ходить будешь. [П.Ф. Якубович.
В мире отверженных. Т. 2 // Русское богатство, 1898]
- (20) – Я, – говорит, – знаю как. Постой: он у *меня* будет знать,
как товарищей в яму сажать. [С.Т. Семенов. Катюшка (1899)]

Порядок следования элементов в местоименном тандеме⁵ является закрепленным: подлежащее (лицо, которое будет осуществлять задуманное говорящим действие) + лицо заинтересованное (в нашем случае говорящий; в дательном падеже или в форме «у + GEN») – и, как правило, не допускает перестановок. В остальном порядок слов свободен, т.е. между местоименным тандемом и глаголом могут вставляться, например, любого рода дополнения или обстоятельства (в частности, обстоятельства места и времени, имеющие дейктическую отсылку к данному речевому акту или ситуации (*тут, там, сейчас*)), а также модальная частица *еще*, как правило, безударная, которая привносит оттенок иронии и укоризны. Эти высказывания сопровождаются нарочито ироничной интонацией, подчеркивающей эмоционально-экспрессивную вовлеченность говорящего.

(2/3—<1) + V_{Subjunctive}

Помимо индикатива, в глагольной позиции в схожих контекстах нередко употребление сослагательного наклонения. Оно передает ту же угрозу-предупреждение, но в более слабой и смягченной форме. Говорящий грозит адресату, предупреждает, что бы он сделал, будь у него возможность.

(2—<1):

- (21) Эх, счастье твое, что лагерь тут не тот, ты бы у *меня*...
[Ю. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)]
- (22) – Ты бы у *меня* первым делом заплатил за бензин, который спалил в воскресенье, во-вторых, я бы тебе такого нагоняя дал, что ты бы у *меня* за троих работал.
[В. Шукшин. Ночью в бойлерной (1974)]
- (23) Ты бы у *меня* живо смелости набрался...
[А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)]

⁵ Здесь имеется в виду последовательность местоименных элементов, один из которых обозначает адресата угрозы, а другой – эмоционально вовлеченное лицо.

(3—1):

(24) Если бы он мне попался, я бы показал ему кузькину мать, кланусь честью. Он бы у *меня* потанцевал!
(К. Паустовский. Иван Бунин.)

(25) – Ох, знал бы я кто, – сказал Сварог устало. – Он бы у *меня* кровью умылся... (А. Бушков. Рыцарь из ниоткуда.)

2.2.2. Угрозы со скрытым отрицанием

Второй тип конструкций с угрозами (довольно частотный) содержит скрытое (или имплицированное) отрицание. В этом случае форма угрозы, ее языковое представление, не соответствует иллюкутивному намерению. Отрицание при этом носит экспрессивно-иронический оттенок. Говорящий не согласен с происходящим и старается ему противостоять. Он обращается к адресату и на самом деле призывает его остановить действие, причем делает это в конфликтной форме, угрожая ему, что, как правило, выражается интонационно. Однако на поверхностном уровне конструкция не содержит никакого отрицания. Напротив, конструкция выглядит абсолютно идентично той, что мы видели в конструкциях с прямыми угрозами: «местоименный тандем + глагол в индикативе будущего времени (совершенного или несовершенного вида)»:

(26) «Ты у *меня* попереключаешь», – строго сказала жена и отняла пульт. [Ю. Богомолов. Планктон. Теленеделя // Известия, 2002.04.12] (= хватит/перестань переключать)

(27) – Ага! – сказал грубый голос, – попался! Будешь у *меня*⁶ к княжнам ходить ночью!.. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)] (= не надо ходить / не ходи)

(28) – Ты у *меня* поспишь!.. Ты у *меня* поотдыхаешь!.. А ну-ка, подъем, быстро! Тебя что, затем послали, чтобы ты тут дрых?
(И. Егорова. Не знамо Что // Тексты для сцены и экрана)
(= хватит спать и отдыхать)

(29) «Сейчас я тебе помогу», – с ожесточением подумал Чип, доставая из кобуры под курткой 12-зарядную «беретту», а из кармашка на пояском ремне джинсов гранату.
– Я тебе помогу, ты у *меня* поездишь тут, – стиснув зубы, прошипел лежа Чип и выдернул кольцо.
(С. Зверев. Ледяной бронезилет (2018)) (= хватит ездить)

⁶ Иногда в местоименном тандеме первый элемент, обозначающий адресата угрозы, может опускаться. Его референт легко восстанавливается из личного окончания глагола.

В этом месте необходимо сделать два замечания. Первое касается грамматического оформления такого скрытого отрицания. Ю.П. Князев на примере других контекстов обратил внимание, что в конструкциях с экспрессивно-ироническим отрицанием используется совершенный вид [Князев, 2007, с. 91]. Ср. *Есть что рассказать* vs *Есть что рассказывать!*; *Есть чему поучиться* vs *Есть чему учиться!* В нашем случае такая зависимость не наблюдается. Как и в конструкциях с прямыми угрозами, наиболее частотными здесь оказываются конструкции с индикативом совершенного вида, выражающим конечный результат в будущем.

Во-вторых, на месте форм совершенного вида в этом контексте часто употребляются перфективы с приставкой *по-*. Эта приставка имеет делимитативное значение и образует как первичный, так и вторичный перфектив. В случае с вторичным перфективом многие из глаголов будут иметь форму совершенного вида, обозначающую единичное действие, например: *прыгать/прыгнуть*; или результат: *отдыхать/отдохнуть*. Присоединение же приставки *по-* к форме несовершенного вида создает вторичную видовую пару к бесприставочному глаголу, например, *отдыхать/поотдыхать*, *прыгать/попрыгать*. В случаях и с первичными, и со вторичными формами совершенного вида приставка *по-* обозначает действие, ограниченное временным отрезком. Этот временной отрезок воспринимается говорящим как «неделимый». «Подобная временная целостность и лимитивность придает действию характер законченности и неповторяемости – действие становится векторно однонаправленным, совокупным, ситуация приобретает исчерпанность, становится финитивной и теряет потенциальную возможность повторения» [Мустайоки, Пуссинен, 2008, с. 255]. Это значение исчерпанности и законченности является определяющим при использовании в конструкциях угрозы.

2.2.3. Ты/он у меня до...ся

Разновидностью этого же вида конструкций со встроенным отрицанием является конструкция, при которой глагол оформляется циркумфиксом *до-...-ся* [Мельчук, 1995]. И.А. Мельчук приводит пример – ставший хрестоматийным – из советского анекдота:

(30) Ты у меня допереключаешься! (фраза, обращенная к человеку, переключающему программы)

Глагол в этой и подобных конструкциях обозначает достижение нежелательного результата. Такой способ действия иногда называется иронически-результативным [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, 2015, с. 124].

Значение этого типа конструкций, как и предыдущего, сводится к порицанию производимого действия, в противном случае говорящий грозит-ся совершить нечто неприятное для другого лица, ср.:

- (31) Ну, бесстыдница, подожди, ты у *меня* допрыгаешься.
[В. Белов. Привычное дело (1967)]
- (32) Ты у *меня* добегаешься до того, что тебе свернут голову!
[А.С. Грин. Барка на Зеленом канале (1909)]
- (33) – Весельчак гребаный. Ты у *меня* долыбишься...
Несчастный тихо замычал, но из-за того, что на его лице по-прежнему сияла широкая улыбка, Татарский почувствовал к нему иррациональную неприязнь.
[В. Пелевин. Generation «П» (1999)]

Важно отметить, что в конструкциях угрозы (и прямых, и скрытых) наблюдается явное предпочтение к использованию формы «у + GEN». Примеры с дательным этическим возможны, но они малочисленны.

2.3. Директивы

2.3.1. Отрицательные директивы

Конфликтные реплики часто встречаются в контекстах, где говорящий выражает свое несогласие с имеющим место фактом и неодобрение происходящего. Попытка пресечь или остановить осуществление какого-либо действия, предупредить слушающего или не-локутора о нежелательности, неуместности, недопустимости или опасности его поведения может быть выражена при помощи отрицательного директива: *Не ходи один ночью по улицам!*; *Пусть не шляется где попало*. Использование этического местоимения делает эти конструкции более личностными, подчеркивающими эмоциональную вовлеченность говорящего по отношению к излагаемой ситуации.

(2/3—⟨1⟩) + *не* V_{Imperative}

(2—⟨1⟩):

- (34) ...но тут он был в добром расположении духа и разрешил Барбашу нарубить леса на избу, прибавив старосте:
«Да ты смотри у *меня*⁷, рыжая бестия, за лишнее бревно – ребро».
[А.И. Герцен. Кто виноват? (1841–1846)]

⁷ *Смотри мне / у меня*, превратившееся в современном русском языке во фразеологическую единицу, несмотря на отсутствие отрицательной частицы *не*, выражает пожелание предотвращения какого-либо действия. В таких конструкциях сам отрицательный директив часто отсутствует, но он явно подразумевается.

(35) Ты *мне* тут не крестись! – страшным голосом гаркнул на него Момус. (Б. Акунин. Пиковый валет.)

(36) – Ты *мне* тут не дуркуй, – не унимался бородач.
(М. Северов. Мертвые не плачут.)

(3—1):

(37) ...и пусть он *мне* тут не бычится таким носорогом, потому что я найду управу о том, чтобы рог этот раз и навсегда обломать-мать-мать..... (К. Могильник. Иди и люби.)

(38) – И пусть они *мне* не обижаются. Раньше надо было думать.

Часто за императивом следует пояснение – обещание негативных последствий: что случится, если адресат не подчинится или не прислушается к говорящему: как, например, в (34) или в (37).

Побуждение к пресечению действия может выражаться и при помощи фазовых глаголов, обозначающих прекращение действия (*перестать*, *бросить*, *кончать* и др.) или же неопределенно-личного *хватит*.

(39) – Знаешь что, ты *мне* брось все эти глупости городить.
[В. Войнович. Москва 2042 (1986)]

(40) – Ты *мне* перестань о постороннем мечтать!
(Р. Погодин. Лазоревый петух моего детства.)

(41) – Ну, он это уже слышал, и «ну-у, ладно, хватит *мне* тут воспитывать» ...
[А. Клейн. Виктор Шендерович // Пятое измерение, 2002]

(42) Ты у *меня* грубить не смей! Слышишь ты! Кулигин!
[А.Н. Островский. Гроза (1860)]

В данном типе конструкций в позиции эмоционально вовлеченного элемента предпочтительно использование дательного этического, хотя имеются исключения (см. пример из Островского (42)).

Стоит отметить, что в этом типе конструкций характерно использование непереходных глаголов. В случае с переходными глаголами возникает амбивалентность в интерпретации дательных форм. Например, в предложениях Ты *мне* мозги не парь; Ты *мне* зубы не заговаривай местоимение в дативе может быть вынесенным вперед посессором: 'не парь мои мозги', 'не заговаривай мои зубы', а может быть показателем эмоциональной вовлеченности говорящего. Если же в позиции прямого дополнения при переходном глаголе выступает объект отчуждаемой принадлежности, в высказываниях с отрицательным

императивом дательный зачастую обозначает малефактив – лицо, которому совершаемое действие наносит вред или ущерб, и, следовательно, говорящий желает его предотвратить: *Вы мне пол не пачкайте; Ты мне на стене не рисуй.*

Однако это наблюдение не является правилом, и есть примеры с переходными глаголами, где местоимение в дательном обозначает касательство говорящего и является дательным этическим: *Ты мне воду из-под крана не пей; Ты мне дурака не ваяй.*

2.3.2. И чтоб(ы) / а ну + Predicate + ((2)–(1))

Очень неоднородна группа директивов с *чтобы*. Их общее значение можно определить как '[Я хочу,] чтобы ...'. Часто эти конструкции предваряются союзом *и*, который подчеркивает командный статус говорящего:

(43) – Лезь, говорю, и чтоб тихо *мне* там! – Док открыл крышку погреба, толкнул Ирину в темноту.

(А. Таманцев. Погоня за призраком.)

(44) И чтоб *мне* все молчок!

(45) И чтоб у *меня* / *мне* потом марш в постель!

(46) – Плакать нам некогда! И чтобы живо *мне* на работу становиться! Яму копать, в поле идти!.. Кто у вас командир?

(В. Осеева. Васек Трубочев и его товарищи.)

Глагол-связка часто опускается в разговорной речи. При этом, помимо глагола в прошедшем времени после *чтобы*, соответствуя разговорному стилю, в позиции предиката могут употребляться инфинитивы, а также несогласуемые усеченные формы – междометия, которые не имеют четких показателей наклонения, времени и грамматического согласования с подлежащим: *марш, кыш, брысь, молчок, цыц* и др. Сказуемые такого рода указывают на необходимость быстрого выполнения действия.

В некоторых случаях, где контекст или ситуация подразумевает быстрое, мгновенное перемещение в пространстве, сказуемое (и безударное *чтоб(ы)*) вообще опускается, и указывается только цель или место. Скорость действия подчеркивается наречиями *живо, мигом, мухой* и др., а призыв к действию часто задается междометием (*а*) ну(-ка):

(47) – Быстро *мне* все уроки делать!

(48) – Эй, Кадаме, ты еще долго *мне* будешь не слушаться меня?

А ну марш *мне* умываться и здороваться!

(Т. Литовченко. Крысятики.)

(49) – А ну цыц *мне*! А то мигом в утиль отправлю.

(С. Садов. Дело о неприкаянной душе.)

(50) – А ну, цыц *у меня*! Успокоились оба, быстро!

(Е. Веснина. Сила предсказания.)

Как видно из примеров, в конструкциях с директивами используются как дательный этический, так и формы с генитивом.

2.4. Обратное побуждение

В разговорной речи императивные формы могут использоваться для выражения запрещения называемого действия, или обратного побуждения (АГ–80, § 1482). Как и в случае со скрытыми (непрямыми) угрозами, буквальное значение этих высказываний не соответствует иллокутивному намерению: *Поговори мне (еще)!* (= Замолчи!); *Поогрызайся мне (тут) (еще)!* (= Перестань огрызаться!)

V_{Imperative} (Ø—⟨1⟩)

(51) «Что ты сказал, мерзавец?» – «Померзавь *мне* еще», – пригрозил генерал. [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)]

(52) Фельдшер вспылел и крикнул: – Поговори *мне* еще! Дубина...

Яков тоже вспылел и побагровел весь, но не сказал ни слова, а взял под руку Марфу и повел ее из приемной.

[А.П. Чехов. Скрипка Ротшильда (1894)]

(53) Бабушка любила детей, как клуша цыплят, и стояла за них горой.

– Поговори *у меня*! – сердился дед. – Не бабыим умом дела эти делаются. [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]

(54) – Поори *у меня*, поори! – взрывалась бабушка, но я перекрывал

ее своим ревом, и она постепенно сдавалась, принималась меня умасливать. [В. Астафьев. Последний поклон (1968–1991)]

(55) – Поори *мне* еще, сопляк! Самый умный здесь? Что ж тебя тогда второй раз подряд вокруг пальца обвели?

(Ю. Романов. Невский пророк. (2020))

(2—⟨1⟩) + V_{Imperative}

(56) – Ты *у меня* еще хоть раз заикнись об этом, – зашипел он на Томку. [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)]

(57) – Ты *у меня* там еще побубни, – говорит Синицкая.

[В. Козлов. Гопники (2002)]

(58) А ты у меня ломайся, ломайся, мерзавка – я те поломаю!
[Н.Г. Чернышевский. Что делать? (1863)]

Используя такую конструкцию, говорящий побуждает слушающего осуществить называемое действие, если тот хочет убедиться в реальности угрозы. При этом после реального осуществления этого действия может последовать «наказание» или ответная реакция говорящего. Он не горит желанием осуществить свою угрозу, однако предупреждает адресата о серьезности своих намерений [Перцов, 1998, с. 96–97].

С точки зрения падежного оформления заинтересованного лица, конструкции обратного побуждения являются наиболее неоднородными, допускающими обе формы (дательный этический и «у + GEN»).

3. Анализ данных

Если свести все данные в одну таблицу, то становится очевидно, что

- 1) конфликтные реплики строятся по аналогичным шаблонам:
 - для выражения угрозы: субъект – заинтересованное лицо – $V_{\text{IndicFut or Subj}}$
 - для выражения директива и обратного побуждения: (субъект) – заинтересованное лицо – V_{Imper}
 - 2) в падежном оформлении эмоционально вовлеченного участника, или заинтересованного лица, прослеживаются следующие закономерности (табл. 1 и 2):
 - $V_{\text{Indic/Subj}}$ коррелирует с генитивной группой «у + GEN»;
 - V_{Imper} коррелирует с дательным.
- Эти корреляции не являются абсолютными и выражают доминирующие тенденции в оформлении конфликтных реплик.

Таблица 1

Падежное оформление заинтересованного лица в конструкциях угроз [Case marking of the person who is emotionally attached to the situation in the constructions of threats]

Прямые угрозы [Direct threats]	Угрозы со скрытым отрицанием [Threats with implied negation]
Глагол в индикативе (или конъюнктиве) [Verb in the indicative (or subjunctive)]	
Явное предпочтение «у + GEN» [Clear preference for prepositional genitive]	Явное предпочтение «у + GEN» [Clear preference for prepositional genitive]

**Падежное оформление заинтересованного лица
в директивах и конструкциях с обратным побуждением
[Case marking of the person who is emotionally attached
to the situation in directives and constructions
with reverse encouragement]**

Директивы [Directives]	Конструкции с обратным побуждением [Constructions with reverse encouragement]
Глагол в императиве [Verb in the imperative]	
а) отрицательный директив [negative directives]: • дательный этический [ethical dative]	Возможны и дательный этический, и «у + GEN» [Both ethical dative and prepositional genitive are possible]
б) директив с <i>а ну</i> или <i>и чтоб(ы)</i> [directives introduced by the interjection <i>a nu</i> 'now then' or conjunction <i>i chtoby</i> 'in order that' (which is also used after verbs of requests, command or warning)]: • предпочтителен дательный этический, но возможен и «у + GEN» [ethical dative is preferred but prepositional genitive can also occur]	

В этой связи особого обсуждения требует подтип угроз со скрытым отрицанием: (1—<2/3) + V_{pfut}, где на месте элемента, обозначающего эмоциональную вовлеченность, выступают местоимения 2-го или 3-го лица. В этих конструкциях при глаголе совершенного вида в индикативе маркер «касательства» оформляется исключительно дательным падежом, что, казалось бы, нарушает выведенную ранее корреляцию. Ср. примеры.

(1—<2):

(59) – Вот я тебе покатаюсь! [Н. Дубов. Мальчик у моря (1966)]

(60) – Не кантуй! – орал Тёткин. – Я тебе покантую!
[И. Грекова. На испытаниях (1967)]

(1—<3):

(61) – ...Давно на тебя зуб точит.
– Я ему поточу, – сказал Иван. – Последние вышибу.
[Ю. Трифионов. Утоление жажды (1959–1962)]

(62) – ...Подмигивает мне: «Пойдем, говорит, калым с Фомичом делить на покосе».

– Я ему поделло! Окошем по зубам, – кипятился Фомич.

[Б. Можаяев. Живой (1964–1965)]

(63) – ...Может, с кладовщиком разговаривает.

– Я вот ему поразговариваю. Тащить его сюда вместе с продуктами! [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)]

Сама по себе эта конструкция примечательна тем, что в скрытой форме кодирует *двойную* информацию: она не только обозначает иронически-отрицательный способ действия, но и содержит обратное кодирование участников действия, а именно: говорящий выступает в качестве агенса, а слушающий, который вроде должен был бы прекратить действие, называемое глаголом, т.е. по сути является его исполнителем, кодируется дательным:

– *Я тебе* пошучу! = '*ты* перестань шутить / *ты* не шути'

– *Я тебе* попереключаю! = '*ты* перестань переключать / *ты* не переключай'

Следуя законам симметрии, эквивалентом такой конструкции в прямых угрозах были бы выражения типа *Я тебе (те) покажу! Я тебе (те) дам! Я тебе (те) устрою!*, где говорящий выступает в качестве агенса – лица, которое намерено осуществить угрозу по отношению к слушающему.

Мне представляется, что здесь мы имеем дело не с дательным этическим, а с *малефактивом*, т.е. с формой, которая обозначает лицо, не являющееся агенсом, или пациенсом; однако совершаемое действие может причинить ему вред или быть направленным против него⁸. Если мы определяем функцию «этического» падежа как обозначение лица, эмоционально затронутого событием, а также как выражение личностной оценки или отношения к описываемому событию или результату – при этом лицо в позиции дательного этического, будучи *эмоционально* вовлеченным в ситуацию, *фактически* не задействовано в ней – то данная конструкция, несмотря на соблазн рассмотреть разные комбинаторные сочетаемости в местоименном тандеме, не подпадает под это определение, а следовательно, не противоречит выведенной корреляции.

⁸ В отношении этой конструкции наша позиция, по сравнению с [Филимонова, 2014], изменилась.

4. 'Мне' или 'у меня'?

4.1. Заинтересованность и посессивность

В чем разница между «этическими» формами в дательном и предложной группе с генитивом? Попробуем разобраться, какое значение, заложенное в обе падежные формы, объясняет их использование в контексте, обозначающем эмоциональную вовлеченность, а также есть ли между ними разница.

На наш взгляд, использование обеих форм в значении касательства базируется на понятийной категории посессивности. Анализируя конструкции с внешним посессором, А.Е. Кибрик отмечал, что предложная группа «у + GEN» с одушевленным референтом является «наиболее нейтральным способом выражения экстрапонируемого посессора. <...> Выражение [посессора] дативом совмещает направлятельное и адресатное значение. Датив в этой конструкции коррелирует также с присущим этому падежу значением 'лица, затронутого данным событием'» [Кибрик, 2003, с. 315]. Мы полагаем, что использование обеих форм в значении касательства подразумевает наличие посессивных отношений между говорящим и другим задействованным лицом. Очевидно, что «собственность» в этом контексте понимается весьма метафорически, поскольку не предполагает фактического владения или обладания одного лица другим. В конструкциях с внешним посессором одним из основных условий является наличие отношений части–целого [Herslund, Baron, 2001, p. 15], т.е. если перенести это на межличностные отношения, говорящий как бы формирует единое целое с другим лицом – слушающим или не-участником речевого акта. В этом «целом» говорящий видит себя главным, т.е. именно он «владеет» ситуацией, и слушающий и не-локутор находятся в подчинении у говорящего или некой зависимости от него.

В разных работах Кибрик (вслед за Чейфом, а также Куно и Кабураки) указывал, что с точки зрения коммуникативного устройства, в предложениях с внешним посессором «посессор является локальным фокусом эмпатии» [Кибрик, 2003, с. 309]. Следовательно, ДЭ и генитив с предлогом выполняют общую коммуникативную функцию, однако они привносят разные аспекты в значение высказывания. Выбор формы «у + GEN», возможен только в том случае, если говорящий и другой участник могут быть представлены как члены группы лиц, объединенных неким общим концептом, и говорящему позволительно занять менторскую позицию по отношению к другому лицу. Если же отношения между говорящим и другими лицами исключают возможность подобной субординационной связи, то в «этическом» контексте используется датив. Следовательно, в конфликтных репликах конструкции

с предложной группой в генитиве являются более сильными, поскольку предполагают впоследствии активные действия со стороны говорящего, который заявляет не только свою эмоциональную вовлеченность, но и свое владение ситуацией.

Можно суммировать это так: форма с генитивом сигнализирует большую способность вовлеченного лица контролировать и воздействовать на ситуацию, а ДЭ обозначает касательство своего референта, его заинтересованность в происходящем.

Анализируя английские конструкции с посессивным дательным и ДЭ, А. Хюблер делает вывод, что посессивный дательный означает, что говорящий приближается к объекту касательства. А при ДЭ – что объект касательства приближается к говорящему. Он называет это *adoptive* (восприимчивой) и *adaptive* (приспосабливающейся) разновидностями касательства говорящего [Hübler, 1998, p. 47]. Адаптируя его схему к русскому языку, получим следующее:

- ты/он ← у меня (т.е. говорящий сам приближается и приспосабливается к объекту касательства; говорящий заявляет не только свою вовлеченность, но и то, что ситуация ему подконтрольна);
- ты/он → мне (т.е. говорящий приближает объект касательства к себе и заявляет свою заинтересованность).

Можно утверждать, что при выборе генитивной группы говорящий подчеркивает большую степень контроля над происходящим. И с точки зрения эмпатии, генитивная группа оказывается более сильной: «у + GEN» > ДЭ.

4.2. Связь между оформлением предиката и падежным маркированием заинтересованного лица

Каким образом падежное маркирование эмоционально вовлеченного лица связано глагольным оформлением? П. Дурст-Андерсен в своих работах продвигает классификацию падежей, согласно которой родительный является экстравертивным падежом, а дательный – интровертивным⁹. Экстравертивный падеж используется для обозначения «объективной» реальности (т.е. кодирующей существование мира вне нас), а интравертивный – для обозначения «субъективной» реальности (или мира, соотносимого с нами) [Дурст-Андерсен, 2000; Durst-Andersen, Lorentzen, 2017].

⁹ Это наблюдение о «направленности» в значении падежей соответствует выводу, сделанному Хюблером о направленности касательства в конструкциях с посессивным дательным и ДЭ (см. п. 4.1).

Эти понятия экстравертивности и интровертивности, несомненно, приложимы к системе выбора глагольного наклонения при оформлении высказывания: объективная реальность кодируется индикативом, а субъективная, то, что потенциально может осуществиться только после соответствующего побуждения, – императивом.

Как увязать эти наблюдения и выведенные корреляции?

В отношении конструкций с «этическим» элементом я предполагаю существование двух иерархий, которые играют роль при их оформлении, а именно:

– иерархии эмпатийности:

«у + GEN» > ДЭ;

– иерархии объективности (или утвердительности), того, что существует и может существовать:

индикатив > конъюнктив > императив

Разные ступени иерархии эмпатийности обозначают разную степень касательства. У генитивной группы она выше. Лицо, оформленное генитивом, не только эмоционально вовлечено в ситуацию, но и заявляет о своей возможности осуществить контроль над исполнением угрозы. А разные ступени иерархии объективности отражают разницу в объективной реальности действия: индикатив передает объективно существующую реальность, а императив высказывает пожелание к ее воплощению. Таким образом, сочетание индикатива с родительным и императива с дательным представляется вполне оправданным:

– индикатив обозначает и подчеркивает действительность происходящего, поэтому в конфликтных репликах его сочетание с экстравертивным маркером (генитивом) лишний раз подчеркивает контроль говорящего над ситуацией и его решительность в осуществлении обещанного;

– императив же выражает пожелание, требование, повеление; и все же в контрасте с индикативом угрозы директив представляется менее категоричным и безусловным, что объясняет его сочетание с интровертивным маркером (дативом).

При оформлении рассматриваемых конструкций эти две иерархии как бы наслаиваются одна на другую, в результате мы получаем скалярное распределение форм. Ср. шкалу с глаголом *говорить*:

Ты у меня поговоришь (еще) > Ты мне поговоришь (еще) > Поговори у меня > Поговори мне

Именно этим, на мой взгляд, объясняются случаи, в которых в выборе глагольных и падежных форм наблюдается отклонение от выведенных корреляций.

5. Вместо заключения

А.Е. Кибрик в работе 2008 г. размышлял о когнитивной мотивированности языковой формы:

«Теоретически имеются два пути установления отношений между процессами языковой деятельности и мыслительными процессами (и стоящими за ними когнитивными структурами):

- от мышления к языку или
- от языка к мышлению

К сожалению, на практике первый путь пока еще недостаточно перспективен ввиду недостаточности наших знаний о механизмах и единицах мышления. <...> Наоборот, в настоящий момент второй путь может не только объяснить, почему языки устроены так, как они устроены (а это является главной целью лингвистической теории), но и способствовать реконструкции существенных характеристик собственно когнитивной структуры» [Кибрик, 2008, с. 52–53], а это открывает возможность «целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы» [Там же, с. 53].

В глобальной перспективе это означает, что установление языковых корреляций и соответствий может быть «косвенным свидетельством организации когнитивной структуры» [Там же, с. 51] и иметь значение не только для понимания дистрибутивных ограничений в организации языковых форм, но и воссоздания связей между когнитивными структурами. Возможно, данное исследование станет вкладом в эту копилку знаний о когнитивных структурах.

Библиографический список / Reference

АГ-80 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. В 2-х т. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). In two vols. Moscow, 1980.]

Дурст-Андерсен, 2000 – Дурст-Андерсен П. Предложно-падежная система русского языка. Понятие контакт vs. неконтакт // Логический анализ языка: Языки пространств / Под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левониной. М., 2000. С. 135–151. [Durst-Andersen P. Case and prepositional system in Russian. The notion of ‘contact’ vs. ‘noncontact’. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki prostranstv*. N.D. Arutyunova, I.B. Levontina (eds.). Moscow, 2000. Pp. 135–151. (In Rus.)]

Зализняк, Микаэлян, Шмелев, 2015 – Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М., 2015. [Zaliznyak A.A., Mikaelyan I.L., Shmelev A.D. *Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defence of the aspectual pair]. Moscow, 2015.]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 307–319. [Kibrik A.E. External

possessor in Russian. *Konstanty i peremennye yazyka*. St. Petersburg, 2003. Pp. 307–319. (In Rus.)]

Кибрик, 2008 – Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77. [Kibrik A.E. Linguistic reconstruction of the cognitive structure. *Voprosy jazykoznanija*. 2008. No. 4. Pp. 51–77. (In Rus.)]

Князев, 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. [Knyazev Yu.P. Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective [Grammatical semantics: Russian language in typological perspective]. Moscow, 2007.]

Кодзасов, 2009 – Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М., 2009. [Kodzason S.V. Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii [Studies in the field of Russian prosody]. Moscow, 2009.]

Машовец, 2000 – Машовец Е.Н. Конструкции с дательным этическим в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. [Mashovets E.N. Konstruktsii s datelnym eticheskim v sovremennom russkom yazyke [Constructions with ethical dative in contemporary Russian]. PhD diss., Lomonosov Moscow State University. 2000.]

Мельчук, 1995 – Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл–текст». М., Вена, 1995. [Melchuk I.A. Russkii yazyk v modeli «Smysl–tekst» [Russian language in the 'Meaning–Text' model]. Moscow; Vienna, 1995.]

Мустайоки, Пуссинен, 2008 – Мустайоки А., Пуссинен О. Об экспансии глагольной приставки *po* в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы / Под ред. А. Мустайоки, М.В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 247–275. [Mustaioki A., Pussinen O. On the expansion of the verbal prefix *po* in contemporary Russian. *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody*. A. Mustaioki, M.V. Kopotev, L.A. Biryulin, E.Yu. Protasova (eds.). Helsinki, 2008. Pp. 247–275. (In Rus.)].

Перцов, 1998 – Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения II. (Императив в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 88–101. [Pertsov N.V. On the problem of invariant grammatical meaning II. (Imperative in Russian). *Voprosy jazykoznanija*. 1998. No. 2. Pp. 88–101. (In Rus.)]

Филимонова, 2014 – Филимонова Е.Ю. Чужой среди своих – дательный этический в русском языке // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб., 2014. С. 293–313. [Filimonova E.Yu. A stranger among his own. Ethical dative in Russian. *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgenevicha Kibrika*. V.A. Plungian (ed.). St. Petersburg, 2014. Pp. 293–313. (In Rus.)]

Шахматов, 1925–1927 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1925–1927. [Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [Syntax of Russian]. Leningrad, 1925–1927.]

Durst-Andersen, Lorentzen, 2017 – Durst-Andersen P., Lorentzen E. Pure case and prepositional case in Russian. *Russian Linguistics*. 2017. Vol. 41. Pp. 177–221.

Herslund, Baron, 2001 – Herslund M., Baron I. Introduction: Dimensions of possession. *Dimensions of Possession*. I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). Amsterdam, 2001. Pp. 1–25.

Hübler, 1998 – Hübler A. The expressivity of grammar: Grammatical devices expressing emotion across time. Berlin, 1998.

Jakobson, 1936 – Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. *Travaux du cercle linguistique de Prague*. 1936. Bd. 6. S. 240–288.

Michelioudakis, Kapogiani, 2013 – Michelioudakis D., Kapogiani E. Ethical datives: A puzzle for syntax, semantics, pragmatics, and their interfaces. *Syntax and its Limits*. R. Folli, C. Sevdali, R. Truswell (eds.). Oxford, 2013. Pp. 345–369.

Podlesskaya, Rakhilina, 1995 – Podlesskaya V.I., Rakhilina E.V. External possession, reflexivization and body parts in Russian. *External Possession*. D.L. Payne, I.B. Barshi (eds.). Amsterdam, 1999. Pp. 505–521.

Shibatani, 1994 – Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives. *Berkeley Linguistic Society*. 1994. Vol. 20. Pp. 461–486.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе /About the author

Филимонова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук; старший преподаватель русского языка секции славистики факультета современных и средневековых языков и лингвистики, Кембриджский университет, Великобритания

Elena Yu. Filimonova – PhD in Linguistics; Senior Language Teaching Officer in Russian, Slavonic Studies Section, MMLL Faculty, Cambridge University, United Kingdom

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1958-3213>

E-mail: ef263@cam.ac.uk

Информация для авторов

«Rhema. Рема» – журнал открытого доступа в области лингвистики, филологических исследований и методики преподавания языков и литературы.

Приоритет отдается исследовательским работам, опирающимся на четко обозначенные системы терминов и методы лингвистического и филологического анализа, сочетающим общетеоретическую перспективу с анализом конкретного языкового материала (для лингвистических работ) и текстологического материала (для филологических работ). Для исследований в области преподавания языков и литературы важна практическая ценность представленных методик, их соотнесенность с основными тенденциями в теоретических, методологических и опытно-экспериментальных педагогических исследованиях.

Тематика журнала

Рубрика «Филология. Текстология»

Принимаются к рассмотрению статьи, посвященные исследованию различных текстов: литературных, фольклорных и научных, если они были связаны с исследованием литературы, фольклора и языка, – а также статьи, посвященные осмыслению художественного словесного творчества и его связей с протекающей рядом литературной деятельностью (литературная критика, письма, дневники, записные книжки, мемуары и т.п.).

Мы не ограничиваем авторов в выборе периода, жанра, стиля, течения или направления для исследования, главное – соответствие статьи представленным выше характеристикам (научная новизна, анализ текстового материала, знакомство с литературой в проблемной области и адекватность изложения).

Рубрика «Лингвистика»

Принимаются к рассмотрению статьи по теории языка (фонология, морфология, синтаксис, семантика, дискурсивный анализ), ареальному, типологическому и диахроническому изучению языков мира, а также экспериментальной, корпусной и компьютерной лингвистике. Приоритетом пользуются статьи, в которых применяются формальное моделирование и точные методы исследования языка.

Диапазон языков, на материале которых может базироваться статья, не ограничен, однако редколлегия журнала оставляет за собой право рекомендовать подачу статьи в другой журнал при невозможности обеспечить достаточный уровень экспертизы для редких и малоизученных языков.

Журнал не принимает к публикации исключительно дескриптивные статьи, не имеющие отчетливой теоретической или прикладной направленности, а также статьи, посвященные исследованию языкового сознания и описанию конкретных языковых концептов. Статьи, посвященные лингвистическому анализу литературного текста, должны быть направлены в рубрику «Филология. Текстология».

Рубрика «Методика»

Принимаются к рассмотрению статьи по методике преподавания русского языка как родного, неродного, русского языка как иностранного, иностранных языков, литературы на следующих уровнях образования: начальное, основное и среднее общее образование; среднее профессиональное образование; высшее образование; дополнительное образование детей и взрослых; дополнительное профессиональное образование.

Язык публикаций

Русский и английский.

Плата за публикацию

Публикации являются бесплатными.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, соглашаются на следующее.

1. Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая по истечении 6 месяцев после публикации автоматически лицензируется на условиях Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылки на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

2. Авторы имеют право размещать свою работу в сети Интернет (например, в институтском хранилище или на персональном сайте) сразу после публикации ее журналом, поскольку это может привести к продуктивному обсуждению и большему количеству ссылок на данную работу.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2021.2

Сайт журнала: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.06.2021 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10,75 п. л. Тираж 1000 экз.